

ISSN 0205-9592

Том 45, Номер 6

Ноябрь - Декабрь 2024

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУКА

— 1727 —

СОДЕРЖАНИЕ

Том 45, № 6, 2024

К 100-ЛЕТИЮ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ

Людмила Ивановна Анцыферова: наукометрический анализ научного творчества (к 100-летию со дня рождения)

В. И. Белопольский, А. А. Костригин 5

Методологические конструкты в подходе Л.И. Анцыферовой к личности и их реализация в исследовании идентичности

З. И. Рябикина, Ю. Э. Макаревская 18

Современность идей Л. И. Анцыферовой (к 100-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой)

Е. А. Сергиенко 33

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Методологические основания изучения персонаний в истории психологии на основе их публикационной активности

Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев 44

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психологические эффекты ранней социализации в семье с наемным работником (няней)

Т. В. Дробышева 54

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Динамика актуализации интрасубъектных ресурсов и успешность субъекта

В. А. Толочек 63

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Межполушарные различия связей между ритмами ЭЭГ при полном и неполном пробуждении

И. А. Яковенко, Н. Е. Петренко, Е. А. Черемушкин, Е. О. Гандина, В. Б. Дорохов 73

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Философско-психологическая система рефлексивно-смысловой педагогики воспитания личности в российском человекознании (в связи со 145-летним юбилеем М. М. Рубинштейна)

И. Н. Семенов 85

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Применение опросника пространственного слуха (SHQ) для коммуникантов двух возрастных групп

И. Г. Андреева, Е. А. Клишова, А. М. Луничкин 95

Русскоязычная адаптация методики “Шкала отношения к досугу” (Leisure Attitude Scale (LAS)) Дж. Г. Брид и М. Г. Pageб

М. В. Евтодий, А. Е. Воробьева 105

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Психология коллектива как научное наследие А. И. Донцова

В. А. Баранова, Т. П. Емельянова

118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV Международная научно-практическая конференция “Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии”

А. Н. Занковский

126

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Николаевичу Панферову — 85 лет

132

Владимиру Дмитриевичу Шадрикову — 85 лет

134

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2024 г. Том 45

137

CONTENTS

Vol. 45, No. 6, 2024

TO THE 100th ANNIVERSARY OF L.I. ANTSYFEROVA

L. I. Antsyferova: A Scientometric Analysis of Scientific Creativity (On the 100 th Anniversary of Her Birth) <i>V. I. Belopolsky, A. A. Kostrigin</i>	5
Methodological Constructs in L. I. Antsyferova's Approach to Personality and Their Implementation in the Study of Identity <i>Z. I. Ryabikina, Yu. E. Makarevskaya</i>	18
The Modernity of L. I. Antsyferova's Ideas (To the 100 th Anniversary of Her Birth) <i>E. A. Sergienko</i>	33

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Methodological Foundations for the Study of Personalities in the History of Psychology Based on Their Publication Activity <i>Yu. N. Oleinik, A. L. Zhuravlev</i>	44
--	----

SOCIAL PSYCHOLOGY

Psychological Effects Early Socialization in Families with an Employee — Nanny <i>T. V. Drobysheva</i>	54
---	----

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Dynamics of the Actualization of Intrasubject Resources and the Success of the Subject <i>V. A. Tolochek</i>	63
---	----

PSYCHOPHYSIOLOGY

Hemispheric Differences in the Connections between EEG Rhythms During Full and Incomplete Awakening <i>I. A. Yakovenko, N. E. Petrenko, E. A. Cheremushkin, E. O. Gandina, V. B. Dorokhov</i>	73
--	----

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Philosophical and Psychological System of Reflexive and Semantic Pedagogy of Personality Education in Russian Human Studies (In Connection with the 145 th Anniversary of M. M. Rubinstein) <i>I. N. Semenov</i>	85
--	----

METHODS AND PROCEDURES

Application of the Spatial Hearing Questionnaire (SHQ) for Communicants in Two Age Groups <i>I. G. Andreeva, E. A. Klishova, A. M. Lunichkin</i>	95
Russian-Language Adaptation of the Leisure Attitude Scale (LAS) by J. G. Bread and M. G. Rageb <i>M. V. Evtodiy, A. E. Vorobieva</i>	105

MEMORABLE DATES

Psychology of the Collective as the Scientific Heritage of A. I. Dontsov

V. A. Baranova, T. P. Emelyanova

118

SCIENTIFIC LIFE

IV International Scientific and Practical Conference “Current State and Prospects of Development of Labor Psychology and Organizational Psychology”

A. N. Zankovsky

126

OUR JUBELEES

V. N. Panferov Is 85 Years Old

132

V. D. Shadrikov Is 85 Years Old

134

Index of articles published in “Psychological journal” in 2024. Volume 45

137

УДК 159.9

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА АНЦЫФЕРОВА: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

© 2024 г. В. И. Белопольский*, А. А. Костригин**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: vbelop@mail.ru

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 05.09.2024

Аннотация. В статье представлены результаты наукометрического анализа публикационной активности выдающегося отечественного психолога Л.И. Анцыферовой (1924–2013). В ходе исследования была составлена полная библиография трудов ученого и определены периоды ее научно-исследовательской деятельности. Представлены результаты библиографического (количественная динамика трудов и соавторов) и тематического (наиболее частотные термины и ключевые словосочетания) анализа, а также количество ежегодных цитирований всех работ ученого, ссылок на труды каждого периода ее научного творчества, цитирований по организациям, журналам, типам, тематике и ключевым словам. Полученные данные дополняют и расширяют материалы к научной биографии Л.И. Анцыферовой и дают представление о востребованности ее трудов в хронологической перспективе.

Ключевые слова: история психологии, персоналия, Л.И. Анцыферова, научное творчество, наукометрический анализ, тематический анализ, цитирования.

DOI: 10.31857/S0205959224060019

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 г. отмечается 100-летие крупного отечественного специалиста в области психологии личности, истории и методологии психологии Людмилы Ивановны Анцыферовой (1924–2013) [2]. Ее жизни, научному творчеству и вкладу в изучение проблем психологии посвящен целый ряд работ [1; 7; 8; 13–16; 20; 22; 26], однако современная методология научно-биографических исследований позволяет расширить возможности качественного анализа, в частности, за счет применения количественных методов.

Активное развитие *наукометрических исследований* в истории науки, в том числе в истории психологии, способствует распространению количественных методов на изучение самого широкого

спектра историко-психологических объектов — научных событий, организаций, изданий, направлений, проблем и др. [5; 6; 11; 18; 19; и др.]. В этом ряду особое место занимает изучение *персоналий* — их научной биографии, публикационной активности, динамики научных интересов, востребованности со стороны исследовательского сообщества, связей и коммуникации и др. [3; 4; 17; 23; 24; и др.].

В последние годы особое внимание уделяется количественным исследованиям публикационной активности *выдающихся сотрудников Института психологии РАН* [4; 9; 17], результаты которых не только фиксируют общеизвестный вклад этих ученых в разработку проблем отечественной психологии, но и демонстрируют неочевидные характеристики их научного творчества и степень интереса к нему со стороны научного сообщества.

В данной статье ставится *цель* наукометрического анализа научного творчества Л.И. Анцыферовой. *Объектом* исследования является составленная

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2024-0010.

нами полная на данный период библиография трудов ученого. *Предмет* исследования — количественная динамика публикационной активности Л.И. Анцыферовой, тематическая направленность ее работ, цитируемость ее публикаций в хронологической перспективе. В работе использовался комплекс наукометрических методов научно-библиографического анализа, апробированный нами ранее при анализе творчества А.В. Брушлинского и показавший свою продуктивность [4].

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Л.И. АНЦЫФЕРОВОЙ

Людмила Ивановна родилась 18 сентября 1924 г. в г. Златоусте Челябинской области, в 1933 г. она вместе с семьей переехала в Москву. В 1942 г. окончила школу и поступила на физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь Людмила Ивановна училась только один год, затем перевелась на заочное отделение философского факультета МГУ, который окончила в 1948 г. В том же году она поступила в аспирантуру на кафедру психологии философского факультета, а в 1952 г. успешно защитила диссертацию на тему “Учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления” и получила степень кандидата философских наук [21].

С 1953 по 1956 г. Л.И. Анцыферова работала младшим научным сотрудником лаборатории мышления и речи в НИИ психологии АПН РСФСР, затем перешла в сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР. Там она работала младшим и старшим научным сотрудником до осени 1972 г., когда в составе сектора была переведена во вновь созданный Институт психологии АН СССР на должность старшего научного сотрудника.

С конца 1973 г., после отделения сектора социальной психологии, Л.И. Анцыферова исполняла функции заведующего сектором философских проблем психологии (официально была назначена 18 апреля 1974 г.). В 1974 г. Людмила Ивановна в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР защитила докторскую диссертацию на тему “Материалистическая мысль в психологии капиталистических стран XX века” и получила степень доктора психологических наук. Она руководила сектором до лета 1984 г., а после его реорганизации стала заведующей сектором психологии личности. На этой должности она проработала до весны 1991 г., затем перешла на позицию

ведущего (1991–1997)² и далее главного (1997–2012) научного сотрудника.

Показателями научного и общественного признания Л.И. Анцыферовой являются полученные ею звания старшего научного сотрудника (1962), заслуженного деятеля науки РСФСР (1984), профессора (1991), почетного члена Российской академии образования (1996), а также орден “Знак почета” (1981).

Следует отметить также ее достижения в научно-организационной деятельности: она была руководителем методологических семинаров по философским, методологическим и теоретическим проблемам психологии в ИП АН СССР в 1980-е годы; работала заместителем главного редактора “Психологического журнала” (1980–1990); была ответственным редактором ряда коллективных трудов; под ее научным руководством было подготовлено несколько кандидатских и докторских диссертаций.

ЗАДАЧИ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье ставятся *задачи* выявления количества, типологии, динамики, тематики и востребованности трудов Л.И. Анцыферовой. Решение этих задач опиралось на принципы полноты и хронологической периодизации источников, которые активно обсуждаются в литературе [10; и др.].

Прежде всего для данного исследования была составлена *полная библиография публикаций* Л.И. Анцыферовой. В работе использовались два варианта библиографии трудов ученого:

— *список 1* — все подтвержденные на данный период публикации автора (всего 130; без повторных изданий), которые были разделены на несколько *типов*: монографии, статьи в журналах, статьи и главы в книгах, тезисы, разное (словарные статьи, публицистические работы, предисловия, некрологи, учебно-методические издания, интервью, библиографические обзоры и др.);

— *список 2* — наиболее репрезентативные теоретические и эмпирические публикации (всего 73), только монографии, статьи в журналах, статьи и главы в книгах. Этот список не учитывал переизданные работы.

Были использованы также корпуса заголовков работ, которые, как было показано в наших прошлых исследованиях, адекватно отражают тематическое

² С 1992 г. — Институт психологии РАН.

содержание публикаций [3–6]. Соответственно, заголовки библиографического списка 1 составляли корпус 1, а списка 2 — корпус 2.

Другим принципом организации исследования являлся *хронологический подход*, согласно которому количественные показатели научного творчества должны рассматриваться во временной перспективе, что предполагает выделение этапов научной деятельности персоналии и соответствующего атрибутирования всех типов публикаций. Для периодизации публикационной активности Л.И. Анцыферовой использовались *событийный и научно-организационный критерии* — смена места работы и должностного статуса (начальной точкой первого периода является год издания первой публикации, а конечной точкой последнего периода — год издания последней прижизненной работы). Были выделены следующие этапы:

— *I период: 1955–1971 гг.* (НИИ психологии АПН РСФСР: младший научный сотрудник; Институт философии АН СССР: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник);

— *II период: 1972–1991 гг.* (Институт психологии АН СССР: старший научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем психологии и сектора (позднее — лаборатории) психологии личности);

— *III период: 1992–2008 гг.* (Институт психологии РАН: ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник).

Были использованы следующие *методы* исследования: 1) *библиографический анализ* для определения количества публикаций Л.И. Анцыферовой по периодам и типам, а также ее соавторов, эти показатели рассчитывались на материале полного списка работ; 2) *тематический анализ* заголовков публикаций для определения наиболее частотных и наиболее оригинальных (ключевых) для каждого периода психологических терминов. Данный анализ проводился на материале корпуса 2 с помощью сервиса *Sketch Engine* (подробнее о сервисе и методике подсчета вышеобозначенных пока-

зателей см.: [5; 6]); 3) *анализ цитирований* трудов Л.И. Анцыферовой: всех работ автора по годам (до 2023 г. включительно), работ из списка 2 по периодам, распределение цитирующих публикаций по организациям, журналам, типам, тематике и ключевым словам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Библиографический анализ трудов Л.И. Анцыферовой. Было подсчитано количество опубликованных работ в целом и по отдельным типам за три периода публикационной активности Л.И. Анцыферовой (табл. 1).

Из приведенных в табл. 1 данных следует, что Л.И. Анцыферова публиковала в среднем 2.41 работы в год, причем для оригинальных работ (список 2) этот показатель составил 1.35. Важно отметить неравномерность публикационной активности Л.И. Анцыферовой по периодам ее научной деятельности как в суммарном значении, так и по типам публикаций. Если рассматривать среднегодовые показатели по периодам, то наименьшие значения получены для III периода, причем почти по всем типам работ, за исключением монографий и тезисов (равные значения с показателями I периода), а также статей в журналах, которые превосходили показатели I и II периодов. В I и II периодах ежегодно публиковалось в среднем близкое количество работ, причем значительный вклад в такую результативность внесли публикации в рубриках “статьи и главы в книгах” и “разное”. При этом необходимо принять во внимание, что в 1984–1987 гг. по неизвестным нам причинам Л.И. Анцыферова не опубликовала ни одной работы. Если рассматривать среднегодовую публикационную активность Л.И. Анцыферовой только для работ из списка 2 (монографии и статьи в книгах и журналах), то лидирующее положение занимает I период (1.53 против 1.20 для II и 1.35 для III периодов).

Таблица 1. Распределение количества публикаций по периодам публикационной активности Л.И. Анцыферовой (всего / в среднем за год)

	За все время (1955–2008; 54 года)	I период (1955–1971; 17 лет)	II период (1972–1991; 20 лет)	III период (1992–2008; 17 лет)
Все публикации	130 / 2.41	45 / 2.65	52 / 2.60	33 / 1.94
Монографии	4 / 0.07	1 / 0.06	2 / 0.10	1 / 0.06
Статьи в журналах	34 / 0.63	12 / 0.71	7 / 0.35	15 / 0.88
Статьи и главы в книгах	35 / 0.65	13 / 0.76	15 / 0.75	7 / 0.41
Тезисы	15 / 0.28	4 / 0.24	7 / 0.35	4 / 0.24
Разное	42 / 0.78	15 / 0.88	21 / 1.05	6 / 0.35

Сопоставляя полученные библиографические показатели с этапами научной биографии Л.И. Анцыферовой, можно предположить, что в начале своей деятельности, занимая рядовые научные должности, она имела определенную свободу как в выборе тематики исследований (психология мышления, история психологии), так и в форматах научных публикаций, чему способствовал также ее высокий научный авторитет (напомним, что первая публикация вышла в 1955 г., т.е. уже после защиты кандидатской диссертации). Приоритет в I периоде ее научной деятельности отдавался оригинальным работам, преимущественно статьям. Переход на работу в Институт психологии АН СССР, занятие руководящих должностей, изменение ведущей тематики исследований (психология личности) изменили и структуру публикаций Л.И. Анцыферовой — в II периоде было опубликовано больше монографий и книжных статей, а также работ второстепенной значимости. В III периоде, в котором Л.И. Анцыферова уже не была вовлечена в выполнение повседневных организационно-управленческих обязанностей по руководству подразделением, она начала разрабатывать новое направление психологии — геронтопсихологию и сосредоточилась на написании статей в журналах.

Таким образом, полученные библиографические данные подтверждают выводы исследователей о том, что публикационная активность является результатом совместного действия нескольких факторов: статуса ученого, смены научной тематики, возраста и др. [12]. Присутствие этих факторов было прослежено нами также при анализе публикационной активности А.В. Брушлинского [4].

Обратимся далее к анализу соавторов Л.И. Анцыферовой. Всего у нее было 17 соавторов, при этом ни один из них не повторялся. Это весьма необычная, можно сказать, уникальная ситуация

может свидетельствовать о том, что совместные публикации создавались под конкретные разовые задачи и не были связаны с долговременной разработкой творческих проблем, которые Людмила Ивановна предпочитала решать индивидуально. Дополнительными аргументами в пользу этого предположения являются сведения о научно-организационной (институциональной) принадлежности соавторов Л.И. Анцыферовой на каждом этапе ее научного творчества: в 1955–1971 гг. она публиковалась чаще с внешними исследователями (Б.Ф. Поршневым из Института всеобщей истории АН СССР и О.К. Тихомировым из МГУ им. М.В. Ломоносова), чем с коллегами из Института философии АН СССР (К.А. Славской); в 1972–1991 гг. у Людмилы Ивановны было больше публикаций с коллегами по Институту психологии АН СССР (Е.А. Будиловой, Д.Н. Завалишиной, Т.Б. Карцевой, Б.Ф. Ломовым, В.М. Русаловым, В.А. Сосниным, И.И. Чесноковой), чем с авторами из других организаций (А.Н. Ждан, Х.Н. Момджяном и С.А. Токаревым из МГУ им. М.В. Ломоносова, Е.А. Мамчур из Института философии АН СССР, Е.Ф. Рыбалко из ЛГУ, М.Г. Ярошевским из Института истории естествознания и техники АН СССР); в 1992–2008 гг. была только одна совместная учебно-методическая работа с сотрудником Института психологии РАН С.Д. Бирюковым. На основе приведенного списка соавторов можно сделать вывод о том, что совместная публикационная активность Л.И. Анцыферовой была обусловлена в том числе личностными (взаимоотношениями с другими исследователями) и научно-организационными факторами.

Тематический анализ трудов Л.И. Анцыферовой.

Были определены наиболее часто встречающиеся научные термины в корпусе заголовков репрезентативных публикаций Л.И. Анцыферовой за весь период ее научного творчества. В табл. 2

Таблица 2. Наиболее частотные научные термины в корпусе 2 публикаций Л.И. Анцыферовой за 1955–2008 гг.

№ п/п	Термин	Частота
1	Развитие личности	11
2	Анри Валлон	4
3	Зарубежная психология	4
4	Проблема психологии	4
5	Психология личности	4
6	Психологическая наука	4
7	Теория развития	3
8	Жизнь человека	3
9	Период поздней взрослости	2
10	Проблема мышления	2
11	Системный подход	2
12	Элементарная познавательная деятельность	2

представлены только те словосочетания, которые встречались 2 раза и более.

Согласно полученным результатам, основными направлениями научно-исследовательской деятельности Л.И. Анцыферовой были психология личности и развития (“развитие личности”, “психология личности”, “теория развития”, “жизнь человека”, “период поздней взрослости”), методология психологии и отдельных ее отраслей (“проблема психологии”, “психологическая наука”, “системный подход”), история психологии (“Анри Валлон”, “зарубежная психология”) и психология мышления (“проблема мышления”, “элементарная познавательная деятельность”).

Были выделены также ключевые слова и словосочетания, специфические для каждого периода публикационной активности Л.И. Анцыферовой (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что на каждом этапе своей научной карьеры у Л.И. Анцыферовой появлялись новые исследовательские темы. В 1955–1971 гг. в центре ее исследований были проблемы изучения психики и мышления, а также истории психологии; в 1972–1991 гг. ее значительно больше интересовали методология психологии и психология личности в целом; наконец в 1992–2008 гг. Л.И. Анцыферова сконцентрировала свои усилия на проблемах психологии развития человека, в том числе в поздние периоды его жизни.

Анализ цитирований трудов Л.И. Анцыферовой. Всего на 02.09.2024, по данным РИНЦ, все работы Л.И. Анцыферовой были процитированы 12210 раз. Приведем публикации, имеющие самые высокие показатели цитирования: “Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита” (1994) — 2396, “К психологии личности как развивающейся системе” (1981) — 789, “Развитие личности и проблемы геронтопсихологии, 2-е доп. изд.” (2006) — 597,

Таблица 3. Ключевые термины в корпусе 2 научных публикаций Л.И. Анцыферовой в разные периоды ее научно-исследовательской деятельности (в скобках приведены количественные значения “ключевости”*)

Ключевые термины публикаций		
1955–1971 гг.	1972–1991 гг.	1992–2008 гг.
Психика (3.18)	Методологический (3.56)	Жизненный (2.41)
Бихевиоризм (3.15)	Динамический (3.52)	Жизнь человека (2.39)
Валлон (3.15)	Развивающийся (3.52)	Теория развития (2.39)
Проблема мышления (3.15)	Системный подход (3.52)	Деформация (2.38)
Прогрессивный (3.15)	Формирование (3.52)	Мудрость (2.38)
Психолог (3.15)		Особенность развития личности (2.38)
Элементарная познавательная деятельность (3.15)		Период поздней взрослости (2.38)
		Призвание (2.38)

* Индекс ключевости показывает прежде всего оригинальность, специфичность данного термина в оцениваемом подкорпусе по сравнению с общим корпусом [4; 19].

“Способность личности к преодолению деформаций своего развития” (1999) — 447, «Психология повседневности: жизненный мир личности и “техники ее бытия”» (1993) — 433.

Анализ ежегодных показателей цитирований работ Л.И. Анцыферовой позволяет более дифференцированно подойти к оценке востребованности ее трудов со стороны научного сообщества в хронологической перспективе (рис. 1).

Обнаружена в целом *волнообразно возрастающая динамика* количества цитирований работ Л.И. Анцыферовой от года к году до 2016 г. включительно. Для всех публикаций (по РИНЦ) до 1998 г. этот показатель был стабильно ниже 100, с 1999 по 2010 г. число цитирований постепенно увеличилось до 500, пик цитирования был достигнут в 2016 г. — 741, затем началось устойчивое снижение числа обращений к трудам ученого до значений менее 500 (454 в 2022 г. и 489 в 2023 г.). Для работ из списка 2 показатель количества ежегодных цитирований полностью повторял общую динамику, а их суммарная доля составляла 74,2% от всех ссылок (или 79,2%, если добавить к этому цитирования второго издания книги “Развитие личности и проблемы геронтопсихологии” (2006), которая не входила в список 2). Данный результат может служить подтверждением репрезентативности выделенного нами списка оригинальных работ Л.И. Анцыферовой. Нужно отметить, что весьма схожую динамику ежегодных цитирований можно наблюдать и для списка из пяти самых высокочастотных работ с долей 38,6% общего количества цитирований, из которых 19,5% приходилось на лидера этого списка.

Далее были определены показатели цитирований работ Л.И. Анцыферовой из списка 2, разделенных по периодам ее научного творчества (рис. 2).

Установлено, что чаще всего ссылаются на публикации, которые вышли во II и особенно в III периоде, когда была написана самая высокоцитиру-

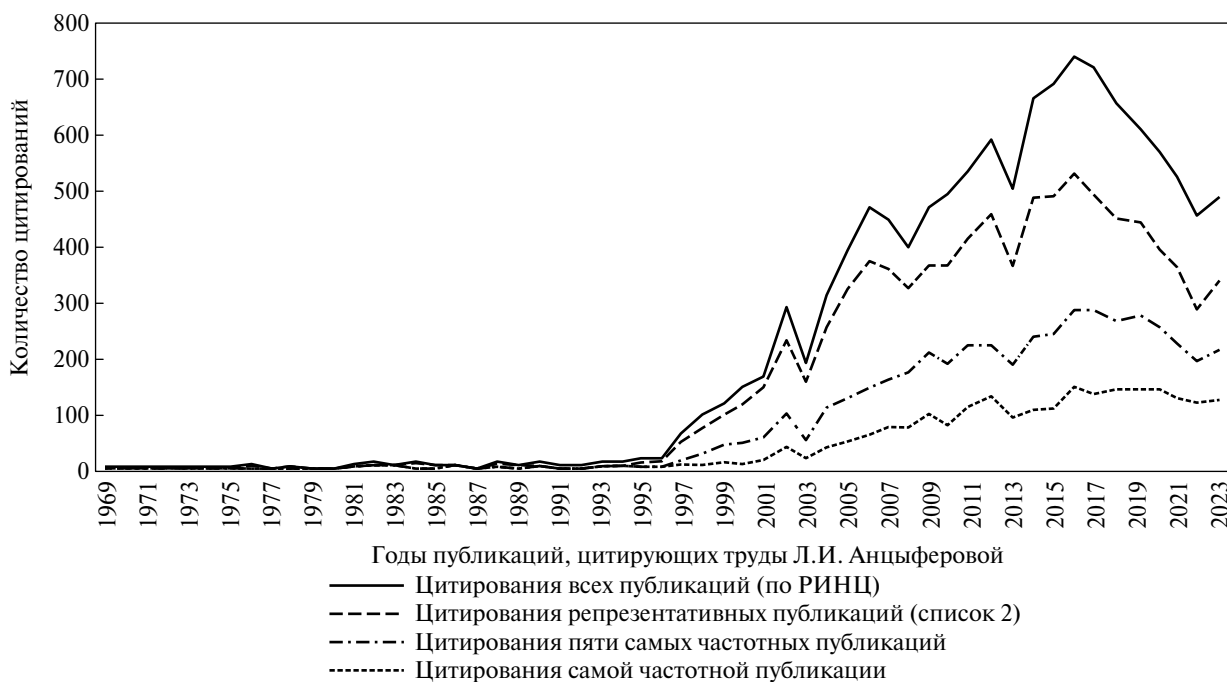

Рис. 1. Динамика ежегодного цитирования работ Л.И. Анцыферовой (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

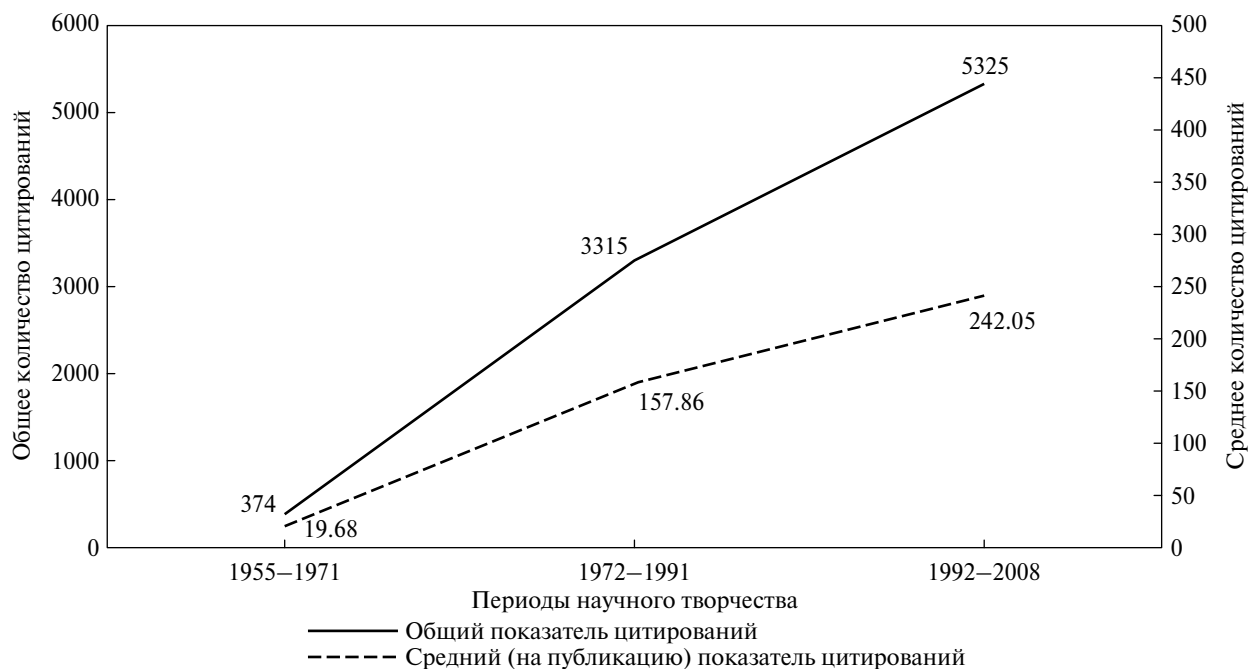

Рис. 2. Цитирование работ Л.И. Анцыферовой из списка 2 по периодам их издания (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

емая статья. Таким образом, несмотря на некоторое снижение количества публикаций в III периоде, а также более короткое время их доступности, именно последний период творчества Л.И. Анцыферовой был отмечен написанием наиболее значимых и признанных научным сообществом работ. Примечательно, что большинство этих работ относится к статьям в журналах, где наиболее высоки

требования к актуальности публикуемых материалов.

Приведем также график частотного распределения всех статей из списка 2 (рис. 3), который детализирует данные, отображенные на рис. 1 и 2.

На рис. 3 видно, что лидирующие позиции по числу цитирований занимают публикации III периода, работы II периода также находятся

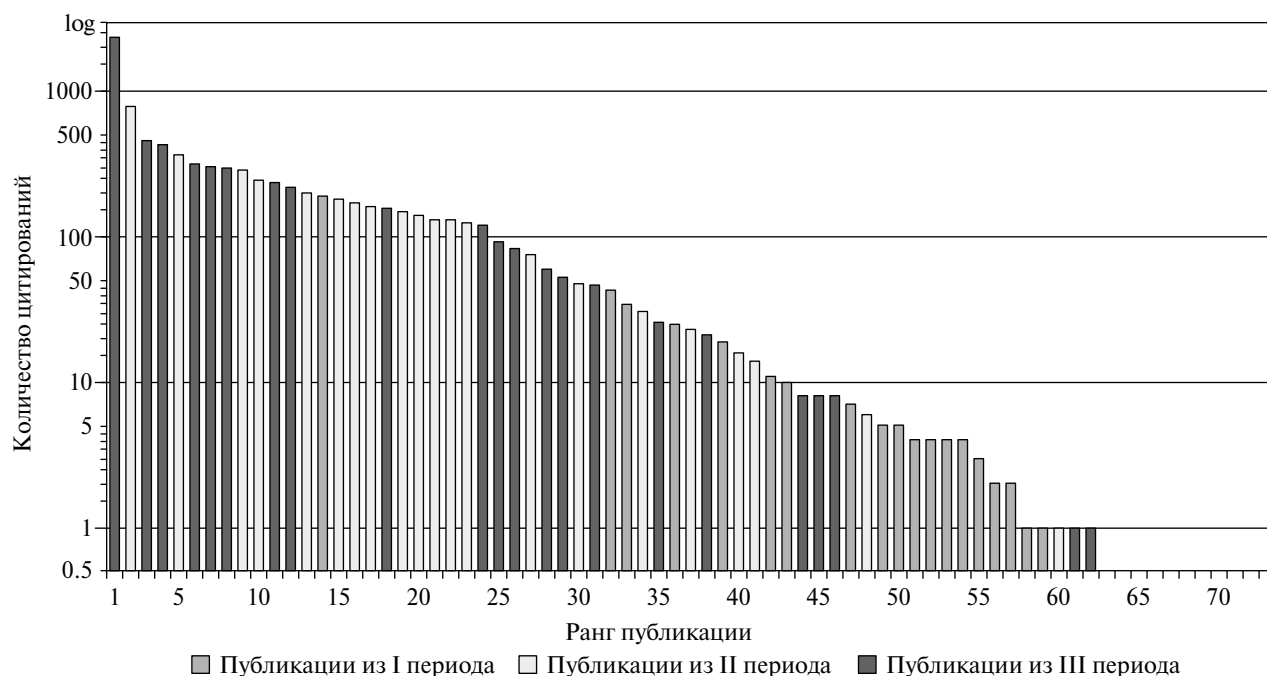

Рис. 3. Ранжированные по количеству цитирований работы Л.И. Анцыферовой из списка 2 (73 публикации)

в основном в верхней части рангового списка: из 10 наиболее цитируемых работ 6 опубликовано в III периоде, а остальные 4 — в II. Отдельно стоит отметить, что вышеупомянутая статья 1994 г., на которую приходится 26,6% всех цитирований работ из списка 2, является также лидером по числу цитирований из всех журнальных публикаций сотрудников Института психологии РАН! Наиболее цитируемая публикация I периода занимает только 14-е место. 11 публикаций не были процитированы ни разу, их распределение по периодам — соответственно 7—3—1.

На основании данных рис. 3 можно определить актуальный индекс Хирша для Л.И. Анцыферовой — 33 балла. По этому индексу она входит в топ-50 всех российских психологов (по данным РИНЦ от 02.09.2024).

Обозначим факторы, которые могли повлиять на распределение цитирований во времени: с логико-научной точки зрения, повышалось научное признание идей Л.И. Анцыферовой в целом и ее последних достижений в частности; с личностной — коллеги и ученики активно обращались к ее трудам; с научно-организационной — после ее смерти отмечались памятные даты, была организована юбилейная конференция в 2019 г. [20]; с социально-исторической — на увеличение показателей влияло общее развитие баз данных и стимулирование публикационной активности в стране.

Следует допустить также возможное влияние более общего фактора, обуславливающего резкое

повышение числа цитирований в период между серединой 2000-х и 2010-х годов и выраженный их спад (на 40%) после 2016 г., поскольку такого рода динамика цитирований была выявлена нами не только в данной работе, но и при наукометрическом анализе этого показателя у других ведущих ученых, сотрудников Института психологии РАН — А.В. Брушлинского [4] и А.Л. Журавлева [3]. Поскольку здесь нет прямой корреляции с периодом творческой жизни ученых, то этот фактор можно попытаться связать с научно-организационными условиями публикационной активности самого Института психологии РАН: именно в 2010-е годы был отмечен пик его издательской деятельности [5; 6]. При этом следует принять во внимание, что многим индивидуальным монографиям и коллективным трудам сотрудников Института психологии РАН присуще большое количество перекрестных ссылок на работы коллег [19], подтверждением чему являются также представленные ниже институциональные показатели цитирований трудов Л.И. Анцыферовой. Однако необходимы дополнительные исследования, которые ответили бы на вопрос, является ли временная динамика цитирований работ ученого, приведенная на рис. 1, только институциональным феноменом или же она носит более общий характер и присуща ученым из других российских учреждений.

Востребованность работ Л.И. Анцыферовой, написанных в последний период ее творческой деятельности, объясняется тем, что в эти годы она разрабатывала такие актуальные направления, как

психология личности и методология психологии. Именно на это указывают в том числе показатели частотности и ключевости терминов в корпусе 2 (см. табл. 2 и 3).

Обращаясь к анализу публикаций, цитирующих работы Л.И. Анцыферовой, может быть перспективным введение такой оценочной меры, как *коэффициент цитируемости*, определяемый как отношение общего количества цитирований (за год, за период) к соответствующему числу цитирующих публикаций. У Л.И. Анцыферовой средний по списку 1 коэффициент цитируемости составляет 1.34 ± 0.13 с диапазоном разброса от 1 до 3. Таким образом, можно сделать вывод, что цитирование работ Л.И. Анцыферовой не носит серийный характер, ограничиваясь 1–2 ссылками.

Далее были определены показатели количества публикаций, цитирующих работы Л.И. Анцыферовой, которые отражают их институциональную и тематическую принадлежность. В табл. 4 и 5 представлены данные по количеству цитирований для организаций, с которыми аффилированы авторы цитирующих работ, и журналов, в которых были напечатаны такие статьи.

Самый высокий показатель цитирующих публикаций среди организаций имеет Институт психологии РАН. Л.И. Анцыферова принадлежала к научной школе Института, разрабатывала в ее рамках проблемы методологии и истории, психологии личности и развития. Кроме того, в составе цитировавших авторов были ее коллеги, ученики и последователи из числа сотрудников Института. Среди других организаций в этом перечне присутствуют учреждения из Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Ярославля. Это говорит об интересе к работам Л.И. Анцыферовой во многих научных и образовательных центрах России, а также о географии научно-коммуникативных связей самой Людмилы Ивановны и представителей школы Института психологии РАН.

Среди периодических изданий наиболее часто обращались к трудам Л.И. Анцыферовой авторы “Психологического журнала”. Это ведущий российский психологический журнал, который индексируется во всех международных библиографических базах, а ядро его редколлегии составляют представители Института психологии РАН. В нем публиковались многие сотрудники Института психологии РАН, а у самой Людмилы Ивановны в этом журнале было

Таблица 4. Распределение цитирующих публикаций по организациям (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

№ п/п	Организации, с которыми аффилированы авторы цитирующих публикаций	Количество цитирующих публикаций
1	Институт психологии РАН	605
2	Московский педагогический государственный университет	209
3	Южный федеральный университет	184
4	Санкт-Петербургский государственный университет	180
5	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	176
6	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	167
7	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	162
8	Новосибирский государственный педагогический университет	155
9	Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского	145
10	Московский государственный психолого-педагогический университет	139

Таблица 5. Распределение цитирующих публикаций по журналам (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

№ п/п	Журналы	Количество цитирующих публикаций
1	Психологический журнал	113
2	Мир психологии	57
3	Проблемы современного педагогического образования	42
4	Человеческий капитал	37
5	Психологические исследования	34
6	Вопросы психологии	32
7	Ярославский педагогический вестник	28
8	Мир науки, культуры, образования	27
9	Акмеология	26
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	26

опубликовано 23 статьи (и некоторые из них имеют очень высокий рейтинг цитируемости). Среди других журналов, в которых цитировались работы Л.И. Анцыферовой, можно выделить три группы: психологические (40%), психолого-педагогические (40%) и междисциплинарные (20%).

Далее представим содержательные показатели цитирующих публикаций — их распределение

по типу, тематическому рубрикатору и ключевым словам (табл. 6–8).

Чаше всего цитируют работы Л.И. Анцыферовой авторы журнальных статей. Это означает, что труды Людмилы Ивановны остаются востребованными для специалистов, публикующих результаты своих самых новых исследований. Кроме того, к ее работам часто обращаются в диссертационных

Таблица 6. Распределение цитирующих публикаций по типу (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

№ п/п	Тип цитирующих публикаций	Количество цитирующих публикаций
1	Статья в журнале	3696
2	Диссертация	2176
3	Книга или сборник статей	1823
4	Статья в сборнике трудов конференции	1535
5	Статья в сборнике или глава в книге	603
6	Отчет	5
7	Препринт	2

Таблица 7. Распределение цитирующих публикаций по тематическому рубрикатору (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

№ п/п	Тематика	Количество цитирующих публикаций
1	Психология	5981
2	Народное образование. Педагогика	2465
3	Социология	293
4	Медицина и здравоохранение	193
5	Философия	180
6	Физическая культура и спорт	150
7	Государство и право. Юридические науки	89
8	Экономика. Экономические науки	80
9	Языкознание	67
10	История. Исторические науки	57

Таблица 8. Распределение цитирующих публикаций по ключевым словам (по данным РИНЦ от 02.09.2024)

№ п/п	Тематика	Количество цитирующих публикаций
1	Психология	577
2	Личность	497
3	Теория и методика профессионального образования	303
4	Копинг-стратегии	271
5	Общая педагогика	256
6	Совладающее поведение	252
7	Психология личности	246
8	Педагогическая психология	231
9	Общая психология	208
10	Социальная психология	206
11	Культура	201
12	Стресс	191
13	История педагогики и образования	176
14	История психологии	164
15	Просвещение	156
16	Народное образование	153
17	Педагогические науки	151
18	Развитие	149
19	Адаптация	147
20	Субъект	135

исследованиях, пусть даже иногда и формально (те же результаты наблюдаются в данных цитирований других ученых [4; 17]). В отдельных же индивидуальных и коллективных изданиях фиксируется более устоявшееся знание, что, как и в случае с диссертациями, говорит о признании методологической и теоретической ценности трудов Л.И. Анцыферовой.

Востребованность научного творчества Л.И. Анцыферовой со стороны авторов психологического профиля очевидна. Представляют интерес показатели количества цитирующих публикаций из других научных областей: к ее работам обращаются исследователи из сфер образования и педагогики (в том числе физической культуры и спорта), социогуманитарных наук и медицины. Можно с определенной уверенностью предположить, какие именно идеи Л.И. Анцыферовой используются в этих науках: в образовании — представления о личности, ее развитии в разные периоды жизни, мышлении; в социогуманитарных науках — публикации о личности, а также по истории психологии; в медицине — ее разработки по проблемам развития, в том числе по геронтопсихологии.

Выявленные ключевые слова, которые чаще всего используют авторы, цитирующие труды Л.И. Анцыферовой, свидетельствуют о широком диапазоне научных направлений, в которых применяются ее идеи. Ключевые слова указывают на такие крупные области, как психология, педагогика и культурология. Среди конкретных психологических направлений присутствуют психология личности и субъекта, психология стресса и совладания (адаптации), педагогическая, общая и социальная психология, а также история психологии. Наиболее неожиданным результатом анализа по ключевым словам является высокая частота слова “*стресс*”: в целом ряде теоретических и эмпирических работ по этому направлению присутствуют ссылки на труды Л.И. Анцыферовой. Упоминается эта тематика и в статьях, посвященных ее жизни и творчеству [8; 25; 26; и др.]. При этом нам не известны отдельные публикации, специально описывающие вклад Л.И. Анцыферовой в психологию стресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный наукометрический анализ научного творчества Л.И. Анцыферовой позволил получить количественные данные, подтверждающие и в определенной степени дополняющие существующие качественные биографические исследования.

Была составлена полная библиография трудов Л.И. Анцыферовой с их привязкой к типу публикации и периоду ее написания, выявлены контингент соавторов, ведущая тематика исследований и разные показатели их востребованности. Новизна полученных результатов связана с использованием комплекса наукометрических методов, которые позволили выявить некоторые неочевидные данные. Так, было установлено, что наибольшее количество публикаций Л.И. Анцыферовой относится к типу разных (учебно-методических, публицистических, словарных и др.), все совместные публикации у нее были с новыми соавторами, на каждом этапе ее творчества появлялись оригинальные темы исследований, самые цитируемые работы относятся к позднему периоду жизни, для которого характерна фокусировка на меньшем количестве научных тем. Было также показано, что востребованность работ Людмилы Ивановны сохраняется на высоком уровне и после ее ухода из жизни.

Отдельно следует сказать о взаимодополняемости комплекса выбранных методов наукометрического анализа. Здесь отметим совместный анализ библиографических данных и показателей цитирования, а также сопоставление результатов тематического анализа и параметров цитирующих статей (предметная область, ключевые слова). В качестве первого примера взаимодополняемости методов можно обозначить возможность составления библиографического списка наиболее цитируемых работ; второй пример связан с потенциалом ключевых слов, которые используют авторы цитирующих публикаций, для углубления тематического анализа.

Предполагается, что реализованный в данной работе подход и полученные результаты могут быть далее использованы при сравнительном анализе творческих биографий других выдающихся сотрудников Института психологии РАН, а также представителей иных научных и образовательных центров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., Волюшкова М.И., Джидарьян И.А., Журавлев А.Л. Предисловие // Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. С. 5–11.
2. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. 415 с.
3. Белопольский В.И., Костригин А.А. Этапы творческого пути А.Л. Журавлева: библиометрический анализ // Актуальные проблемы современной социаль-

- ной психологии и ее отраслей / Отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2023. С. 37–46.
4. Белопольский В.И., Костригин А.А. Андрей Владимирович Брушлинский: опыт наукометрического анализа научного творчества // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 5. С. 101–112.
 5. Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть I. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
 6. Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
 7. Воловикова М.И. Людмила Ивановна Анцыферова как организатор лаборатории психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 18–24.
 8. Воловикова М.И., Харламенкова Н.Е. Анцыферова Людмила Ивановна. Вклад в развитие психологической науки // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А.Л. Журавлева; сост. А.Л. Журавлев, В.И. Белопольский. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020. С. 256–283.
 9. Галкина Т.В., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 117–128.
 10. Гуськов А.Е., Шрайберг Я.Л. Вызовы для развития наукометрических исследований // Научные и технические библиотеки. 2023. № 2. С. 37–58.
 11. Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории "индивидуальность" в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. С. 218–233.
 12. Драккина О.М., Поддубская Е.А., Розанов В.Б., Гасанова Л.Г. Влияние пола, возраста и стажа работы на показатели результативности научной деятельности работников медицинских исследовательских учреждений // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2021. Т. 20. № 7. С. 153–162.
 13. Журавлев А.Л. Предисловие // Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 5–6.
 14. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Принцип развития в психологии: разработка и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.
 15. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Мудрость личности (к 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
 16. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Вместо предисловия. Междисциплинарный, системный, динамический подход Л.И. Анцыферовой: история, состояние, перспективы // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. С. 11–20.
 17. Зуев К.Б. Наукометрический анализ творческого наследия Б.Ф. Ломова // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020. С. 340–362.
 18. Ковалева Ю.В. Семинар "Актуальные направления психологических исследований" как событие в научной истории Института психологии РАН: качественный и количественный историко-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 4 (32). С. 232–274.
 19. Костригин А.А., Журавлев А.Л. Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
 20. Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. 734 с.
 21. Научный архив Института психологии РАН (НА ИПРАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.
 22. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016. 479 с.
 23. Рыбачук В.П. Библиометрический портрет академика Владимира Ивановича Вернадского: известность в мире // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития. 2013. № 11. С. 22–33.
 24. Хайтун С.Д. Об одной из методик изучения научной биографии // Человек науки / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1974. С. 214–228.
 25. Харламенкова Н.Е. Личность и преодоление трудных жизненных ситуаций // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 10–18.

26. Харламенкова Н.Е., Журавлев А.Л. Психология личности в трудах Л.И. Анцыферовой и современные представления о личностном развитии и посттравматическом росте // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы

всероссийской конференции по истории психологии “VI Московские встречи”, Москва, 30 июня — 2 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 369–378.

L. I. ANTSYFEROVA: A SCIENTOMETRIC ANALYSIS OF SCIENTIFIC CREATIVITY (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF HER BIRTH)³

V. I. Belopolsky*, A. A. Kostargin**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13 bldg. 1, Russia.*

**ScD in Psychology, Principal Researcher,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: vbelop@mail.ru*

***PhD in Psychology, Senior Research Associate,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: artdzen@gmail.com*

Received 5.09.2024

Abstract. The article presents the results of a scientometric analysis of the publication activity of the outstanding Russian psychologist L.I. Antsyferova (1924–2013). In the course of the study a complete bibliography of the scientist's works was compiled and the periods of her research activity were determined. The results of bibliographic (quantitative dynamics of works and co-authors) and thematic (most frequent terms and key word combinations) analyses are presented, as well as the number of annual citations of all works of the scientist, references to the works from each period of her scientific work, citations by organizations, journals, types, topics and keywords. The obtained data supplement and expand materials for the scientific biography of L.I. Antsyferova and give an idea of the demand for her works in chronological perspective.

Keywords: history of psychology, personality, L.I. Antsyferova, scientific creativity, scientometric analysis, thematic analysis, citations.

REFERENCES

1. Abulkhanova K.A., Volovikova M.I., Dzhidaryan I.A., Zhuravlev A.L. Predislovie. In: Antsyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii*. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2004. P. 5–11. (In Russian)
2. Antsyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii*. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2004. (In Russian)
3. Belopolsky V.I., Kostargin A.A. *Etapy tvorcheskogo puti A.L. Zhuravleva: bibliometricheskii analiz*. Eds. T.V. Drobysheva, T.P. Yemelyanova, T.A. Nestik, N.N. Khashchenko, A.E. Vorobyeva. *Aktual'nye problemy sovremennoi sotsial'noi psikhologii i ee otraslei*. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2023. P. 37–46. (In Russian)
4. Belopolsky V.I., Kostargin A.A. Andrei Vladimirovich Brushlinsky: opyt naukometricheskogo analiza nauchnogo tvorchestva. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2024. V. 45. № 5. P. 101–112. (In Russian)
5. Belopolsky V.I., Kostargin A.A., Zhuravlev A.L. Gody, lyudi, knigi: nauchno-izdatel'skaya deyatel'nost' Instituta psikhologii RAN (1972–2021). Chast' I. Nauchno-organizatsionnye i bibliometricheskie aspekty. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 6. P. 5–17. (In Russian)
6. Belopolsky V.I., Kostargin A.A., Zhuravlev A.L. Gody, lyudi, knigi: nauchno-izdatel'skaya deyatel'nost' Instituta psikhologii RAN (1972–2021). Chast' II. Tematicheskie i lingvisticheskie aspekty. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 1. P. 5–15. (In Russian)

³ The work was performed in accordance with the state task № 0138-2024-0010.

7. *Volovikova M.I.* Lyudmila Ivanovna Antsyferova kak organizator laboratorii psikhologii lichnosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. V. 35. № 6. P. 18–24. (In Russian)
8. *Volovikova M.I., Kharlamenkova N.E.* Antsyferova Lyudmila Ivanovna. Vklad v razvitie psikhologicheskoi nauki. Eds. A.L. Zhuravlev; Comp. A.L. Zhuravlev, V.I. Belopolsky. Vydavushchiesya uchenye Instituta psikhologii RAN: Biograficheskie ocherki. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 256–283. (In Russian)
9. *Galkina T.V., Zhuravlev A.L., Kostrogina A.A.* Yakov Aleksandrovich Ponomarev: nekotorye rezul'taty naukometricheskogo analiza tvorcheskogo naslediya. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2022. № 1. P. 117–128. (In Russian)
10. *Guskov A.E., Shraiberg Ya.L.* Vyzovy dlya razvitiya naukometricheskikh issledovaniy. Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. 2023. № 2. P. 37–58. (In Russian)
11. *Eliseeva I.N., Oleynik Yu.N.* Naukometricheskii analiz kak metod izucheniya sostoyaniya i dinamiki nauchnogo napravleniya (na primere ispol'zovaniya kategorii "individual'nost'" v nazvaniyakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.). Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 218–233. (In Russian)
12. *Drapkina O.M., Poddubskaya E.A., Rozanov V.B., Gasanova L.G.* Vliyanie pola, vozrasta i stazha raboty na pokazateli rezul'tativnosti nauchnoi deyatel'nosti rabotnikov meditsinskikh issledovatel'skikh uchrezhdenii. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*. 2021. V. 20. № 7. P. 153–162. (In Russian)
13. *Zhuravlev A.L.* Predislovie. In: Antsyferova L.I. Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2006. P. 5–6. (In Russian)
14. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Printsip razvitiya v psikhologii: razrabotka i perspektivy. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 4. P. 29–40. (In Russian)
15. *Zhuravlev A.L., Kharlamenkova N.E.* Mudrost' lichnosti (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.I. Antsyferovoi). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. V. 35. № 5. P. 99–101. (In Russian)
16. *Zhuravlev A.L., Kharlamenkova N.E.* Vmesto predisloviya. Mezhdistsiplinarnyi, sistemnyi, dinamicheskii podkhod L.I. Antsyferovoi: istoriya, sostoyanie, perspektivy. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 11–20. (In Russian)
17. *Zuev K.B.* Naukometricheskii analiz tvorcheskogo naslediya B.F. Lomova. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. *Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnye bazy*. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 340–362. (In Russian)
18. *Kovaleva Yu.V.* Seminar "Aktual'nye napravleniya psikhologicheskikh issledovaniy" kak sobytie v nauchnoi istorii Instituta psikhologii RAN: kachestvennyi i kolichestvennyi istoriko-psikhologicheskii analiz. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2023. V. 8. № 4 (32). P. 232–274. (In Russian)
19. *Kostrogina A.A., Zhuravlev A.L.* Kolichestvennyi analiz izdaniy Instituta psikhologii RAN po nauchnomu napravleniyu metodologii psikhologii v 2002–2021 gg. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 5. P. 99–120. (In Russian)
20. Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. 734 p. (In Russian)
21. Nauchnyi arkhiv Instituta psikhologii RAN (NA IPRAN). F. 1. Op. 2. D. 4. (In Russian)
22. Printsip razvitiya v sovremennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2016. 479 p. (In Russian)
23. *Rybachuk V.P.* Bibliometricheskii portret akademika Vladimira Ivanovicha Vernadskogo: izvestnost' v mire. Biblioteki natsional'nykh akademii nauk: problemy funktsionirovaniya, tendentsii razvitiya. 2013. № 11. P. 22–33. (In Russian)
24. *Khaitun S.D.* Ob odnoi iz metodik izucheniya nauchnoi biografii. Ed. M.G. Yaroshevskiy. *Chelovek nauki*. Moscow: Nauka, 1974. P. 214–228. (In Russian)
25. *Kharlamenkova N.E.* Lichnost' i preodolenie trudnykh zhiznennykh situatsii. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2014. № 3. P. 10–18. (In Russian)
26. *Kharlamenkova N.E., Zhuravlev A.L.* Psikhologiya lichnosti v trudakh L.I. Antsyferovoi i sovremennye predstavleniya o lichnostnom razvitii i posttravmaticheskom roste. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. *Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: sud'by uchenykh, dinamika idei, sodержание kontseptsii: Materialy vserossiiskoi konferentsii po istorii psikhologii "VI Moskovskie vstrechi"*, Moskva, 30 iyunya — 2 iyulya 2016 g. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 369–378. (In Russian)

УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ В ПОДХОДЕ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ К ЛИЧНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2024 г. З. И. Рябикина^{1,*}, Ю. Э. Макаревская^{2,**}

¹ФГБОУ ВО “Кубанский государственный университет”;
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Россия.

²ФГБОУ ВО “Сочинский государственный университет”;
354003, г. Сочи, ул. Пластунская, д. 94, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии.
E-mail: z.ryabikina@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, доцент, декан социально-педагогического факультета.
E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Поступила 27.05.2024

Аннотация. В статье приведены выделенные Л.И. Анцыферовой методологические конструкты, существенные для рассмотрения личности, ее бытия, идентичности с позиций субъектного, динамического, субъектно-бытийного и иных субъектно-ориентированных подходов. Идентичность предстает как развивающаяся система рефлекслируемых личностью индивидуальных особенностей, проявляемых ею по-разному в разные возрастные периоды жизненного пути в различных пространствах ее бытия. Личность представлена как субъект самоидентификации (“личное Я”) в рефлексивной определенности к признакам, отличающим ее от других (“уникальное Я”) либо, напротив, объединяющим ее с другими (“отраженное Я”). Эмпирическое исследование включало создание, апробацию и применение методики диагностики личностной идентичности, фиксирующей параметры осознания личностью себя, рефлексии личностных особенностей и их понятийной фиксации в различные возрастные периоды жизни. В исследовании приняли участие 700 респондентов (42.6% — мужчины, 57.4% — женщины) в возрасте от 12 до 90 лет (6 возрастных периодов). Была применена “Методика диагностики личностной идентичности”, разработанная авторами. В результате выполненного исследования были установлены значимые различия ($p \leq 0.05$) в уровне выраженности определенных самоидентификаций респондентов различных возрастов. Сделан вывод о том, что личностная идентичность является сложноорганизованным феноменом, включающим различные структурные и содержательные элементы, динамика которых неоднородна и зависит от последовательности перехода от одного этапа жизненного периода к следующему в связи с изменяющимися бытийными задачами, которые решает личность как субъект на конкретных этапах своего жизненного цикла.

Ключевые слова: личность, субъект, бытие идентичности, возраст, динамика самоидентификаций личности.

DOI: 10.31857/S0205959224060026

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема личностной идентичности является одной из фундаментальных психологических проблем. Разнообразие подходов и авторских интерпретаций этого сложного личностного феномена задает необходимость более строгой научной рефлексии, необходимость обращения к методологическим конструктам, сформированным и обоснованным классиками отечественной и зарубежной науки.

Людмила Ивановна Анцыферова входит в плеяду выдающихся российских психологов, которые в советское время создавали основы отечественной психологии, обеспечивали методологическую определенность научного поиска. Б.Ф. Ломов писал: “Если теоретическое исследование опирается на нечеткую методологическую (философскую) позицию, то возникает опасность... соскальзывания к эмпиризму со всеми вытекающими отсюда следствиями” [21].

В текстах Анцыферовой обоснованно акцентированы, осмыслены и, таким образом, закреплены

в научном дискурсе темы и аспекты анализа важных для науки и общества проблем. Она работала с большими категориями, трактовка которых создавала и создает главный контур поля научного психологического дискурса.

При этом центральной категорией для нее являлась категория “личность”. “Уже в 1950-е годы в работах Анцыферовой все в большей степени начинает проявляться интерес к *проблеме личности*, которая постепенно становится предметом самостоятельного научного исследования” [31, с. 149]. Формируя и обосновывая свой подход к личности как предмету научного рассмотрения, Л.И. Анцыферова выделила методологические конструкты, существенные для научного анализа личности. Среди них *методологические принципы развития и субъекта, персонологический конструкт “идентичность”, идея конструктивного онтогенеза* и другие существенные для понимания личности методологические установки, сыгравшие важную роль в оформлении субъектного, субъектно-бытийного и иных субъектно-ориентированных подходов к личности, продолжающие определять направленность ее интерпретации сегодня и задающие перспективы в дальнейшем развитии психологии личности.

Методологический принцип — это наиболее общие построения психологических объяснений, предполагающие распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован [18; 29]. Один из главнейших методологических принципов, по мнению Л.И. Анцыферовой, определяющий суть рассматриваемого психологического явления, — принцип развития. Характеризуя роль этого принципа в анализе психологических проблем, Людмила Ивановна рассматривала его как старейший, с наиболее продолжительной историей становления [4]. Применительно к анализу рассмотрения личности она писала: “Можно сказать, что основным способом бытия личности является развитие, которое выражает основную потребность человека как универсального родового существа — постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме своей родовой сущности... Личность постоянно экстраполирует себя в будущее, а свое отдаленное будущее проецирует на свое настоящее” [3, с. 4].

Обосновывая и раскрывая содержание созданного ею динамического подхода к рассмотрению личности, Л.И. Анцыферова писала о необходимости “исследовать динамику психической жизни личности”, т.е. “изучить разные формы существования

и осуществления личности во времени” [10, с. 39]. Она полагала крайне важным не упускать из внимания постоянное развитие личности, ее разнообразную (неоднородную, гетерохронную) изменчивость, поскольку жизненный путь человека сопровождается обретениями и утратами, достижениями и промахами, изъятиями и компенсациями в различных сферах бытия. Людмила Ивановна подчеркивала недостаточность и пагубность исследовательского внимания в рассмотрении личности и ее отдельных феноменов только к устойчивым чертам и выражала неудовлетворенность статичным подходом, который реализуется некоторыми персонологами [19].

К важным явлениям в понимании личности, процессов ее становления и функционирования Л.И. Анцыферова относит идентичность, подчеркивая в своих работах существенное место этого персонологического конструкта в научном дискурсе.

Рассуждая о способе бытия идентичности как одного из центральных личностных образований, Л.И. Анцыферова исходит из того, что “это *живое*, развивающееся, растущее качество личности” [2, с. 95].

В традиционных концепциях идентичности развитие представлено как одновекторный процесс, когда с возрастом личность становится все более непроницаемой для воздействий, а ее самоидентификация — все более устойчивой и неизменной. Однако глобальные социальные изменения, возросшая подвижность современного мира оказывают на личность влияние, при котором прежде казавшиеся устойчивыми личностные черты изменяются, изменяются критерии самоидентификации [12; 16; 22; 25; 26; 29; 34]. Изменчивая реальность — это вызов личности. Изменчивая, гибкая идентичность — ответ на этот вызов [11; 13; 28].

Рассматривая личность с позиций субъектно-бытийного подхода, мы исходим из того, что «личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены “пространства ее реализаций” или бытийные пространства, так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею в соответствии со структурой ее смыслов» [27, с. 6]. Субъектный потенциал личности, реализуемый в преобразовании, реорганизации, проявляется и в том, как личность претворяет себя в процессах самоидентификации, в том, как она “использует идентичность” для поддержания баланса с изменчивой реальностью, с одной стороны, добиваясь соответствия

с изменяющимися условиями бытия, с другой — сохраняя свою индивидуальность, уникальность, устойчивую целостность во времени и пространстве.

В этой связи столь же существенным, как принцип развития, во взглядах Л.И. Анцыферовой на проблемы личности предстает методологический принцип субъекта.

Как пишут об этом А.Л. Журавлев и Н.Е. Харламенкова, “проблема активности субъекта, поставленная ею в самом начале научной деятельности, так и осталась наиболее важной проблемной областью, вызывавшей особый интерес” [15, с. 31].

Исследовательские задачи формулировались Л.И. Анцыферовой в качестве теоретических положений о личности как активном субъекте своего собственного развития [24], что соответствует психологическим исследованиям роли личности как субъекта своего бытия (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.). И в предложенном динамическом подходе к личности Людмила Ивановна продолжила развивать и конкретизировать расширенную трактовку субъектно-деятельностного подхода своего учителя С.Л. Рубинштейна [7]. Она утверждала, что “речь надо вести не просто о деятельности, но о действующем индивиде, о личности в состоянии деятельности” [15, с. 32]. Сопоставляя свою точку зрения с позицией других авторов относительно сущности субъекта, Анцыферова отмечала, что субъектно-деятельностный подход не исчерпывает всей полноты личностного существования человека в мире. Личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой человеческой жизни.

Конкретизируя свое представление о сути понятия “субъект”, Анцыферова пишет, что “основная характеристика субъекта — переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя” [8, с. 211]. Самосозидание личности и самодетерминация — то главное, что характеризует личность как субъекта.

В нашем исследовании личность рассматривается как *субъект самоидентификаций*, включенный в определенные обстоятельства бытия в соответствии с периодом онтогенеза и соответствующим этапом жизненного цикла. Самоидентификация осуществляется в соответствии с возникающими и преодолеваемыми субъектом трудностями на каждом из возрастных этапов, в контексте “внутренней ситуации”, приобретенного “приватного опыта”

[9]. Субъектный подход к возрастной периодизации ценен тем, что позволяет вскрыть внутреннюю логику жизни человека, показать естественность развития и угасания биологических, анатомических и психологических функций человека как личности, творящей свое бытие.

Личность как субъект самоидентификации в своей рефлексии адресуется к определенным признакам, отличающим ее от других либо, напротив, объединяющим ее с другими. Характеризуя направленность интересов Э. Эриксона в толковании идентичности, Л.И. Анцыферова пишет, что он “стремился к разгадке... осознания личностью себя, своего внутреннего мира, собственных социально-психологических свойств” [2, с. 95].

Теоретические разработки понятия идентичности и вопросов ее формирования убедительно демонстрируют, что с самых ранних периодов онтогенеза при благоприятных социальных обстоятельствах (установления и поддержания эмоциональных связей в семье) личность начинает приобретать базовые компоненты идентичности (*basic trust*) [32], способные обеспечить ей онтологически безопасное существование в обществе; далее формируются навык дифференцировать своих людей от чужих, способность выделять свои телесные качества (свой пол и возраст) как самые простые компоненты “наличного в личности” [20], личная деятельность на базе действия “Я сам” [1], развиваются новые характеристики Я, усложняются, интегрируются [17], проверяются в игре как функции “эго” в попытке синхронизировать соматические и социальные процессы с самостью [32].

Начало юношества в периодизациях психического развития означает окончание детства и завершение большого жизненного этапа формирования первой цельной формы личностной идентичности, когда осознание себя как субъекта, осуществляющего определенные действия в соответствии с определенной ситуацией и (своей) ролью в ней, в итоге и порождает стремления личности к самоосуществлению, к проявлению своей индивидуальности при определенном постоянстве.

Осознание личностью себя всегда конкретно-исторично, обусловлено этапом онтогенеза и жизненного цикла, динамикой бытийных практик, которые она реализует как субъект бытия. Таким образом, принцип развития согласуется с положением Э. Эриксона, что становление личности не заканчивается в подростковом возрасте, но растягивается на весь жизненный цикл [33]. Отсюда проблемы, связанные с возрастными особенностями, кризисами, динамикой идентичности, остаются

главными вопросами в теории и эмпирических исследованиях личностной идентичности.

Характер осознания личностью себя, направленность рефлексии на конкретные области проявлений свойственных личности особенностей и их понятийная фиксация легли в основу создания нашей методики [23], а тема реализации методологических принципов развития и субъекта в анализе идентичности определили наши *исследовательские задачи*, ориентированные на выявление особенностей возрастной динамики структуры идентичности (“личное Я”, “уникальное Я”, “отраженное Я”) и содержательных элементов самоидентификации (рефлексия характерологических особенностей, стиля поведения и деятельности, особенностей экспрессии и пр.) в контексте решаемых личностью как субъектом бытийных задач, обусловленных особенностями конкретного этапа ее жизненного цикла.

Выдвигались следующие *гипотезы*:

1) идентичность является сложноорганизованным феноменом, включающим различные структурные и содержательные элементы, динамика которых неоднородна и зависит от того, о переходе от какого предшествующего этапа жизненного цикла к какому последующему идет речь;

2) особенности изменений идентичности вследствие перехода от одного возрастного периода к другому определяются изменяющимися бытийными задачами, которые решает личность как субъект на конкретных этапах своего жизненного цикла.

Цель исследования — выявление возрастной динамики выраженности содержательных и структурных элементов идентичности.

МЕТОДИКА

Методика исследования. Диагностический инструмент исследования — методика диагностики личностной идентичности [23]. В основе ее создания — сформированный частотный “словарь”

самоидентификаций личности, обусловленный современной практикой повседневности, тем, как в этой реальной жизни операционализированы, означены и артикулированы ее характеристики.

Методика представляет собой шкалу субъективной оценки (по типу шкалы Лайкерта) 30 утверждений, объединенных в идентификационные категории, охватывающие многообразие элементов личностной идентичности по основаниям: динамичные/устойчивые и внутренние/внешние (табл. 1).

Отдельным вектором движения (мысленного перемещения) описательных элементов в методике выступает временная прямая ответов в направлении самоидентификаций от “мой прошлый опыт” до “мои планы на будущее”.

Таким образом, респонденты оценивали степень своего согласия с утверждениями, позволяющими установить особенности их самоидентификации по следующим *содержательным элементам*:

— самоописания личностью своего характера (шкала “Характер”);

— стилевые характеристики деятельности (“Индивидуальный стиль деятельности”);

— эмоционально-мотивационные самоидентификации (“Эмоционально-мотивационные элементы”);

— самоописания внешних проявлений личности (“Внешность, поведение, экспрессия”);

— характеристики Я во времени (в диапазоне от воспоминаний до планов личности на будущее — “Временной сектор идентичности”).

Факторный анализ на стадии психометрических проверок методики позволил объединить утверждения в три группы *структурных элементов* личностной идентичности:

— “личное Я” (индивидуальные характеристики того, что в личности “только мое”, признаки тождественности и преемственности “Я” во времени и пространстве);

Таблица 1. Классификация идентификационных категорий методики диагностики личностной идентичности.

Элементы идентичности	Внутренние	Внешние
Динамичные	Эмоционально-мотивационные элементы идентичности (мечты, желания, интересы, ценности, направленность личности)	Поведение, экспрессия, внешность (самоидентификационные характеристики отдельных поведенческих актов, невербального поведения, внешности)
Устойчивые	Характер (совокупность суждений личности о признаках своего характера: отношение к себе, к другим людям, к вещам, к деятельности)	Индивидуальный стиль поведения и деятельности (стилевые характеристики выполнения деятельности)

— “уникальное Я” (характеристики, дифференцирующие “Я” от “не-Я”);

— “отраженное Я” (характеристики сравнения с другими, обнаружения себя через других).

В рамках проведенного исследования была изучена выраженность названных *содержательных* и *структурных* элементов идентичности у респондентов в различные возрастные периоды (подростковый возраст, юношеский возраст, молодость, зрелость, старость) [30], т.е. была определена их динамика. Выбор периодизации связан с тем, что именно эта периодизация представляет попытку ее авторов в определении принципов выделения отдельных возрастных периодов учесть, как становление субъектности личности в онтогенезе, так и сформулированные Э. Эриксоном представления о развитии идентичности.

Математические процедуры. Описательные статистики, расчет мер центральной тенденции, *H*-критерий Краскела—Уоллиса для независимых выборок, апостериорные сравнения с помощью *U*-критерия Манна—Уитни.

Эмпирический объект исследования. 700 респондентов (42.6% — мужчины, 57.4% — женщины) в возрасте от 12 до 90 лет (6 возрастных периодов). Детализация возрастных характеристик выборки представлена в табл. 2.

Таблица 2. Распределение выборки респондентов по принадлежности к возрастным периодам ($N = 700$).

№ п/п	Возрастной период	Частота	%
1	Подростковый возраст	150	21.4
2	Юношеский возраст	167	23.9
3	Молодость	114	16.3
4	Взрослость	151	21.6
5	Зрелость	78	11.1
6	Старость	40	5.7
	Всего	700	100.0

Таблица 3. Показатели мер центральной тенденции и разброса значений общего индекса и содержательных элементов личностной идентичности в целом по выборке ($N = 700$)

Показатель	<i>M</i>	<i>Me</i>	<i>SD</i>	min	max
Общий индекс идентичности	103.40	103.00	13.925	63	141
Характер	23.31	24.00	3.832	9	35
Эмоционально-мотивационные элементы	19.22	19.00	3.293	9	30
Индивидуальный стиль поведения и деятельности	16.31	16.00	3.155	7	25
Внешность, экспрессия, поведенческие реакции	21.82	22.00	4.424	9	30
Временной сектор идентичности	22.73	23.00	4.666	9	30

Примечание. *N* — объем выборки; *M* — среднее значение распределения; *Me* — медиана; *SD* — стандартное отклонение; min, max — минимальное и максимальное значения распределения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Диагностика содержательных элементов идентичности (по шкалам) показала следующие результаты (табл. 3).

Данные из табл. 3 показывают, что в дальнейшей обработке целесообразно применение непараметрических статистических критериев.

Рассмотрим далее динамику обозначенных выше (см. табл. 3) эмпирических показателей в различных возрастных группах респондентов.

На рис. 1 отражена динамика в средних значениях общего индекса идентичности респондентов разных возрастных групп.

Расчет *H*-критерия Краскела—Уоллиса показал высокую статистическую значимость выявленной разницы в эмпирических значениях ($H = 109.088$, $p < 0.001$). Таким образом, возрастной период респондентов как группирующая переменная является существенным фактором увеличения средних значений общего индекса личностной идентичности от подросткового возраста к старости.

Это свидетельствует об углублении с возрастом рефлексивных процессов, обеспечивающих самоидентификацию личности, повышение ее заинтересованности в понимании собственного Я.

Далее на рис. 2 показано, что средние значения по самоидентификационному параметру “Характер” увеличиваются от подросткового к юношескому возрасту, затем снижаются в молодости, во взрослом возрасте и далее повышаются в зрелости и старости. Расчет *H*-критерия Краскела—Уоллиса показывает отсутствие линейной последовательности выявленных различий ($H = 10.424$, $p = 0.064$).

Метод попарных сравнений (критерий Манна—Уитни) тем не менее выявил значимые различия в показателях шкалы “Характер” между респондентами подросткового и юношеского возрастов ($U = 10410.500$, $p = 0.009$). У юношей значительно больше выражена самоидентификация, отражающая

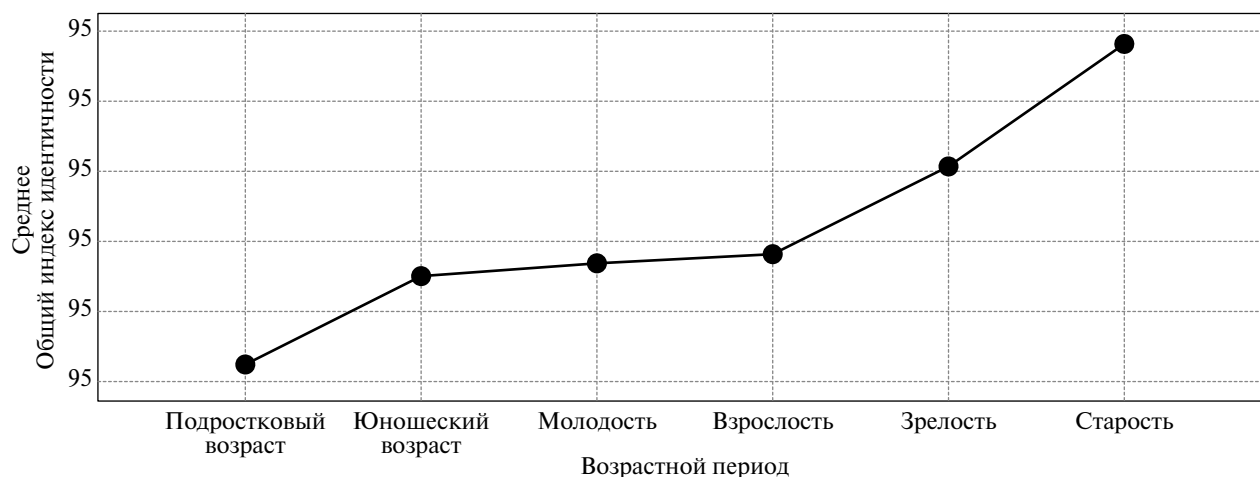

Рис. 1. Показатели общего индекса идентичности в разных возрастных группах

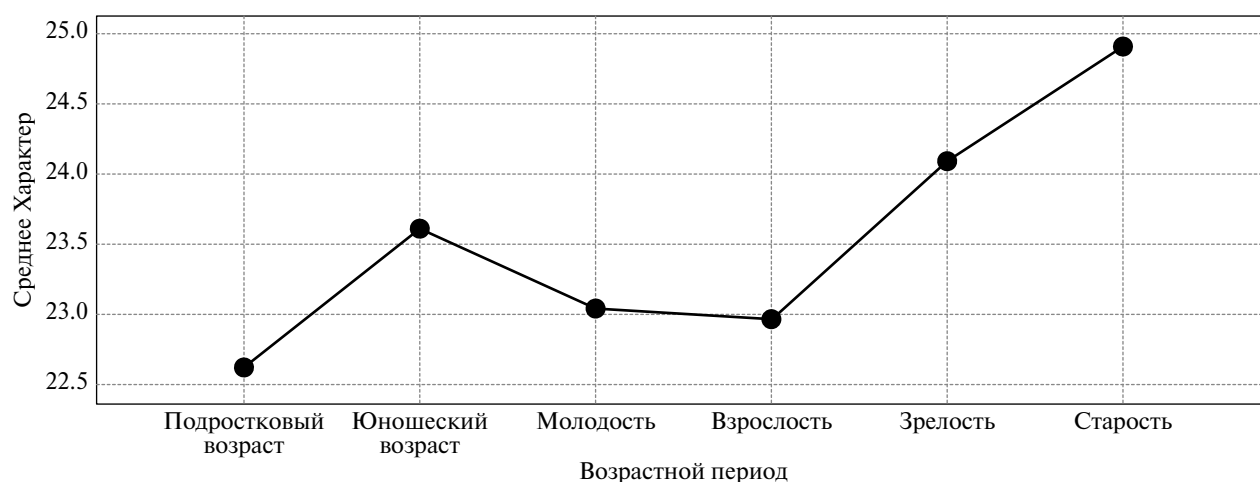

Рис. 2. Показатели шкалы «Характер» в разных возрастных группах

«отношение к себе», «отношение к другим людям», «мировоззрение» и т.п.

Полученные данные вполне соотносятся со спецификой юношеского возраста в плане поворота от подросткового эгоцентричного самопознания к социально ориентированным отношениям.

Далее (рис. 3) представлена динамика показателей по шкале эмоционально-мотивационных самоидентификаций («мои чувства», «мои желания», «мои интересы» и т.п.).

Эти показатели последовательно увеличиваются от подросткового возраста к зрелости, после чего снижаются в старости. Расчет H -критерия Краскела—Уоллиса показывает статистическую значимость данных различий ($H = 11.051$, $p = 0.050$).

Сравнение средних значений попарно (U -критерий Манна—Уитни) показывает, что значимые различия выявляются только между респондентами взрослого возраста и периода зрелости ($U = 4766.000$, $p = 0.018$).

Таким образом, от подросткового до взрослого возраста самоидентифицирующаяся личность примерно с одинаковой частотой обращается к особенностям своих желаний, к мечтам, интересам, чувствам и эмоциям. Этот аспект идентичности обретает повышенное значение в период зрелости. Полагаем, что это может быть связано с промежуточными ревизиями достижений личности, переоценкой значимости тех или иных переживаний, уточнением интересов в данном возрастном периоде. По В.И. Слободчикову, кризис взрослости позволяет личности осуществить в зрелом возрасте вход в пространство общечеловеческих экзистенциальных ценностей, восхождение к духовному единству себя и Мира [30].

На рис. 4 представлен график, иллюстрирующий динамику эмпирических значений самоидентификации по шкале «Индивидуальный стиль деятельности». Происходит последовательное увеличение значений этого параметра от подросткового возраста к старости, значимость чего подтверждена H -критерием Краскела—Уоллиса ($H = 82.481$,

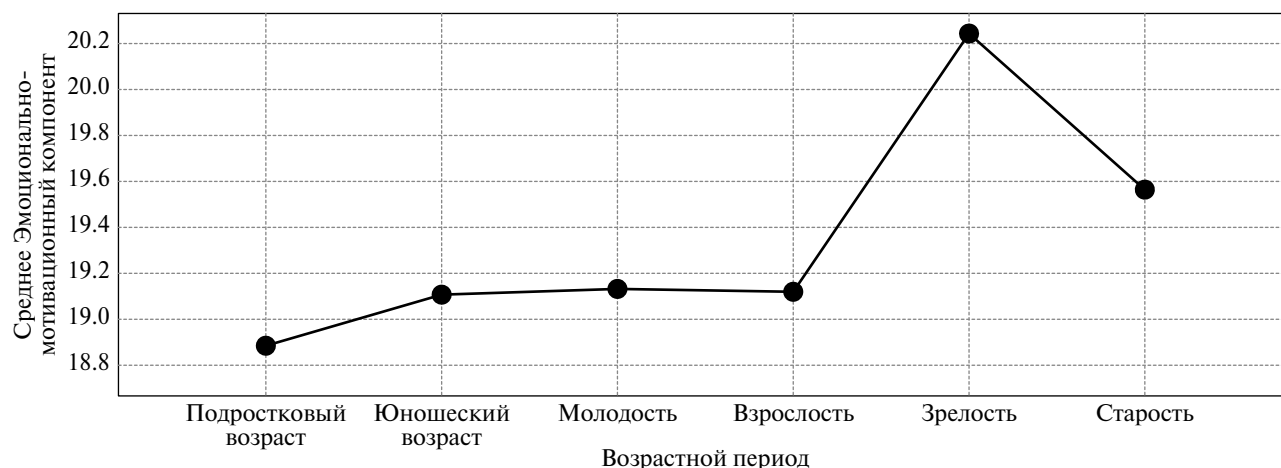

Рис. 3. Показатели шкалы “Эмоционально-мотивационный компонент” в разных возрастных группах

$p < 0.001$). То есть мы видим динамику самоидентификационных критериев, которые по мере взросления личности все более связаны с признаками ее индивидуального стиля деятельности. Эти данные хорошо соотносятся с утверждением Л.И. Анцыферовой о том, что “центральную образующую позитивной идентичности занимает профессия человека” [1, с. 96].

Попарные сравнения показывают значимость различий по данному элементу идентичности между респондентами юношеского и молодого возраста ($U = 7371.500$, $p = 0.001$), взрослого и зрелого возрастов ($U = 4742.000$, $p = 0.015$), а также периодов зрелости и старости ($U = 905.000$, $p < 0.001$). Каждый из этих возрастных “переходов” по-своему связан с особенностями самоопределения личности в профессии.

О переходе от юношеского к молодому возрасту Л.И. Анцыферова пишет: “Именно трудовая деятельность занимает центральное место в идентичности взрослеющего человека” [9, с. 96]. В другой работе Людмила Ивановна выделяет кризис

идентичности в период перехода к старости, когда человек мучительно ищет способ остаться востребованным в профессии [6]. Высокий уровень статистической значимости различий по данному параметру идентичности между респондентами зрелого и старого возрастов показывает сосредоточенность последних на самоидентификации по параметрам своего деятельностного мастерства.

На рис. 5 показано статистически значимое последовательное увеличение средних значений элементов шкалы “Поведение, внешность, экспрессия” от подросткового возраста к старости ($H = 105.192$, $p < 0.001$).

Сравнение средних между группами показывает значимые различия между подростками и юношами ($U = 8113.000$, $p < 0.001$), между взрослыми и зрелыми респондентами ($U = 4810.000$, $p = 0.023$) и между респондентами зрелого и старого возрастов ($U = 876.500$, $p < 0.001$).

Характеризуя период ранней юности, Л.И. Анцыферова пишет, что его своеобразие “заключается в том, что уверенность в себе и принятие себя

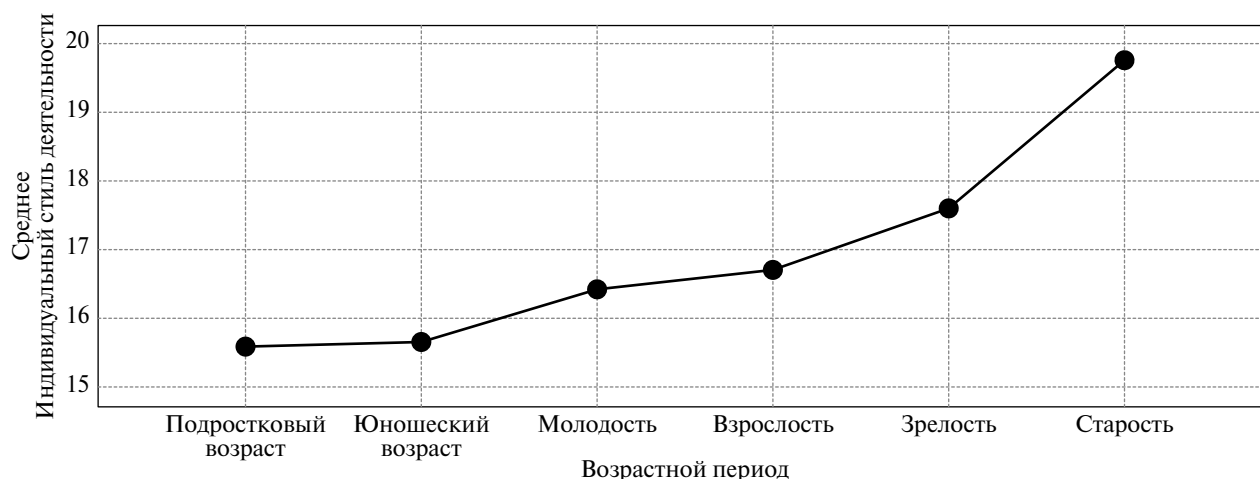

Рис. 4. Показатели шкалы “Индивидуальный стиль деятельности” в разных возрастных группах

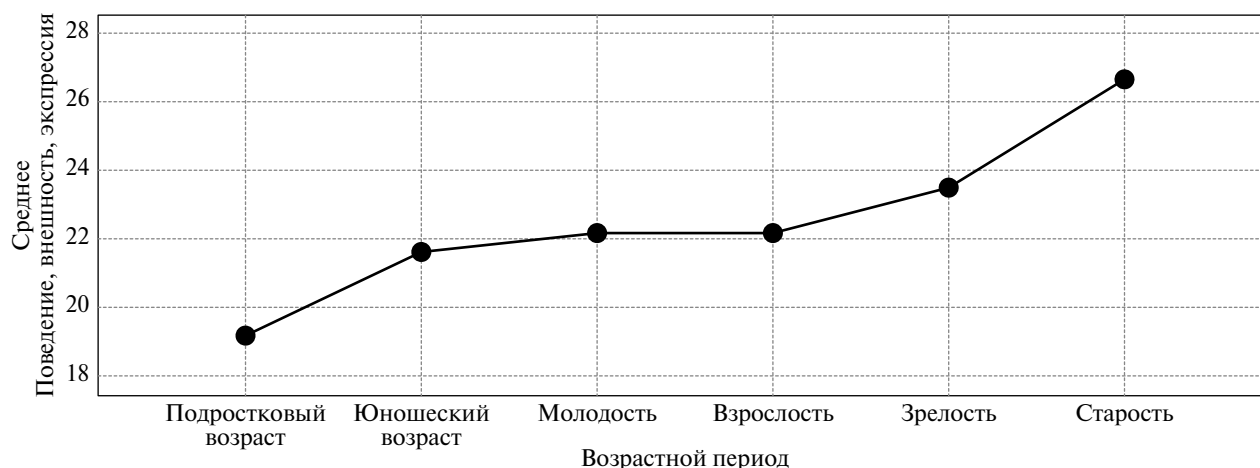

Рис. 5. Показатели шкалы "Поведение, внешность, экспрессия" в разных возрастных группах

становится неотделимым от принятия своей натурности" [6, с. 52].

Известно, что внешний облик для подростков чрезвычайно актуален, и, как показывает наше исследование, самоидентификации через внешнюю атрибутику поведения, экспрессии, индивидуальных характеристик внешности приобретают еще большую значимость в юношеском возрасте, что соотносится с мнением В.И. Слободчикова о специфике ступени персонализации внутреннего мира и сопутствующем кризисе отрочества при переходе личности от подросткового к юношескому возрасту [30].

В возрастной периодизации стадий развития субъектности личности В.В. Селиванова [14] данный период (12–17 лет) характеризуется как "противоречивая субъектность" и сопровождается ростом самосознания своей идентичности, собственной принадлежности к определенному полу, присвоением большинства форм телесной активности.

Затем динамика значений данной шкалы идентичности демонстрирует увеличение показателей

от взрослого к зрелому возрасту и от зрелого к старому. Возрастные изменения внешности человека обуславливают повышение его внимания к данному аспекту своего бытия и к соответствующей самоидентификации. В зрелом возрасте, согласно В.В. Селиванову, фиксируется пик осознания воплощенной субъектности личности, проявления личностью себя в воспитании подрастающего поколения, отсюда более экспрессивное поведение, предъявление во вне накопленного опыта.

На рис. 6 представлена динамика показателей самоидентификаций, связанных с параметром времени (воспоминания, планы на будущее, осознание себя в настоящем и т.п.). Значения данной шкалы увеличиваются от подросткового возраста к старости, с незначительным снижением значений от юношеского возраста к молодости ($H = 151.496$, $p < 0.001$).

Попарные сравнения показывают значимость различий по данному элементу идентичности между респондентами подросткового и юношеского возрастов ($U = 7712.500$, $p < 0.001$), периодов

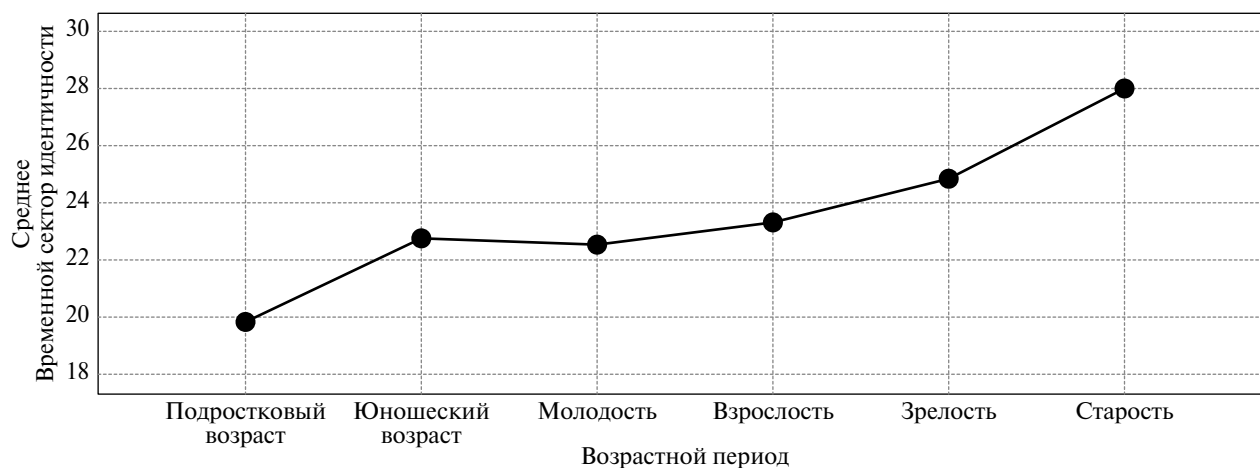

Рис. 6. Показатели шкалы "Временной сектор идентичности" в разных возрастных группах

взрослости и зрелости ($U = 4574.000$, $p = 0.005$), зрелости и старости ($U = 667.000$, $p < 0.001$).

Время становится важным атрибутом персонализации (по В.И. Слободчикову) в юношеском возрасте, признаком обретения большей свободы, перехода (через юношеский кризис идентичности) к новой социальной общности, где требуется ответственное отношение к себе и другим людям.

Временной сектор идентичности в данной методике содержит самоидентификационные утверждения, направленные на рефлекссию респондентами своих характеристик в прошлом, настоящем и будущем, выраженность которых в разные возрастные периоды представлена на рис. 7.

В первую очередь необходимо отметить, что по всем составляющим временного сектора (прошлое—настоящее—будущее) значения увеличиваются от подросткового возраста к старости ($H = 106.629$, $p < 0.001$; $H = 127.464$, $p < 0.001$; $H = 73.518$, $p < 0.001$ соответственно).

В подростковом возрасте (1, рис. 7) значения самоидентификаций прошлого выше, чем настоящего и будущего.

Респонденты юношеского, молодого, взрослого и зрелого возрастов более ориентированы на настоящее и менее на будущее.

Попарное сравнение средних показало, что значения самоидентификаций, направленных в прошлое,

значимо возрастает от подросткового к юношескому возрасту ($U = 8783.500$, $p < 0.001$), от взрослого к зрелости ($U = 4341.000$, $p = 0.001$), от зрелого возраста к старости ($U = 928.000$, $p < 0.001$).

Идентификации, сконцентрированные на настоящем, значительно возрастают от подросткового к юношескому возрасту ($U = 8783.500$, $p < 0.001$), от взрослого к зрелости ($U = 4863.000$, $p = 0.024$) и от зрелого возраста к старости ($U = 1115.000$, $p = 0.005$).

Самоидентификации личности, связанные с будущим, значимо различаются только у респондентов зрелого возраста и старого ($U = 819.500$, $p < 0.001$). Среди других возрастных периодов значимых различий по данному параметру нет.

Таким образом, выраженность идентификаций личности через соотнесение себя с характеристиками прошлого, настоящего и будущего значительно увеличивается именно в старом возрасте. При этом сила выраженности различий больше в самоидентификациях респондентов старого возраста, связанных с настоящим и прошлым, чем с будущим. Люди в таком возрасте склонны идентифицировать себя через воспоминания о прошлом и переживания настоящего в большей мере, чем связывать свою идентичность с планами на будущее.

Также следует отметить, большую ориентацию на настоящее и прошлое юношей по сравнению с подростками. Скорее всего это связано

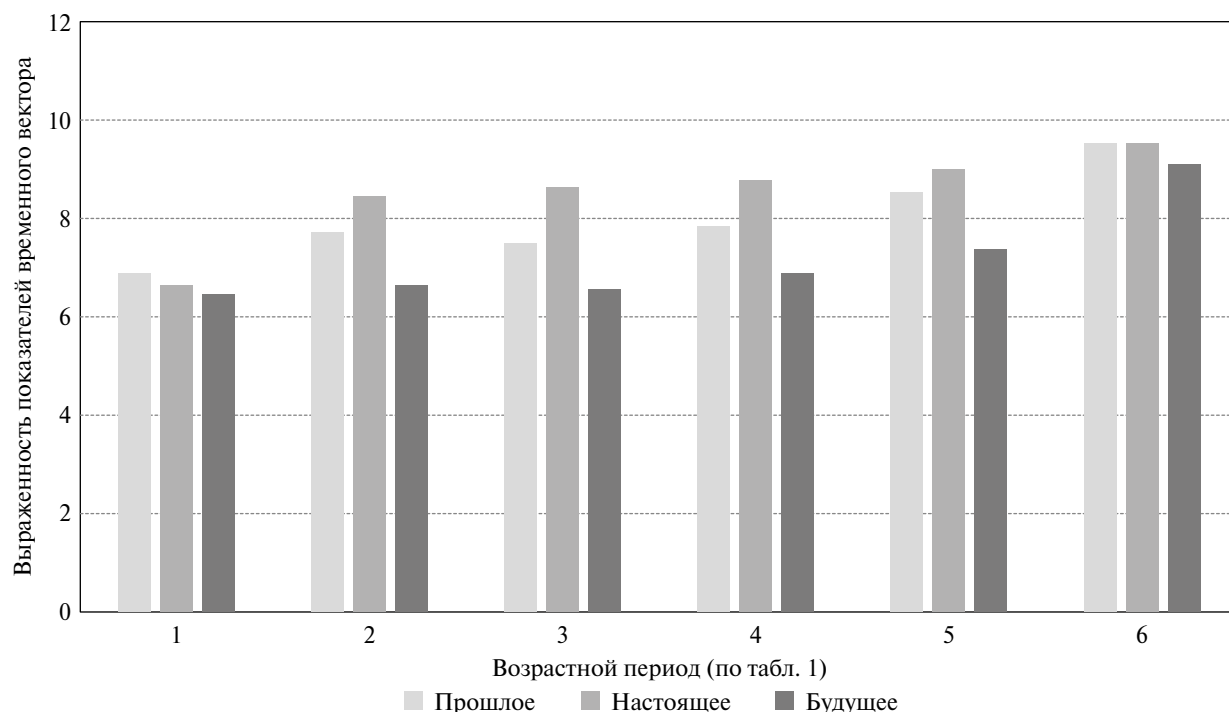

Рис. 7. Выраженность идентификаций, направленных на прошлое, настоящее, будущее в рамках шкалы “Временной сектор”

с периодом юношеского становления личности, кризиса идентичности, светлого, но все же еще очень неопределенного будущего в этом возрасте.

Динамика структурных элементов (факторов) личностной идентичности. Далее на рис. 8, 9 и 10

рассмотрим динамику средних значений структурных элементов (факторов) личностной идентичности:

— “личное Я” (индивидуальные характеристики, признаки тождественности и преемственности “Я” во времени и пространстве);

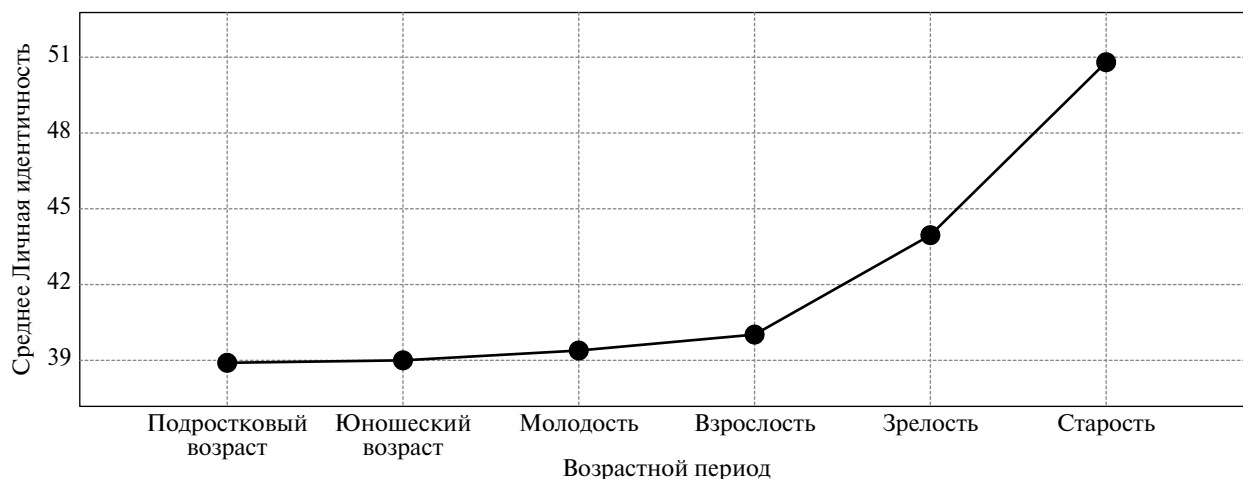

Рис. 8. Показатели фактора “личное Я” в разных возрастных группах

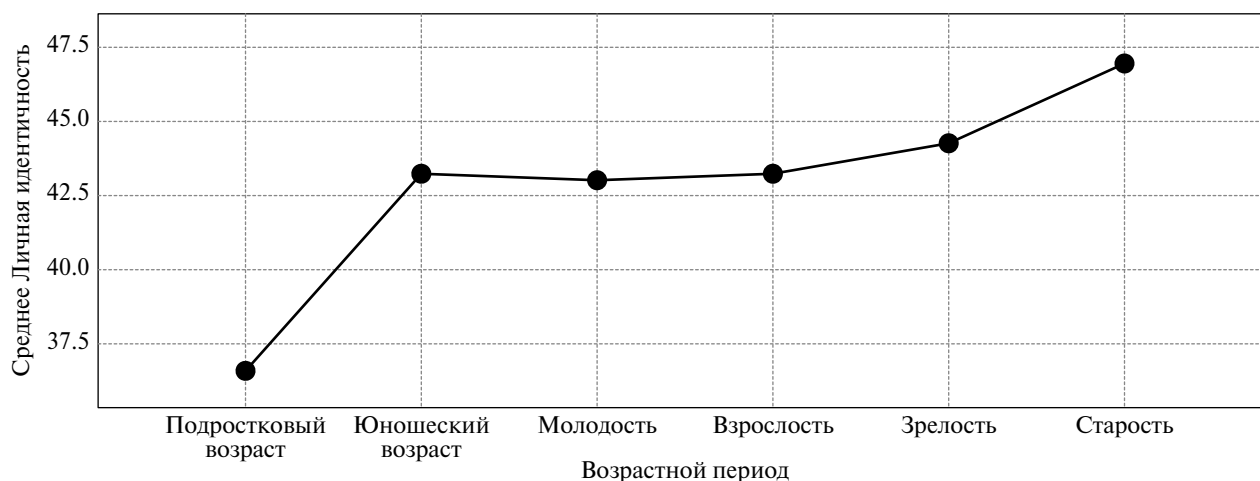

Рис. 9. Показатели фактора “уникальное Я” в разных возрастных группах

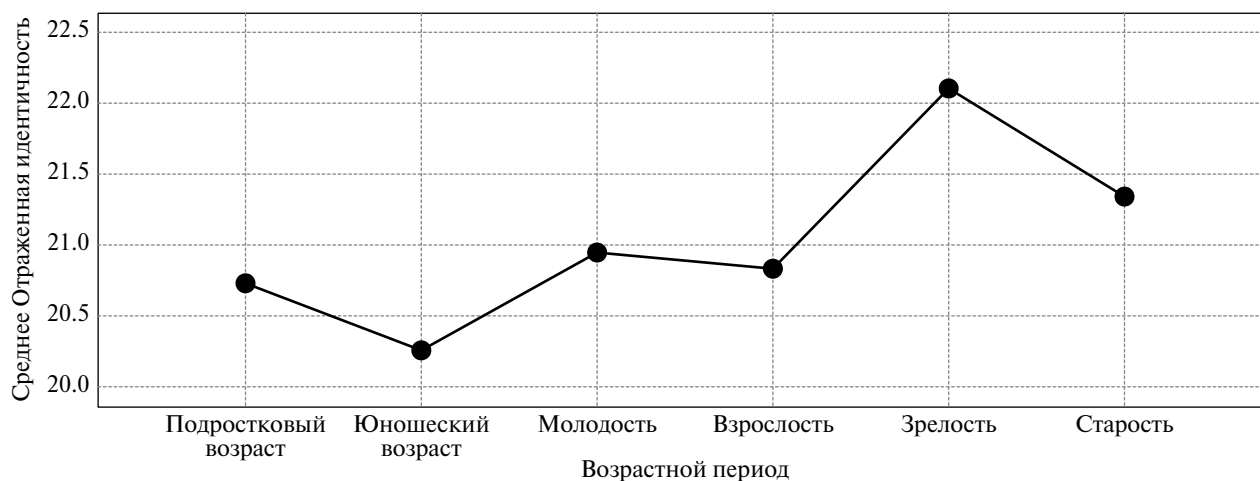

Рис. 10. Показатели фактора “отраженное Я” в разных возрастных группах

— “уникальное Я” (характеристики, дифференцирующие “Я” от “не-Я”);

— “отраженное Я” (характеристики сравнения с другими, обнаружения себя через других).

На рис. 8 видно, что значения шкалы “личное Я” возрастает от подросткового возраста к старости ($H = 65.741, p < 0.001$).

Попарное сравнение показало существенные различия в средних значениях данного фактора между группами респондентов взрослого и зрелого возрастов ($U = 4501.500, p = 0.003$), а также периодов зрелости и старости ($U = 871.000, p < 0.001$).

Следовательно, при переходе от взрослого возраста к зрелости и далее к старости актуализируются все более индивидуализированные характеристики, возрастает понимание ценности собственной личности, субъективное ощущение силы (психологической), усиливаются признаки преемственности “Я” во времени и пространстве.

Значения фактора “уникальное Я” (рис. 9) также последовательно возрастают от подросткового возраста к старости ($H = 163.018, p < 0.001$). Однако в сравнении с предыдущим графиком очевидно резкое увеличение данных значений в группе юношей по сравнению с подростками, что говорит о переломном периоде в самоидентификациях личности через возрастающую возможность дифференциации от других людей по уникальным отличительным признакам, присущим только конкретному человеку.

Сравнение средних между группами показало существенные различия между респондентами подросткового и юношеского возрастов ($U = 4807.500, p < 0.001$), а также периодов зрелости и старости ($U = 1096.000, p = 0.008$). То есть в старости также (хоть и в меньшей степени, чем у юношей) происходит актуализация своей уникальности, непохожести на другого.

Значения фактора “отраженное Я” демонстрируют возрастные колебания (см. рис. 10). Средние значения в целом возрастают от подросткового возраста к старости, что демонстрирует эмпирическое значение H -критерия Краскела—Уоллиса ($H = 17.568, p = 0.004$).

Сравнение средних по данной шкале попарно между группами показало значимые различия у респондентов юношеского и молодого возрастов ($U = 8172.500, p = 0.043$), а также взрослого и зрелого возрастов ($U = 4705.500, p = 0.012$). Это позволяет выделить этапы жизненных циклов личности, на которых резко повышается внимание к мнению

других людей, к вопросам признания определенных атрибутов личности.

Исследование показало, что личностная идентичность, являясь сложноорганизованным феноменом, включающим различные структурные (“личное Я”, “уникальное Я”, “отраженное Я”) и содержательные элементы (самоидентификационные составляющие, дифференцированные по группам), характеризуется неоднородной, гетерохронной динамикой, зависящей от того, о переходе от какого предшествующего этапа жизненного цикла к какому последующему идет речь.

Особенности изменений идентичности и выраженность эмпирических показателей ее элементов определяются изменяющимися бытийными задачами, которые решает личность как субъект на конкретных этапах своего жизненного цикла. Динамика личностной идентичности связана не только с необходимостью выдерживать изменяющиеся с возрастом человека нагрузки социума, но и сохранять целостность, устойчивость, гармоничность личности, что, по мнению Л.И. Анцыферовой, позволяет личности на протяжении всей жизни “изменять себя, не изменяя себе”.

Наибольшее количество статистически значимых различий зафиксировано (в порядке убывания частоты):

- между взрослым и зрелым возрастами;
- между подростками и юношами;
- между зрелостью и старостью.

Таким образом, зафиксировано несколько возрастных переломных моментов в динамике показателей личностной идентичности (кризис юности 17–21 года, кризис зрелости 39–45 лет, кризис зрелости 55–65 лет).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Людмила Ивановна Анцыферова — выдающийся отечественный психолог, методолог, историк науки, определивший и предвосхитивший многие из направлений исследования личности, которые сегодня являются ключевыми. Одно из таких направлений ее научного внимания и практического интереса — проблема личностной идентичности.

Формируя методологический ракурс во взглядах на личность, Людмила Ивановна писала: “Исследовать динамику психической жизни личности — значит изучить разные формы существования и осуществления личности во времени” [5, с. 8]. К ключевым формам существования и осуществления личности относится личностная идентичность,

конструируемая личностью как субъектом самоидентификации [5].

Обосновывая динамический подход к личности и ее отдельным феноменам, Л.И. Анцыферова заложила основания конструктивной методологии с опорой на основные методологические принципы — развития и субъекта. Именно их взаимодополнительность, согласованный ансамбль создают убедительные перспективы эвристичной концептуализации рассматриваемых личностных феноменов. Отсылаясь к работам Э. Эриксона в рассмотрении причин возникновения у личности “неудачной” (спутанной) идентичности, Л.И. Анцыферова пишет, что такая личность “характеризуется неспособностью... стать субъектом самоопределения” [2, с. 96]. В этом высказывании фиксируется, с одной стороны, зависимость динамики феномена от разворачивающегося процесса развития личности, в соответствии с определенным этапом онтогенеза и переходом на определенную стадию жизненного цикла, а с другой — обусловленность изменений феномена уровнем развития субъектных характеристик личности.

В предпринятом нами исследовании идентичность рассматривается как трансформирующийся в процессе онтогенеза, прохождения личностью этапов жизненного цикла динамичный феномен, определяющий не только постоянство личности во времени и пространстве, но и специфику самоидентификации в различные возрастные периоды жизненного пути.

Проведенная диагностика, ориентированная на выявление характера возрастной динамики структуры идентичности (“личное Я”, “уникальное Я”, “отраженное Я”) и содержательных элементов самоидентификации (рефлексия характеристик особенностей, стиля поведения и деятельности, особенностей экспрессии и пр.), показала, что личностной идентичности свойственна “своя” динамика, которая может отличаться от динамики других личностных образований и проявляться в маркировании возрастных переходов с разной степенью интенсивности.

В частности:

— не были зафиксированы связываемые с возрастом инволюционные процессы; напротив, с возрастом происходит постепенное углубление рефлексивных процессов, расширение спектра самоидентификационных суждений (параметр “Общий индекс идентичности”);

— характер самоидентификации в юношеском возрасте подтверждает переход от подросткового эгоцентризма к социально ориентированной

самоидентификации с сопутствующим усилением осознания авторства собственной жизни (параметр “Характер”);

— эмоционально-мотивационная самоидентификация личности характеризуется продолжительным возрастным плато (юность—молодость—взрослость), завершающимся кризисом взрослости и последующим переходом к зрелому возрасту с рефлексивным экзистенциальным углублением в общечеловеческие ценности;

— динамика самоидентификации по признакам индивидуального стиля деятельности наиболее выражена при переходе от юности к взрослому возрасту и от зрелости к старому возрасту, что показывает в первом случае переломный момент в обретении личностью авторства в творчески-созидательной деятельности и в собственной жизни, а во втором случае — сосредоточенность личности на характеристиках вершины своих достижений, зафиксированных в результатах деятельности и возможное переживание угрозы потери профессионального статуса;

— переломные моменты в самоидентификации личности через внешнюю атрибутику (внешность, экспрессия и пр.) зафиксированы при переходе от подросткового к юношескому возрасту и от зрелости к старости, когда действительно резко изменяются обусловленные возрастом характеристики индивида, и это вызов для “переоформляющейся” субъектности.

Подтверждением своеобразия динамики личностной идентичности являются и охарактеризованные выше изменения ее структурных элементов (“личное Я”, “уникальное Я”, “отраженное Я”).

Л.И. Анцыферова во многих своих трудах акцентировала важность проблемы личностной идентичности, подчеркивая значимость этого конструкта в персонологическом дискурсе, а также значение этого феномена как в бытийном самоощущении личности, так и в проблемах, переживаемых обществом, выстраивающим свои отношения с личностью как с актором социальных процессов. Самоидентификация личности — преамбула, предиктор последующих решений и вмешательств личности в организацию бытия, ее инициатив и ответов на происходящее в мире.

Обращение к вопросам динамики идентичности — продолжение тех шагов в исследовательском поиске, который осуществляла Людмила Ивановна, и подтверждение значения тех заданных ею методологических ориентиров, которые обеспечивают корректное проникновение в суть изучаемого феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Н.В. Личностная идентичность современного педагога и особенности его общения // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 23–30.
2. Анцыферова Л.И. История жизни и личность Э. Эриксона — детерминанты его теории развития // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 1. С. 90–99.
3. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981. С. 3–19.
4. Анцыферова Л.И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 3–20.
5. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
6. Анцыферова Л.И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблемы непрерывного образования // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 2. С. 52–60.
7. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
8. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000.
9. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. 415 с.
10. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
11. Гессманн Х.-В. Транс-идентичность — стандарты диагностики и лечения // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 3. С. 160–167. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gessmann.phtml>
12. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015.
13. Знаков В.В. Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 1. С. 6–21.
14. Еремеева О.А. Эволюция субъектности и возрастная периодизация развития // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 2. С. 30.
15. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
16. Кимберг А.Н. Субъектный подход и исследования идентичности // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 137–148.
17. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
18. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011. 496 с.
19. К юбилею Л.И. Анцыферовой // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 153–157.
20. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
21. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 349 с.
22. Макаревичская Ю.Э. Специфика содержания личностной идентичности в условиях глобальных общественных изменений // Гуманизация образования. 2022. № 4. С. 113–130.
23. Макаревичская Ю.Э., Рябикина З.И. Операционализация параметров и методика диагностики личностной идентичности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 3. С. 25–49.
24. Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981. 365 с.
25. Рябикина З.И. Иной мир, иной человек, иная психология личности // Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 64–70.
26. Рябикина З.И. Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социопсихологические эффекты украинского разлома) // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 3. С. 263–267.
27. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2003. С. 5–26.
28. Рябикина З.И. Особенности современности: изменяющаяся реальность и гибкая личностная идентичность // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 15–20.
29. Рябикина З.И., Макаревичская Ю.Э. Личностная идентичность в ситуации социального неуспеха // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 3. С. 6–23.

30. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 39–50.
31. Харламенкова Н.Е. Психология личности: от методологии к научному факту. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 403 с.
32. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ, 1996. 592 с.
33. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
34. Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I., Ozhigova L.N. Personality identity in the terms of virtualization of being // E3S Web of Conferences. 2020. V. 210. Art. 20016. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021020016>

METHODOLOGICAL CONSTRUCTS IN L. I. ANTSEYEROVA'S APPROACH TO PERSONALITY AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE STUDY OF IDENTITY

Z. I. Ryabikina^{1,*}, Yu. E. Makarevskaya^{2,**}

¹Kuban State University;
350040, Krasnodar, Stavropol str., 149, Russia.

²Sochi State University;
354003, Sochi, Plastunskaya str., 94, Russia.

*ScD (in Psychology), Professor, Professor of the Department of Individual and General Psychology.

E-mail: z.ryabikina@yandex.ru

**PhD (in Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Social Pedagogy.

E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Received 27.05.2024

Abstract. The article presents methodological constructs highlighted by L.I. Antsyferova that are essential for considering personality, its being, and identity from the standpoint of subjective, dynamic, subject-centered, and other subject-oriented approaches. Identity appears as a developing system of individual characteristics reflected in a personality, manifested in different ways in different age periods of its life path and in different spaces of being. Personality is represented as the subject of self-identification (“personal Self”) in reflexive certainty about the signs that distinguish it from others (“unique Self”), or, on the contrary, in uniting with others (“reflected Self”). The empirical research included the creation, testing and application of a methodology for diagnosing personal identity, fixing the parameters of self-awareness, reflection on personal characteristics and their conceptualization in various age periods of life. 700 respondents participated in the study (42.6% were male, 57.4% were female) between the ages of 12 and 90 (6 age groups). The “Personal Identity Diagnostic Technique” developed by the authors was applied. As a result of the study, significant differences were found in the severity of self-identified characteristics of respondents of different ages ($p < 0.05$). It is concluded that personal identity is a complex phenomenon that includes various structural and substantial elements, whose dynamics is heterogeneous and depends on the transition from one life stage to the next, in connection with changing existential tasks solved by the individual at specific stages of their life cycle.

Keywords: personality, self-identity, age, identity dynamics.

REFERENCES

1. Antonova N.V. Lichnostnaya identichnost' sovremenno-go pedagoga i osobennosti ego obshcheniya. Voprosy psikhologii. 1997. № 6. P. 23–30. (In Russian)
2. Antsyferova L.I. Istoriya zhizni i lichnost' E. Eriksona — determinanty ego teorii razvitiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2008. V. 29. № 1. P. 90–99. (In Russian)
3. Antsyferova L.I. K psikhologii lichnosti kak razvivayushcheysya sistemy. Ed. L.I. Antsyferova. Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti. Moscow: Nauka, 1981. P. 3–19. (In Russian)
4. Antsyferova L.I. Metodologicheskie problemy psikhologii razvitiya. Ed. L.I. Antsyferova. Printsip razvitiya v psikhologii. Moscow: Nauka, 1978. P. 3–20. (In Russian)
5. Antsyferova L.I. O dinamicheskom podkhode k psikhologicheskomu izucheniyu lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 2. P. 8–18. (In Russian)

6. *Antsyferova L.I.* Psikhologicheskie zakonomernosti razvitiya lichnosti vzroslogo cheloveka i problemy nepreryvnogo obrazovaniya. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1980. V. 1. № 2. P. 52–60. (In Russian)
7. *Antsyferova L.I.* Psikhologicheskoe sodержanie fenomena sub"ekt i granitsy sub"ektno-deyatel'nostnogo podkhoda. Eds. A.V. Brushlinskii, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin. Problema sub"ekta v psikhologicheskoi nauke. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. P. 27–42. (In Russian)
8. *Antsyferova L.I.* Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti. Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov. Saint Petersburg: Piter, 2000. (In Russian)
9. *Antsyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2004. 415 p. (In Russian)
10. *Antsyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. 2nd ed. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
11. *Gessmann Kh.-V.* Trans-identichnost' — standarty diagnostiki i lecheniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. 2014. V. 6. № 3. P. 160–167. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gessmann.phtm> (In Russian)
12. *Gusel'tseva M.S.* Kul'turno-analiticheskii podkhod k izucheniyu evolyutsii psikhologicheskogo znaniya. ScD diss. Moscow, 2015. (In Russian)
13. *Znakov V.V.* Ponimanie sub"ektom sotsiokul'turnoi real'nosti mira cheloveka. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2016. № 1. P. 6–21. (In Russian)
14. *Eremeeva O.A.* Evolyutsiya sub"ektnosti i voznrastnaya periodizatsiya razvitiya. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2008. № 2. P. 30. (In Russian)
15. *Zhuravlev A.L., Kharlamenkova N.E.* Psikhologiya lichnosti kak otkrytoi i razvivayushcheisya sistemy (k yubileyu L.I. Antsyferovoi). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2009. V. 30. № 6. P. 30–39. (In Russian)
16. *Kimberg A.N.* Sub"ektnyi podkhod i issledovaniya identichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina, E.A. Sergienko. Sub"ektnyi podkhod v psikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2009. P. 137–148. (In Russian)
17. *Kon I.S.* V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie. Moscow: Politizdat, 1984. 335 p. (In Russian)
18. *Kornilova T.V., Smirnov S.D.* Metodologicheskie osnovy psikhologii. Moscow: Yurait, 2011. 496 p. (In Russian)
19. K yubileyu L.I. Antsyferovoi. *Voprosy psikhologii*. 1994. № 4. P. 153–157. (In Russian)
20. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p. (In Russian)
21. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. Moscow: Nauka, 1984. 349 p. (In Russian)
22. *Makarevskaya Yu.E.* Spetsifika sodержaniya lichnostnoi identichnosti v usloviyakh global'nykh obshchestvennykh izmenenii. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 2022. № 4. P. 113–130. (In Russian)
23. *Makarevskaya Yu.E., Ryabikina Z.I.* Operatsionalizatsiya parametrov i metodika diagnostiki lichnostnoi identichnosti. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 2023. V. 16. № 3. P. 25–49. (In Russian)
24. *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti*. Ed. L.I. Antsyferova. Moscow: Nauka, 1981. 365 p. (In Russian)
25. *Ryabikina Z.I.* Inoi mir, inoi chelovek, inaya psikhologiya lichnosti Lichnost' i vyzovy sovremennosti: interpretatsiya problem razlichnymi nauchnymi shkolami. Eds. Z.I. Ryabikina, V.V. Znakov. Maikop: Adygeiskii gos. un-t; Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2020. P. 64–70. (In Russian)
26. *Ryabikina Z.I.* Lichnostnaya identichnost' v situatsii izmeneniya sistemy identifikatsii (sotsio-psikhologicheskie efekty ukrainskogo razloma). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 2014. V. 3. № 3. P. 263–267. (In Russian)
27. *Ryabikina Z.I.* Lichnost' i ee bytie v bystro menyayushchemsya mire. Lichnost' i bytie: teoriya i metodologiya. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnodar, 2003. (In Russian)
28. *Ryabikina Z.I.* Osobennosti sovremennosti: izmenchivaya real'nost' i gibkaya lichnostnaya identichnost'. Eds. Z.I. Ryabikina, V.V. Znakov. Lichnost' i bytie: chelovek kak sub"ekt sotsiokul'turnoi real'nosti. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2016. P. 15–20. (In Russian)
29. *Ryabikina Z.I., Makarevskaya Yu.E.* Lichnostnaya identichnost' v situatsii sotsial'nogo neuspekha. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2023. V. 24. № 3. P. 6–23. (In Russian)
30. *Slobodchikov V.I., Tsukerman G.A.* Integral'naya periodizatsiya obshchego psikhicheskogo razvitiya. *Voprosy psikhologii*. 1996. № 5. P. 39–50. (In Russian)
31. *Kharlamenkova N.E.* Psikhologiya lichnosti: ot metodologii k nauchnomu faktu. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2023. 403 p. (In Russian)
32. *Erikson E.* Detstvo i obshchestvo. Saint Petersburg: Lenato; AST, 1996. 592 p. (In Russian)
33. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis. Transl. from Eng. Ed. by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russian)
34. *Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I., Ozhigova L.N.* Personality identity in the terms of virtualization of being. *E3S Web of Conferences*. 2020. V. 210. Art. 20016. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021020016>

УДК 159.9

СОВРЕМЕННОСТЬ ИДЕЙ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ)¹

© 2024 г. Е. А. Сергиенко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 26.05.2024

Аннотация. В юбилейной статье раскрываются несколько тем, которые разрабатывались Л.И. Анцыферовой. Показано, что поставленные ею вопросы и предлагаемые решения остаются востребованными и в настоящее время. Ее анализ ограничений субъектно-деятельностного подхода указал на его проблемные места. Этот подход не исчерпывает всю полноту личностного существования, концентрируясь на деятельностном аспекте в развитии личности. Анализируя представления С.Л. Рубинштейна, она отмечает неясность дифференциации понятий субъекта и личности. Анцыферова предлагает свое понимание соотношения данных понятий. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни, тогда как личность реализует их в деятельности. Предлагается иное решение данного соотношения с позиций системно-субъектного подхода. Именно личность как содержательная составляющая человека направляет взаимодействия с окружением, а субъект как интегративная составляющая соотносится со своими индивидуальными ресурсами и задачами реализует их. В таком случае снимается противоречие, при котором субъект направляет деятельность личности, делая ее все более субъектной. Л.И. Анцыферова, обсуждая соотношение субъекта и личности, указывает на то, что постановка вопроса о групповой личности неправомерна. Намечена гипотеза о функциях коллективной личности по аналогии с индивидуальной: когнитивная функция — коллективная направленность, ценности, смыслообразование, рефлексия; регулятивная функция — коллективные переживания; коммуникативная функция — выделение объектов и субъектов коммуникативных взаимодействий. В качестве структуры коллективной личности предложена концепция Я—МЫ—ОНИ как объединяющая общность, так и ограничивающая ее. Л.И. Анцыферова отстаивала необходимость изменения отношения к старческому периоду как упадку, интеллектуальному снижению, творческому бессилию. В этой связи рассматриваются современные исследования эйджизма и значение представлений о старении для состояния когнитивных функций, здоровья, продолжительности жизни. Показана возможность динамики феномена самовосприятия возраста в короткие промежутки времени, что соотносится с идеями Л.И. Анцыферовой о непрерывности личностных переходов в пространстве жизни.

Ключевые слова: субъектно-деятельностный подход, соотношение субъекта и личности, коллективная личность, возрастная идентичность, эйджизм.

DOI: 10.31857/S0205959224060033

ВВЕДЕНИЕ

Л.И. Анцыферова остается и сейчас одним из самых цитируемых авторов в психологической литературе. В чем секрет ее научного долголетия? Представляется, что секрет состоит в глубине проникновения в психологическую сущность разра-

батываемых ею понятий, проблем науки, многие годы служащих ориентиром для современных ученых. Несомненно, что центр ее интересов лежал в психологии личности, ее развитии. Однако личность выступала для нее не только как центр научных поисков, но и как центр связанных с ней проблем, потенциал разработки которых был ею заложен.

В предыдущих юбилейных статьях нами были уже рассмотрены и затронуты проблемы психоло-

¹ Работа выполнена по теме госзадания № 0138-2024-0009 “Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности”.

гии развития, взаимоотношение принципов развития, системности, дополненные на современном этапе принципами неопределенности, антиципации, субъектности, непрерывности, дифференциации—интеграции [9]. Среди важнейших проблем психологии развития Л.И. Анцыферова выделяет гетерохронность развития разных компонентов психики, разный темп их формирования, “периоды спада и подъема в разные возрастные периоды, меняющиеся сочетания прогрессивных, регрессивных и стагнирующих тенденций развития на разных этапах жизненного пути” [1, с. 22]. Возможны регрессивные и тупиковые линии развития, однако эти типы развития не являются проявлениями деградации. Регрессивное развитие существенно отличается от прогрессивного, но тем не менее также представляет собой качественное преобразование системы. Регресс характеризуется таким движением исходных форм, которое приводит к понижению уровня их организации, к сужению функциональных возможностей системы, возрастанию ее специализации, снижению зависимости от частных элементов среды, замедлению темпов ее развития. Применительно к психическому развитию человека регресс становится ведущей формой на поздних стадиях индивидуального жизненного пути, когда резкое снижение функциональных возможностей индивида ведет к сужению его временной перспективы, обеднению системы жизненных отношений и сферы интересов при адаптации к ограниченной социальной среде [1]. Нами было обосновано, что регрессивные формы развития по всем выделенным критериям (системному, информационному, энергетическому, экологическому) [2] можно рассматривать как подготовительные, *антиципирующие*, так как они позволяют организму, индивиду, личности адаптироваться в отношениях с миром с учетом инволюции. Регрессивные формы развития не только характерны для поздних этапов онтогенеза человека, но наблюдаются и как закономерная стадия на протяжении всего периода онтогенеза, когда происходит перестройка системы организации той или иной функции и поведения [13; 14].

Важным и сложным для психологии остается вопрос соотношения понятий субъекта и личности. Л.И. Анцыферова ставила этот вопрос и намечала пути его решения. Следует заметить, что разработка понятия личности в психологии далека от завершения и продолжаются дискуссии между сторонниками представления о личности как носителя определенных черт и личности как содержательной ипостаси человека, отражающей его ценности, направленность, диспозиции, моральные убеждения, духовные устремления.

Для прояснения данного вопроса необходимо обратиться к анализу Л.И. Анцыферовой субъектно-деятельностного подхода.

Несмотря на то что понятие субъекта как “автора деятельности” было заложено в работах С.Л. Рубинштейна, собственно разработка субъектного и субъектно-деятельностного подхода принадлежит в большей степени его ученикам: К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинскому, Л.И. Анцыферовой. Как отмечает Л.И. Анцыферова, «парадоксальным образом помехами на пути разработки проблемы субъекта стали причины внутренние — изменения в системе понятий отечественной психологии. В конце 60-х — начале 70-х годов одно из центральных мест в этой системе заняло понятие “личность”. Начали разрабатываться темы “личность и деятельность”, “личность и общение”, “личность и психические процессы” и т.п. И все же в это время появились работы, в которых понятия “субъект” и “личность” оказались сопряженными. Особенно примечательными в этом отношении выступили работы Л.И. Божович и Б.Г. Ананьева» [3, с. 28—29]. В концепции Л.И. Божович термин “субъект” выступал как важнейшее качество личности, как способность овладевать миром, творить себя, создавать нечто новое в социуме. Первые формы субъектного отношения к миру появляются в младенчестве (3—5 недель жизни). Согласно Б.Г. Ананьеву, на уровне развития человека как индивидуальности происходит интеграция индивида, личности и субъекта деятельности. Однако им не раскрыты отношения между субъектом и личностью и их генезом. В рамках разработки деятельностного подхода А.Н. Леонтьевым выдвинуто положение о том, что личность выступает производной от деятельности, однако остается открытым вопрос: кто является источником и реализатором разных форм деятельности до появления личности. Разные представления об авторстве деятельности и причинности бытия (С.Л. Рубинштейн) и личности, формируемой деятельностью (А.Н. Леонтьев), предельно заостряют вопрос о том, как соотносятся друг с другом эти “ипостаси” человека, является ли понятие личности более широким, чем понятие субъекта? Этот вопрос актуален для общей психологии и психологии личности, но существуют науки, в которых его постановка просто неправомерна. Так, политологи говорят о субъектах федерации, и в системе их категорий неуместно понятие “личность”. Свои ограничения этот вопрос имеет и в психологической науке. Например, представители социальной психологии изучают группового субъекта, но речь при этом не идет о “групповой личности” [3, с. 29]. Данный вопрос требует дополнительного обоснования в связи

с представлениями о личности как содержательной ипостаси человека.

ГРУППОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Обосновывая понятие коллективного субъекта, А.Л. Журавлев пишет: «Одним из бесспорных теоретических достоинств понятия “субъект” является его интегральный характер и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида (“индивидуальный субъект”), так и группы (“групповой, коллективный субъект”), т.е. понятие “субъект” позволяет выявлять общее в психологических свойствах личности, малой и большой группы и общества в целом. Можно согласиться с мнением А.В. Брушлинского, что фактически субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество (Брушлинский, 1996, с. 14). Следовательно, понятие и феномен “коллективный субъект” исходно характеризуются качествами интегративности и универсальности» [5, с. 119]. Автор выделяет гносеологический смысл этого понятия, противопоставляя коллективного субъекта коллективному объекту, и указывает на его онтологическое основание, противопоставляющее коллективного субъекта индивидуальному. «“Коллективный субъект” — это не один и не отдельный человек, а человек, связанный с другими людьми в некоторой общности. Это взаимосвязанная и взаимозависимая группа людей, выполняющих совместную деятельность» [5, с. 121]. Говоря о принципе деятельности, С.Л. Рубинштейн указывал, что это всегда совместная деятельность. Данная мысль была развита Б.Ф. Ломовым, который подчеркивал, что изучение деятельности отдельного субъекта всегда является условным и неполным.

Основанием выделения понятия становится и определенное качество субъекта. Коллективными субъектами становятся группы людей, обладающих разной степенью субъектности. “Коллективный субъект есть всякая совместно действующая или ведущая себя группа людей. Всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т.п., есть коллективный субъект” [5, с. 124].

Разрабатывая понятие коллективного субъекта, А.Л. Журавлев выделяет три основных критерия: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе; “качество (способность) группы проявлять различные формы совместной активности, т.е. выступать, быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению

к себе самой” [5, с. 125]; способность группы к саморефлексии.

Развивая идеи коллективного субъекта, Т.А. Нестик выделяет среди психологических факторов формирования коллективного образа будущего личностные, групповые, межгрупповые, организационные и социальные. «К личностным факторам относятся, на наш взгляд, выраженность индивидуальной временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень тревожности, социальная идентичность, ценностные ориентации. Сюда же можно отнести ряд когнитивных эффектов прогностической деятельности — сверхоптимизм, самопророчество, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты “черных лебедей”, пренебрежения масштабом риска и др.» [6, с. 410]. Т.А. Нестик указывает, что “отношение личности к времени сегодня все чаще рассматривается с учетом группового или социального контекстов. Если раньше основной единицей анализа выступало индивидуальное отношение к времени, то сегодня в качестве такой единицы чаще всего выступает отношение к времени в группе (проектной группе, подразделении, организации, этнической группе, обществе)” [7, с. 389]. Раскрывая понятие рефлексивности коллективного субъекта, Т.А. Нестик и А.Л. Журавлев подчеркивают ее реализуемую направленность, ориентацию группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности на основе рефлексии. Авторы выделяют ряд характеристик, которые разграничивают групповую рефлексивность от рефлексивности индивидуальной: особая коммуникативная и ролевая структура рефлексивного процесса; направленность на формирование положительной групповой идентичности; связь с феноменами лидерства, социального влияния, групповыми защитными механизмами, повышающими групповую рефлексивность; накопление коллективом метакогнитивного опыта [8].

Приведенные новые исследования коллективного субъекта позволяют говорить о коллективных личностных феноменах, которые направляют реализацию взаимодействия с окружением коллективного субъекта. В системно-субъектном подходе была предпринята попытка разграничения двух реципрокно взаимосвязанных составляющих человека — субъекта и личности. Для индивидуально-группового субъекта были описаны структуры и функции, специфицирующие эти две ипостаси человека. Субъект понимается как интегративное объединение всех психологических ресурсов человека,

Таблица 1. Соотношение функций и структуры индивидуального и коллективного субъекта и личности

Индивидуальность человека	Функции			Структура
	Когнитивная	Регулятивная	Коммуникативная	
Личность	Смыслообразование, ценностные ориентации	Переживание	Избирательность взаимодействия	Я-концепция
Коллективная личность	Коллективная направленность, ценности, смыслообразование, рефлексия	Коллективные переживания	Выделение объектов и субъектов коммуникативных взаимодействий	Я—МЫ—ОНИ
Субъект	Понимание	Контроль поведения (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, произвольность/волевой контроль)	Субъектность/Объектность, Субъект/Субъектность взаимодействия	Индивидуальные ресурсы (когнитивные, эмоциональные, волевые)
Коллективный субъект	Коллективный метакогнитивный опыт, коллективные представления	Групповая саморегуляция	Субъектность/Объектность, Субъект/Субъектность взаимодействия группы	Объединенные и распределенные психологические ресурсы

Примечание. Цветом выделены функции коллективного субъекта и личности.

функционально реализующим цели и направленность личности.

Рассмотрим выделенные структуры и функции относительно коллективного субъекта и коллективной личности.

В табл. 1 представлена гипотетическая схема распределения и своеобразия индивидуального и коллективного субъекта и личности. В основу данной таблицы легли работы А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика, Т.П. Емельяновой, Т.В. Дробышевой. Эти представления требуют отдельного рассмотрения и аргументации, что сделать в рамках данной статьи невозможно. Кроме того, данная гипотетическая схема предполагает и дополнительное изучение таких феноменов, как групповая саморегуляция, коллективные ресурсы, структурная организация Я—МЫ—ОНИ, с одной стороны, включающая в пространство Я Других (МЫ), с другой стороны, исключая иных (ОНИ). Разработка представлений о структуре и функциях коллективного субъекта и личности является перспективной задачей теоретических и эмпирических исследований.

СУБЪЕКТ И ЛИЧНОСТЬ — ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Л.И. Анцыферова, анализируя работы С.Л. Рубинштейна, отмечала неразработанность понятий субъекта и личности в его трудах, в которых он пишет о “личности”, “субъекте”, “человеке” как синонимах. “Личность, субъект, — пишет он, — это не чистое сознание. Это реальный конкретный,

исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру” [10, с. 676]. Его интерес лежит в области активности человека, субъекта, личности в деятельности [3]. Иногда же субъект толкуется Рубинштейном как стержневое качество личности, но в этом случае человек обозначается как сознательное общественное существо, субъект практики, истории, что делает его личностью. Она пишет, что «в 90-х годах в эти основания был введен новый принцип — “субъектно-деятельностный подход”. Этот подход акцентировал значение деятельности, понимаемой как созидание, преобразование, совершенствование окружающего мира, в качестве одного из главных способов существования человека, и в то же время подчеркнул неразрывную связь деятельности с “действующим лицом” — иницирующим, реализующим, несущим ответственность за ее осуществление и результаты. По существу, этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход ВСЮ полноту личностного существования человека в мире, напряженность его душевной жизни, “своеобразные движения” внутреннего мира?» [3, с. 14–15].

Отвечая на этот вопрос, Людмила Ивановна считает, что таким понятием в психологии становится экзистенция, которая охватывает разные грани существования человека в мире. Она задает следующий вопрос: “Какому же направлению в изучении личности противостоит субъектно-деятельностный подход?” [3, с. 15]. Она считает, что это подход, основанный на опросниках, выявляющих черты личности, иерархию ценностей, мировоззрения, позиций, убеждений и т.п. «Но ведь все эти

“образования”, “характеристики” — в своей подавляющей части результаты конструирования личностью себя и своих жизненных миров, исходы напряженных “движений” душевной жизни, ее “произвола» [3, с. 16]. Следовательно, усилия личности в большей степени направлены не на удержание какой-то деятельности, а “на укрепление, расширение, увеличение многомерности пространства своей жизни, на включение в его контуры миров других людей. Иными словами, личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой им жизни. Личностное пространство наполнено индивидуальными градиентами значимости, валентностями; областями, отмеченными положительными, отрицательными, нейтральными модальностями» [3, с. 17]. В таком случае не жизненный путь личности, а жизненное пространство созидает человека как личность. «Личность как субъект “ваяет” себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни» [1, с. 223]. Тогда как личность реализует их в деятельности. Отсюда она видит основную задачу ученого в выделении и изучении тех “жизнетворческих способностей”, психологических оснований и “механизмов”, которые обеспечивают переход личности на более высокий уровень субъектности. Многие психологи, говоря о человеке как хозяине своей судьбы, имеют в виду его как субъекта, способного противостоять неблагоприятным социальным и культурным условиям. “Определение личности как успешного творца собственного индивидуального жизненного пути, достигающего высокие цели, несмотря на трудности, противодействия и давления внешних и внутренних сил, относится лишь к самому высокому уровню развития личности, а скорее всего выступает идеалом отношения человека к своей жизни” [1, с. 223]. Отвечая на вопрос, всегда ли человек является субъектом, Анцыферова указывает на то, что субъектное начало человека “значительно ограничивается особенностями душевной жизни”, в которой определенное место занимают “неосознаваемые мотивы, жизненные планы, вытесненные воспоминания, которые, однако, регулируют поведение индивида независимо от его воли”. Далее она пишет, что субъект инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи и т.п., создавая условия для развития личности.

“Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение,

которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т.п.” [1, с. 362]. В таком случае можно говорить о наличии некоторых противоречий в представленных идеях. С одной стороны, более высокий уровень развития личности — ее субъектность, а с другой — субъектность создает условия для развития личности. С одной стороны, содержательная направленность человека, его духовная жизнь, нравственность и гуманность — это личностные свойства, но направляет активность — субъектность, реализует — личность. Данные противоречия снимаются в рамках системно-субъектного подхода, в котором две ипостаси человека, субъект и личность, находятся в непрерывном развитии и взаимодействии, но личность как содержательная составляющая с ее ценностями, смыслами, идеалами, направленностью задает направление активности и взаимодействия, а субъект как интегратор всех психологических, физиологических, нейрональных, фенотипических особенностей, индивидуально представленных в человеке, реализует задачи личности, сообразуясь с собственными ресурсными возможностями и внешними условиями. В построении пространства жизни участвуют две ипостаси человека: и субъект, и личность, сообразуясь с “командным” звеном идей, целей, смыслов и индивидуально существующих возможностей. Кроме того, предпринята попытка описать разные уровни развития субъекта и личности в онтогенезе человека, в которых специфически представлено и развитие личности, и развитие субъектности человека от рождения до пожилого возраста [15]. В табл. 1 (в предыдущем разделе) представлены функции и структуры субъекта и личности, которые обоснованы и верифицированы в эмпирических исследованиях, также снимающие противоречия в определениях субъекта и личности.

ВОЗРАСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

Людмила Ивановна посвятила большое число своих работ проблемам развития личности в пожилом и старческом возрастах, проблеме мудрости и ее проявлений в разные периоды онтогенеза человека, включая период старения. Идеи, высказанные ею в этих работах, становятся основой современных исследований. Во-первых, она убедительно доказывала, что период старения нельзя рассматривать как тотальный регресс. В противовес

представлениям о поступательном развитии личности Л.И. Анцыферова подчеркивала нелинейный, диахронический процесс развития, в котором прогрессивные линии сочетаются с регрессивными. Это вопрос мы подробно рассматривали в предыдущих работах [12; 14].

Во-вторых, анализируя проблемы геронтопсихологии, Л.И. Анцыферова боролась за изменение отношения к старости как сложившемуся социальному стереотипу. Она считала, что многие характеристики стариков обусловлены негативными стереотипами их восприятия “как людей бесполезных, интеллектуально деградирующих, беспомощных” [1, с. 264].

Интересно, что в мировой литературе это явление обозначено как эйджизм, т.е. дискриминация людей по возрастному признаку. В лонгитюдных исследованиях, охватывающих более 1000 пожилых людей [18], не было получено никаких доказательств того, что современные пожилые люди придерживаются более благоприятных взглядов на то, как они стареют, чем пожилые люди два десятилетия тому назад. Авторы рассматривают парадокс, обнаруженный в исследовании. С одной стороны, известно, что сегодняшние пожилые люди во многих отношениях функционируют лучше, чем пожилые люди в прошлом (см. обзор [16]), а общая закономерность улучшения функционирования на среднем уровне подтверждена на текущей выборке пожилых людей. Но парадокс в том, что исторические улучшения в различных областях функционирования не приводят к более позитивным взглядам на старение, потому что возрастная стигматизация и негативные возрастные стереотипы являются постоянным фактом в развитых обществах. Вывод о постоянной исторической стабильности множества показателей субъективных взглядов на старение, несмотря на то, что ряд других показателей благополучного старения исторически улучшался, может рассматриваться как подтверждающий такой парадокс. Эти данные могут свидетельствовать о продолжающемся социальном эйджизме. Однако различие между личными и общими взглядами на старение показало, что за последние два столетия общие взгляды на старение становились все более негативными [23; 24], но на уровне личного отношения к старению, т.е. субъективные оценки восприятия себя более молодым, могут рассматриваться как позитивные, поскольку пожилые люди сопротивляются общесоциальным тенденциям, продолжая снижать оценку старения. Возможно, индивидуальные взгляды на возраст все больше отделяются от взглядов общества. В сознании пожилых людей в возрасте

65 лет и старше старость не обязательно является синонимом упадка и ухудшения состояния в настоящее время. Как следствие, классический “возрастной перекос”, заключающийся в том, что пожилые люди чувствуют себя значительно моложе своего хронологического возраста, сохраняется, но не становится больше в более старых когортах людей. Таким образом, некоторые улучшения функционирования в пожилом возрасте могут отражать действие исторических изменений, которые повышают уровень функционирования в раннем пожилом возрасте, но не влияют на темпы изменений в более поздние периоды жизни. В такой ситуации люди, родившиеся позже, сравнивают свое текущее состояние функционирования с более ранними собственными состояниями и могут воспринимать потери такими же по величине, как и у людей, родившихся раньше, и в результате взгляды на старение останутся прежними. Эти данные указывают на то, что в общем негативном отношении к старению индивидуальные личностные ресурсы и личностное развитие сопротивляются таким стереотипам. Индивидуальные стереотипы не только могут отличаться, но и существенно влиять на многие аспекты жизни пожилых людей. В классическом исследовании Б.Р. Леви с коллегами [20] в рамках Балтиморского лонгитюдного исследования старения (*Baltimore Longitudinal Study of Aging, BLSA*) было показано, что те, у кого в раннем возрасте было больше негативных возрастных стереотипов, с большей вероятностью страдали от сердечно-сосудистых заболеваний 38 лет спустя по сравнению с теми, у кого было больше позитивных возрастных стереотипов. Кроме того, неоднократно подтверждалось влияние возрастных стереотипов на когнитивные способности и соответствующие биомаркеры. Исследовательская группа Леви показала среди прочего, что у людей с более негативными стереотипами ухудшались показатели памяти в течение 38-летнего периода времени по сравнению с теми, у кого были более позитивные возрастные стереотипы [20].

Также в рамках Балтиморского лонгитюда было обнаружено, что участники с более негативными возрастными стереотипами в более раннем возрасте имели повышенное количество биомаркеров, связанных с болезнью Альцгеймера, подтвержденных при посмертном вскрытии мозга [21]. Также пожилые люди с более негативными возрастными стереотипами чаще подвергались госпитализации, имели меньшую вероятность компенсации инвалидности и продемонстрировали более резкое снижение слуха в течение 36 месяцев [20; 22].

Кроме того, исследование К. Ротермунда [27] показало, что участники с более негативными возрастными стереотипами в начале исследования имели повышенные показатели депрессии четыре года спустя. Вместе эти исследования подтверждают положение о том, что возрастные стереотипы также влияют на различные аспекты здоровья в долгосрочной перспективе.

Лица, которые считали свое старение более благоприятным или чувствовали себя моложе, чем они были на самом деле, фактически оставались более здоровыми (см., например, [28]). Более того, люди с более позитивным самовосприятием старения показали улучшение функционального здоровья и физической работоспособности, например скорости ходьбы (см., например, [26]), и жили дольше, чем люди с более негативным самовосприятием старения или более старшим субъективным восприятием возраста [25]. Иллюстрацией этому служат также данные исследования Леви с коллегами [19], обнаружившие, что взрослые люди с более позитивным самовосприятием старения жили в среднем на 7.5 года дольше, чем люди с более негативным самовосприятием старения. Этот эффект сохранялся после контроля соответствующих ковариат. Интересно, что этот эффект также был сильнее, чем прирост лет жизни, известный из других исследований по физиологическим показателям (например, низкий уровень холестерина или систолический уровень давления крови) или показателям здорового образа жизни (например, более низкий индекс массы тела, отсутствие курения в анамнезе, склонность к физическим упражнениям).

Наконец субъективный возраст и самовосприятие старения также влияют на когнитивные способности и психологическое здоровье. Сосредоточив внимание на эпизодической памяти, а также на исполнительных способностях, Я. Стефан с коллегами [29] показали, что более молодой субъективный возраст был связан с улучшением когнитивных функций 10 лет спустя. Кроме того, ряд недавних исследований, проследивших динамику когнитивного функционирования в течение 12 лет, показал, что негативное самовосприятие старения связано с более низкими когнитивными способностями.

Таким образом, мысль об индивидуально выраженном отношении к старению взаимосвязана с различными вариантами состояния здоровья, депрессией, когнитивными функциями, продолжительностью жизни, что означает личностные разнообразные стратегии сопротивления эйджизму.

Еще один аспект, свидетельствующий о динамике личностной идентичности в пожилом возрасте,

связан с вопросом о стабильности когнитивной иллюзии возраста (т.е. различиях между календарным и воспринимаемым возрастом). В большинстве исследований субъективный возраст просто фиксировался как когнитивное представление людей, на сколько лет они себя чувствуют, выглядят, действуют, интересуются [11; 13]. Однако начали появляться работы, которые ставят цели проследить динамику субъективного возраста. Примером такой работы является исследование А.Е. Корнад с коллегами, в котором было изучено, каким образом субъективный возраст, оцениваемый в течение дня, взаимосвязан с воспринимаемым стрессом и его биологическим показателем — кортизолом [17]. Предыдущие долгосрочные исследования и ежедневные записи в дневниках показали, что повышенный стресс связан с более старшим субъективным возрастом. В проведенном исследовании 118 пожилых ($M = 66.67$ года) и 36 очень старых людей ($M = 85.92$ года) сообщали о своем кратковременном субъективном возрасте и ощущаемом стрессе, а также предоставляли образцы слюны до семи раз в день в течение семи дней подряд. Результаты показали, что кратковременный повседневный воспринимаемый стресс и более высокие уровни кортизола предсказывали более пожилой субъективный возраст в данный момент. Напротив, субъективный возраст на предыдущем этапе измерения не предсказывал последующий стресс. Для лиц из группы очень старого возраста прогностические эффекты кортизола в отношении кратковременной оценки субъективного возраста сильнее даже при дополнительном учете сопутствующих заболеваний, что может указывать на более сильную связь между гормональными показателями стресса и ощущением себя старше у очень старых участников, а также устойчивость этой связи (и, следовательно, потенциально меньшую адаптивность). Данные этих исследований расширяют более ранние выводы о том, что как самооценка, так и физиологический стресс являются важными объясняющими переменными для субъективных возрастных изменений людей даже в относительно коротких временных интервалах, демонстрируя динамику во времени между стрессом и субъективным возрастом в повседневной жизни. Результаты подчеркивают важность контекстуального влияния на самочувствие пожилых людей и демонстрируют переплетение как биологических, так и психологических процессов старения.

Данные современных исследований отношения к старению и самовосприятию своего возраста показывают развитие идей Л.И. Анцыферовой о непрерывном развитии личности и вариантах ее преобразований в период старения.

Рассмотренные в статье идеи Л.И. Анцыферовой с очевидностью демонстрируют их современную востребованность, их развитие и поиск ответов на поставленные ею вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
2. *Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 9–36.
3. *Анцыферова Л.И.* Психологическое содержание феномена “субъект” и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
4. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Издательство “Институт практической психологии”; Воронеж: НПО “Модэк”, 1996. 392 с.
5. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 116–161.
6. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 401–430.
7. *Нестик Т.А.* Групповое отношение к времени // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 375–399.
8. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Групповая рефлексивность // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 400–418.
9. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 479 с.
10. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002.
11. *Сергиенко Е.А.* Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. DOI: 10.54359/ps.v6i30.689
12. *Сергиенко Е.А.* Психология развития: идеи Л.И. Анцыферовой и их разработка в современной науке // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 25–34.
13. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 561–591.
14. *Сергиенко Е.А.* Психология развития в трудах Л.И. Анцыферовой: прогресс и регресс как закономерные процессы развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 5–14. DOI: 10.31857/S020595920006042-2
15. *Сергиенко Е.А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. 279 с. DOI: 10.38098/mng_21_0435
16. *Gerstorf D., Hueluer G., Drewelies J. et al.* Adult development and aging in historical context // *American Psychologist*. 2020. V. 75. № 4. P. 525–539. DOI: 10.1037/amp0000596
17. *Kornadt A.E., Pauly T., Schilling O.K. et al.* Momentary subjective age is associated with perceived and physiological stress in the daily lives of old and very old adults // *Psychology and Aging*. 2022. V. 37. № 8. P. 863–875. DOI: 10.1037/pag000071
18. *Kotter-Grühn D., Kornadt A.E., Stephan Y.* Looking beyond chronological age: Current knowledge and future directions in the study of subjective age // *Gerontology*. 2016. V. 62. № 1. P. 86–93. DOI: 10.1159/000438671
19. *Levy B.R., Slade M.D., Kunkel S.R., Kasl S.V.* Longevity increased by positive self-perceptions of aging // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. № 2. P. 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261
20. *Levy B.R., Zonderman A.B., Slade M.D., Ferrucci L.* Age stereotypes held earlier in life predict cardiovascular events in later life // *Psychological Science*. 2009. V. 20. № 3. P. 296–298. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2009.02298.x
21. *Levy B.R., Bavishi A.* Survival advantage mechanism: Inflammation as a mediator of positive self-perceptions of aging on longevity // *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. 2016. V. 73. № 3. P. 409–412. DOI: 10.1093/geronb/gbw035
22. *Levy B.R., Slade M., Chang E.-S. et al.* Ageism amplifies cost and prevalence of health conditions // *Gerontologist*. 2020. V. 60. № 1. P. 174–181. DOI: 10.1093/geront/gny131
23. *Ng R., Chow T.Y.J.* Aging narratives over 210 years (1810–2019) // *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. 2021. V. 76. № 9. P. 1799–1807. DOI: 10.1093/geronb/gbaa222/
24. *Ng R., Lim-Soh J.W.* Ageism linked to culture, not demographics: Evidence from an 8-billion-word corpus across 20 countries // *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. 2021. V. 76. № 9. P. 1791–1798. DOI: 10.1093/geronb/gbaa181

25. *Rippon I., Steptoe A.* Feeling old vs being old: Associations between self-perceived age and mortality // *JAMA Internal Medicine*. 2015. V. 175. № 2. P. 307–309. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.6580
26. *Robertson D.A., Savva G.M., King-Kallimanis B.L., Kenny R.A.* Negative perceptions of aging and decline in walking speed: A self-fulfilling prophecy // *PloS One*. 2015. V. 10. № 4. Art. e0123260. DOI: 10.1371/journal.pone.0123260
27. *Rothermund K.* Effects of age stereotypes on self-views and adaptation // W. Greve, K. Rothermund, D. Wentura (eds). *The adaptive self. Personal continuity and intentional self-development*. Göttingen: Hogrefe, 2005. P. 223–242.
28. *Spuling S.M., Miche M., Wurm S., Wahl H.-W.* Exploring the causal interplay of subjective age and health dimensions in the second half of life // *Zeitschrift für Gesundheitspsychologie*. 2013. V. 21. № 1. P. 5–15. DOI: 10.1026/0943-8149/a000084
29. *Stephan Y., Caudroit J., Jaconelli A., Terracciano A.* Subjective age and cognitive functioning: a 10-year prospective study // *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2014. V. 22. № 11. P. 1180–1187. DOI: 10.1016/j.jagp.2013.03.007

THE MODERNITY OF L. I. ANTSEYEROVA'S IDEAS (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF HER BIRTH)²

E. A. Sergienko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg.1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.
E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 26.05.2024

Abstract. The anniversary article reveals several topics that were developed by L.I. Antsyferova. It is shown that the questions posed by her and the solutions proposed are still relevant and up-to-date today. Her analysis of the limitations of the subject-activity approach pointed out its problem areas. This approach does not fully capture the fullness of personal existence, concentrating on the activity aspect in personality development. Analyzing the ideas of S.L. Rubinstein, she notes the ambiguity in the differentiation of concepts of subject and personality. Antsyferova offers her own understanding of the relationship between these concepts. The subject sets goals and outlines life plans, chooses life strategies, while the individual implements them in activities. A different solution to this relationship is proposed from the standpoint of the system-subject approach. It is the personality, as a meaningful component of a person, that directs interactions with the environment, and the subject, as an integrative component, implements them in accordance with his individual resources and tasks. In this case, there is no contradiction, because the subject directs the activity of the personality, making it more and more subjective. L.I. Antsyferova, discussing the relationship between the subject and personality, points out that raising questions about group personality is illegal. A hypothesis about the functions of group personality is outlined by analogy with individual personality: cognitive — collective orientation, values, meaning formation, reflection; regulatory — collective experiences; communicative — identifying objects and subjects of communicative interactions. The concept SELF–WE–THEY is proposed as a structure of collective personality, which unites the community and limits it. L.I. Antsyferova defended the need to change in attitudes towards the senile period as decay, intellectual decline, and creative impotence. In this regard, the modern studies about ageism and the significance of ideas about aging for the state of cognitive functions, health, and longevity are considered. The dynamics of the phenomenon of self-perception of age in short periods of time are shown, which correlate with L.I. Antsyferova's concepts of personal transitions across the lifespan.

Keywords: subject-activity approach, relationship between subject and personality, collective personality, age identity, ageism.

² The work was carried out on the topic of State Task No. 0138-2024-0009 “Systemic Development of a Subject in Normal, Subextreme, and Extreme Conditions of Life”.

REFERENCES

1. *Antsyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontologii. 2nd ed. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
2. *Antsyferova L.I., Zavalishina D.N., Rybalko E.F.* Kategoriya razvitiya v psikhologii. In: Kategorii materialisticheskoi dialektiki v psikhologii. Moscow: Nauka, 1988. P. 9–36. (In Russian)
3. *Antsyferova L.I.* Psikhologicheskoe sodержanie fenomena "sub"ekt i granitsy sub"ektno-deyatelnostnogo podkhoda. Eds. A.V. Brushlinskii, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin. Problema sub"ekta v psikhologicheskoi nauke. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. P. 27–42. (In Russian)
4. *Brushlinskij A.V.* Sub"ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie. Moscow: Publ. "Institut prakticheskoy psikhologii"; Voronezh: NPO "Modjek", 1996. 392 p.
5. *Zhuravlev A.L.* Kollektivnyi sub"ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 116–161. (In Russian)
6. *Nestik T.A.* Kollektivnyi obraz budushchego. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 401–430. (In Russian)
7. *Nestik T.A.* Gruppovoe otnoshenie k vremeni. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Razrabotka ponyatii v sovremennoi psikhologii. V. 2. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 375–399. (In Russian)
8. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Gruppovaya refleksivnost'. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Razrabotka ponyatii v sovremennoi psikhologii. V. 2. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 400–418. (In Russian)
9. Printsip razvitiya v sovremennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2016. 479 p. (In Russian)
10. *Rubinshtein S.L.* Problemy obshei psikhologii. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)
11. *Sergienko E.A.* Sub"ektivnyi i khronologicheskii vozrast cheloveka. Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. V. 6. № 30. DOI: 10.54359/ps.v6i30.689 (In Russian)
12. *Sergienko E.A.* Psikhologiya razvitiya: idei L.I. Antsyferovoi i ikh razrabotka v sovremennoi nauke. Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35. № 6. P. 25–34. (In Russian)
13. *Sergienko E.A.* Sub"ektivnyi vozrast cheloveka — rasshirenie ponyatiya voznrastnoi identichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 561–591. (In Russian)
14. *Sergienko E.A.* Psikhologiya razvitiya v trudakh L.I. Antsyferovoi: progress i regress kak zakonomernye protsessy razvitiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 5–14. DOI: 10.31857/S020595920006042-2 (In Russian)
15. *Sergienko E.A.* Psikhicheskoe razvitiye s pozitsii sistemno-sub"ektnogo podkhoda. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2021. 279 p. DOI: 10.38098/mng_21_0435 (In Russian)
16. *Gerstorf D., Hueluer G., Drewelies J. et al.* Adult development and aging in historical context. American Psychologist. 2020. V. 75. № 4. P. 525–539. DOI: 10.1037/amp0000596
17. *Kornadt A.E., Pauly T., Schilling O.K. et al.* Momentary subjective age is associated with perceived and physiological stress in the daily lives of old and very old adults. Psychology and Aging. 2022. V. 37. № 8. P. 863–875. DOI: 10.1037/pag000071
18. *Kotter-Grühn D., Kornadt A.E., Stephan Y.* Looking beyond chronological age: Current knowledge and future directions in the study of subjective age. Gerontology. 2016. V. 62. № 1. P. 86–93. DOI: 10.1159/000438671
19. *Levy B.R., Slade M.D., Kunkel S.R., Kasl S.V.* Longevity increased by positive self-perceptions of aging. Journal of Personality and Social Psychology. 2002. V. 83. № 2. P. 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261
20. *Levy B.R., Zonderman A.B., Slade M.D., Ferrucci L.* Age stereotypes held earlier in life predict cardiovascular events in later life. Psychological Science. 2009. V. 20. № 3. P. 296–298. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2009.02298.x
21. *Levy B.R., Bavishi A.* Survival advantage mechanism: Inflammation as a mediator of positive self-perceptions of aging on longevity. The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences. 2016. V. 73. № 3. P. 409–412. DOI: 10.1093/geronb/gbw035
22. *Levy B.R., Slade M., Chang E.-S. et al.* Ageism amplifies cost and prevalence of health conditions. Gerontologist. 2020. V. 60. № 1. P. 174–181. DOI: 10.1093/geront/gny131
23. *Ng R., Chow T.Y.J.* Aging narratives over 210 years (1810–2019). The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences. 2021. V. 76. № 9. P. 1799–1807. DOI: 10.1093/geronb/gbaa222/
24. *Ng R., Lim-Soh J.W.* Ageism linked to culture, not demographics: Evidence from an 8-billion-word corpus across 20 countries. The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences. 2021. V. 76. № 9. P. 1791–1798. DOI: 10.1093/geronb/gbaa181
25. *Rippon I., Steptoe A.* Feeling old vs being old: Associations between self-perceived age and mortality. JAMA Internal Medicine. 2015. V. 175. № 2. P. 307–309. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.6580

26. *Robertson D.A., Savva G.M., King-Kallimanis B.L., Kenny R.A.* Negative perceptions of aging and decline in walking speed: A self-fulfilling prophecy. *PloS One*. 2015. V. 10. № 4. Art. e0123260. DOI: 10.1371/journal.pone.0123260
27. *Rothermund K.* Effects of age stereotypes on self-views and adaptation. Eds. W. Greve, K. Rothermund, D. Wentura. *The adaptive self. Personal continuity and intentional self-development*. Göttingen: Hogrefe, 2005. P. 223–242.
28. *Spuling S.M., Miche M., Wurm S., Wahl H.-W.* Exploring the causal interplay of subjective age and health dimensions in the second half of life. *Zeitschrift für Gesundheitspsychologie*. 2013. V. 21. № 1. P. 5–15. DOI: 10.1026/0943-8149/a000084
29. *Stephan Y., Caudroit J., Jaconelli A., Terracciano A.* Subjective age and cognitive functioning: a 10-year prospective study. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2014. V. 22. № 11. P. 1180–1187. DOI: 10.1016/j.jagp.2013.03.007

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПЕРСОНАЛИЙ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ
НА ОСНОВЕ ИХ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

© 2024 г. Ю. Н. Олейник^{1,*}, А. Л. Журавлев^{2,**}

¹АНО ВО «Московский гуманитарный университет»;
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей,
социальной психологии и истории психологии.

E-mail: yurii03@mail.ru

**Академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 15.11.2024

Аннотация. Рассмотрена и обоснована актуальность персонологических разработок в истории психологии (обеспечение системности историко-психологических исследований, выявление механизмов преемственности научного познания, его научно-организационных и коммуникационных характеристик; развитие самостоятельной области истории психологии — биографической психологии; содействие расширению границ психологического познания и др.). Показано, что количество работ, посвященных исследованию творческого наследия ученых, стабильно занимает существенное место в современных историко-психологических исследованиях. Рассмотрены достижения отечественных историков психологии в разработке теоретико-методологических и методических разработок проводимых биографических исследований. Изложены методологические основания использования библиометрического метода при анализе публикационной активности ученого в биографических исследованиях и проведении сопоставительного анализа продуктов деятельности нескольких изучаемых персоналий. Предложена программа такого исследования, включающая пять этапов; обозначены ее достоинства и ограничения, а также пути преодоления последних.

Ключевые слова: история психологии, персоналия, биографический метод, библиометрический анализ, публикационная активность.

DOI: 10.31857/S0205959224060045

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, проблемное поле историко-психологических исследований достаточно обширно. Историки психологии изучают методологические, теоретические и прикладные проблемы истории психологии как области психологической науки и учебной дисциплины; генезис и развитие психологических идей в определенный хронологический период, в отдельных странах и регионах; динамику разработки психологических теорий, проблемных областей, понятий, отраслей и направлений психологии; историю формирования, развития и дея-

тельности психологических школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров и профессиональных сообществ; творческое наследие мыслителей и ученых прошлого и его значение для развития психологического познания и современной психологии. Безусловно, этот перечень можно дифференцировать на более частные и узкие тематические исследования.

Такое масштабное исследовательское пространство историко-психологических разработок и многочисленность ученых, профессионально специализирующихся в области истории психологии, приводит к тому, что наблюдается неравномерность

внимания специалистов к указанным направлениям. К сожалению, на данный момент не существует обстоятельных аналитических обзоров состояния и тематической направленности выполненных отечественных историко-психологических исследований, позволяющих подтвердить или опровергнуть этот вывод. Как нам известно, последнее такое масштабное историографическое исследование было выполнено по состоянию на 1960 г. известным советским историком психологии М.В. Соколовым [26]. И хотя сегодня такая работа начата и проводится творческим коллективом историков психологии под руководством академика РАН А.Л. Журавлева (И.Н. Елисеева, А.Л. Журавлев, А.Н. Моргун, Ю.Н. Олейник и др.), на данный момент она по объективным и субъективным причинам еще далека от завершения. Тем не менее вывод о неравномерности разработки современными историками психологии отдельных проблемных областей и тематических направлений является достаточно очевидным. Например, об этом можно судить по материалам одной из наиболее представительных и периодически проводимых конференций по историко-психологической проблематике — “Московским встречам по истории психологии” [9; 10], в которых тематическое распределение статей по рубрикам количественно довольно сильно различается. Отметим при этом, что число работ, посвященных исследованию творческого наследия ученых, стабильно занимает существенное место в материалах этих конференций по сравнению с другой тематикой (табл. 1).

Надо отметить, что интерес к биографическим исследованиям характерен не только для психологии, но и для других наук [8; 24; и др.].

С чем же связана неизменная актуальность и высокая востребованность именно персонологических исследований в истории психологии? Выделим основные причины.

Таблица 1. Распределение статей по тематическим рубрикам в материалах IV–VII “Московских встреч по истории психологии” (названия секций даны в обобщенном виде с учетом тематической направленности)

Рубрика	IV (2006)*	V (2009)**	VI (2016)	VII (2021)
Методология и теория	20	11	10	6
Проблемы и направления	42	23	16	36
Наследие ученых	21	30	19	29
Школы, общества, центры	Представлена в рубрике проблем и направлений	8	13	13
История и историческая психология	16	16	11	17
Итого	99	88	69	101

* Без учета публикаций в рубрике “Актуальные проблемы современной психологии” (11 статей), рубрики по научным школам, обществам и центрам в материалах не было выделено.

** Не учитывались статьи, опубликованные в специальной рубрике, посвященной Е.Н. Соколову (14 статей), и в рубрике о проблемах современного состояния психологии (9 статей), т.е. еще 23 статьи.

Во-первых, обеспечение *системности историко-психологических исследований*. Как известно, в соответствии с имеющей широкое распространение в научном сообществе науковедческой концепцией трехфакторной модели детерминации генезиса психологического познания М.Г. Ярошевского, важным является учет роли личности ученого в этом процессе. Только учет всех трех без исключения факторов (предметно-логического, социально-исторического и личностно-биографического) обеспечивает адекватное и объективное понимание условий развития психологического познания. Более того, на определенных этапах именно личность ученого, его творческие идеи, теоретические суждения, получаемые конкретно-эмпирические данные, авторитет в профессиональном сообществе выступают в качестве системообразующих в определении векторов и направлений развития психологии.

Во-вторых, рассмотрение жизни и наследия ученого как *субъекта познавательной деятельности* оказывается необходимым при анализе механизмов преемственности научного познания, выявлении и характеристике формальной и неформальной структуры научного сообщества, процессов организации и проведения научной полемики относительно разных подходов, трактовок и понимания тех или иных психологических проблем. Изучение формирования и функционирования научных школ и состава оппонентного круга, позиций отдельных ученых в процессе научных дискуссий и фиксация вклада мыслителей и ученых в развитие психологического знания (в первую очередь научного) невозможны без обращения к жизнедеятельности и творчеству конкретных специалистов. Известный историк отечественной психологии В.А. Кольцова в предложенной ею структуре психологического познания обозначает это направление исследований как “персонологический аспект... вскрывающий роль субъекта

психологической мысли, индивидуальный характер его мировосприятия, научные позиции и взгляды, цели и направленность его деятельности” [13, с. 117].

В-третьих, развитие биографических исследований как относительно *самостоятельной области* истории психологии — биографической психологии, которая, находясь в состоянии становления и развития, требует описания и обоснования своего предмета, принципов, специфического метода, осмысления других теоретико-методологических и методических элементов [16; 18].

В-четвертых, понимание значимого *влияния известного соотечественника* (в том числе ученого) на становление молодых исследователей, его роль в формировании научных традиций, школ и предметности в целом в области научных разработок. Согласимся с мнением О.А. Артемьевой о том, что “примеры великих ученых, общественных деятелей, работников способны воодушевить учащихся, получающих высшее и средне-специальное образование. В этом случае существует возможность лучшего понимания условий успешной деятельности...” [1, с. 100].

В-пятых, проведение исследований персонального характера способствует *расширению границ психологического познания*, обогащая его новыми смыслами, объектами и методами изучения, способствуя тем самым и развитию *рефлексивных процессов у самого изучающего*. Вот что пишет об этом Н.А. Логинова, много лет занимающаяся изучением биографий: «Более тридцати лет назад, в 1968 году на лекции Бориса Герасимовича Ананьева я, тогда студентка факультета психологии Ленинградского государственного университета, впервые узнала о существовании биографического метода в психологии. Б.Г. Ананьев читал нам курс под названием “Комплексные исследования человека”, в котором раскрыл, в том числе и суть этого метода, историю биографических исследований в психологии. В той памятной лекции он рассказал о своём опыте психобиографического анализа индивидуальности Александра Блока на основе опубликованных личных документов и художественных произведений поэта. Рассказ Б.Г. Ананьева о биографическом исследовании личности произвел на меня неизгладимое впечатление и определил мой научный путь» [17, с. 2].

Важно подчеркнуть, что для многих авторитетных впоследствии специалистов по истории психологии их путь в эту область знания начинался именно с изучения жизненного пути и творческого наследия ученых. Например, В.А. Кольцова первую публикацию по истории психологии

посвятила изучению биографии и творческого наследия Г.В. Плеханова [12], А.Л. Журавлев — Б.Ф. Ломова [6], Ю.Н. Олейник — А.В. Ярмоленко [21], О.В. Клыпа — М.В. Соколова [11], С.А. Богданчиков — Г.И. Челпанова [4] и т.д.

ДОСТИЖЕНИЯ И СОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Возможно, именно в силу указанных роли и значения для понимания генезиса психологического знания исследования отдельных персоналий были, есть и будут важнейшим направлением изучения истории психологического познания. При этом надо отметить, что в отечественной истории психологии уже многое сделано как в области изучения творческого наследия ученых, так и в плане повышении качества, полноты, объективности и обоснованности этих исследований и раскрытия теоретико-методологических оснований таких разработок.

Чем же обладает современная отечественная история психологии в изучении творческого наследия ученого? Не претендуя на полноту анализа, остановимся на наиболее интересных и важных элементах.

В *теоретико-методологическом отношении* предложены и продолжают концептуализироваться подходы и модели изучения жизнедеятельности и творческой активности ученых.

1. Разработанные под руководством В.А. Кольцовой две теоретические модели: 1) комплексной реконструкции научного наследия и *индивидуального стиля деятельности* ученого [19] и 2) проведения психобиографического исследования исторической личности прошлого по *продуктам его творческой деятельности* [29]. Первая модель “включает целостное воссоздание основных этапов его (В.Н. Дружинина. — *Авт.*) жизни и творчества, раскрытие логики и динамики развития научных взглядов; выявление особенностей личности ученого, факторов ее формирования и развития, индивидуального стиля деятельности и позволяет выделить перспективы развития идей ученого в современной науке” [19, с. 8]. Вторая модель ориентирована на “изучение... психологических характеристик и путей формирования личности с учетом всех детерминант ее развития и многообразия проявлений”, а также составление “психобиографии исторической личности” и проведение реконструкции

“психологических характеристик творца по продуктам творческой деятельности” [29, с. 3].

2. Предложенный И.Н. Семеновым рефлексивно-персоналогический подход к науковедческому изучению житетворчества ученых, который “развивается на пересечении социокультурной и науковедческой парадигм анализа *эволюции исследовательской деятельности* в области изучения психики, поведения, деятельности (в том числе профессиональной и творческой) и личности человека” [25, с. 99].

3. Активно развиваемый каузометрический подход в изучении жизненного пути человека А.А. Кроника и Р.А. Ахмерова [15].

4. Теоретическая модель понимания личности как субъекта жизненного пути Е.Ю. Коржовой [14].

5. Концепция роли познавательных процессов в формировании субъективной картины жизненного пути человека, в частности его автобиографической памяти [20].

Еще в 2010 г. Е.Н. Холондович отмечала в качестве слабо разработанной области отечественной психологии изучение личности в истории. При этом она подчеркивала, что “в отечественной психологии исследование исторической личности наталкивалось на методологические сложности, связанные, прежде всего, с *отсутствием метода* (выделено нами. — *Авт.*), позволяющего всесторонне изучить историческую персоналию в соответствии с современными требованиями и стандартами научного исследования” [28, с. 214].

В настоящее время ситуация с разработками методического плана в биографических исследованиях, конечно, изменилась, хотя вряд ли можно говорить, что кардинально. Так, в *методическом* плане предложены и обоснованы, например:

1) проективно-биографический психодиагностический комплекс “Моя жизнь” (включающий в себя авторские рисуночные методики “Нарисуй свою жизнь” и “Прошлое, настоящее, будущее”), в котором реализована попытка объединить биографический и проективный методы, являющиеся верифицированным психодиагностическим инструментом, обладающим рядом психометрических характеристик [27];

2) методика “Психологическая автобиография”, разработанная Е.Ю. Коржовой с целью диагностики восприятия жизненных ситуаций [14].

Однако указанные и другие методики изучения биографии ориентированы скорее на изучение особенностей жизненного пути ныне здравствующих ученых или решение конкретно-практических

задач в области психологического консультирования и психокоррекции клиентов, при этом не очевидны их возможности в изучении уже ушедших персоналий, а ведь именно это в первую очередь необходимо и интересно изучать историку психологии.

Отметим, что, кроме определенных успехов в разработке теоретико-методологических оснований и методических приемов проведения биографических исследований, ряд ученых вполне обоснованно говорит даже о формировании самостоятельной научной школы — *школы персоналогических исследований* в истории отечественной психологии В.В. Большаковой [5].

Несмотря на указанные достижения, нередко изучение персоналий в истории психологии проходит на основе самых общих рекомендаций, но не в соответствии с какими-то конкретными теориями и концепциями, фиксированными процедурами и четкими методическими приемами. Вот пример таких суждений (в формате, скорее, наставления и призыва) при изучении жизненного пути ученого: “методология изучения научных биографий — проблема комплексная, и ее успешная разработка требует объединения усилий историков, философов, психологов и т.д. Исследователь, анализирующий творческий путь и личность ученого, должен изучить все доступные материалы, убедиться в достоверности фактов, вникнуть в суть деятельности ученого, понять психологическую структуру его личности; только такое детальное изучение и есть залог успеха” [19, с. 15].

Вряд ли кто будет спорить с подобным утверждением. Однако оно слабо ориентирует исследователя в том, что следует делать *конкретно и инструментально*, чтобы обеспечить эту комплексность? Как повысить *доказательность* и *обоснованность* полученных результатов, создать условия для их независимой *проверки*? Ответы на эти вопросы пока остаются открытыми. Поэтому сегодня многие отечественные биографические исследования планируются и реализуются исходя из достаточно стандартных (типовых) и универсальных (общих) представлений о том, как изучать творческий путь и научный вклад ученого. Их качество при этом часто соотносится с профессиональной компетентностью и эрудицией самого исследователя, опирается на его интуицию, а доказательность обеспечивается авторитетом исследователя в профессиональном сообществе и его научной добросовестностью. В результате обоснованность выводов и они сами воспринимаются как достаточно очевидные, которые могут быть получены любым исследователем, даже не специализирующимся в области

истории психологии, тем более на проведении биографических исследований.

Все изложенное приводит к выводу о том, что, несмотря на активное стремление исследователей к использованию в биографических исследованиях специализированных концептуальных моделей и теоретических подходов, а также к повышению обоснованности получаемых результатов, некоторые проблемы остаются неразработанными и требуют к себе не только более пристального внимания, но и специальных усилий в их разрешении. К их числу можно отнести: 1) сопоставимость и проверяемость результатов изучения разных персонаний; 2) операционализацию технологий и методов изучения персонаний; 3) интеграцию качественных и количественных методов в анализе творчества ученого.

Очевидно, что без решения указанных и ряда других проблем (например, как использовать достижения общей психологии, психологии личности или социальной психологии в интересах историко-биографических исследований) изучение жизни и творчества известных и малоизвестных психологов будет оставаться уделом творческих озарений отдельных историков психологии. Следовательно, невозможно избежать определенной пристрастности и субъективизма в получаемых оценках и очевидных трудностей в проведении *сопоставительного анализа биографий* и научных достижений нескольких изучаемых персонаний.

ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Не пытаясь в данной статье дать решение всех из обозначенных проблем, сосредоточим внимание на важнейшей — обосновании возможного варианта программы изучения творческой деятельности ученого на основе библиометрического анализа его публикационной активности. Сегодня в истории психологии имеется уже несколько работ, в которых активно использовались варианты библиометрических исследований [2; 3; 22; 23; и др.]. Однако до настоящего времени не отрефлексированы многие вопросы использования этого метода для анализа биографий, нет достаточно универсальной процедуры его применения для изучения научной деятельности ученого. В рамках обосновываемого нами концептуального подхода

к изучению биографий исследователей обозначим его возможную реализацию в формате программы библиометрического анализа публикационной активности как важного аспекта творческой деятельности изучаемой персонии.

Теоретическое обоснование программы библиометрического анализа публикационной активности ученого основывается на нескольких значимых положениях:

1) анализ продуктов деятельности ученого как основной и адекватный метод оценки его жизни и творческих достижений в науке;

2) рассмотрение публикационной активности как индикатора продуктивности ученого и его вклада в соответствующую область знания. При этом результативность творческой активности ученого рассматривается как совокупность и соотношение показателей его *публикационной активности* (количество опубликованных научных работ разного формата — тезисы, статьи, параграфы и разделы в коллективных монографиях, монографии и т.д.) и *востребованности* его научных работ (количество ссылок в научных работах других ученых на публикации изучаемой персонии);

3) наукометрия и библиометрия как современные и перспективные подходы к изучению истории психологии, позволяющие получать количественные показатели, относительно независимые от позиции самого исследователя и обеспечивающие в интеграции с качественными методами объективные сведения для проведения *сопоставительного анализа* творчества разных ученых [7].

Источниковедческие и инструментальные возможности для реализации программы сопоставительного библиометрического исследования публикационной активности ученых обеспечиваются:

— наличием библиографических баз данных (зарубежных и отечественных), представляющих постоянно актуализирующийся перечень продуктов научной деятельности ученых — их публикаций;

— широким репертуаром количественных показателей, обеспечивающих фиксацию публикационной активности исследователей по разным параметрам и в различных аспектах;

— возможностью преобразования непосредственных и прямых количественных показателей публикационной активности в достаточно широкую совокупность *относительных* индикаторов, позволяющих оценивать востребованность (влиятельность) отдельных публикаций и творчества ученого в целом в контексте их сопоставимости

и сравнимости с результатами научного творчества других ученых.

Программа библиометрического анализа публикационной активности ученого предусматривает следующие этапы ее реализации:

1) определение общей библиографической базы, на основе которой будет проводиться исследование и формирование источниковой базы конкретной разработки — формирование корпуса (подборки) публикаций из их общего массива, предоставляемого актуальными библиографическими базами данных;

2) анализ авторской публикационной активности по различным фильтрам и абсолютным показателям, предоставляемым конкретными библиометрическими базами;

3) соотнесение различных показателей публикационной активности с биографическими событиями и фактами социокультурных условий жизнедеятельности ученого;

4) анализ востребованности (значения) публикаций для научного сообщества (на основе анализа цитируемости работ) и вычисление относительных показателей публикационной активности и востребованности;

5) содержательный анализ публикаций с использованием традиционных качественных методов в соотношении с количественными характеристиками публикационной активности.

Получаемые результаты и показатели применения программы анализа публикационной активности определяются особенностями используемой для исследования библиографической базы. Например, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), представляющий собой национальную библиографическую базу научных публикаций, обеспечивает в автоматическом режиме вычисление 41 *общего показателя* (например, общее число публикаций; число статей в журналах, входящих в разные библиографические базы; средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи; число соавторов и среднее число публикаций в расчете на одного автора; суммарное число цитирований публикаций и среднее число цитирований в расчете на одну статью, число статей, процитированных хотя бы один раз, и число самоцитирований; индекс Хирша по нескольким базам и ряд других), а также предоставляет возможность получения 22 *статистических отчетов*, всесторонне характеризующих публикационную активность конкретного автора. Эти отчеты делятся на два вида, характеризующие непосредственно публикации *самого автора* и работы *других*

авторов, цитирующие эти публикации. Достоинством общих показателей и статистических отчетов является то, что они формируются самой системой и поэтому носят *объективный характер*. Кроме того, посмотреть и соответственно проверить их может любой исследователь, занимающийся изучением публикационной активности ученого.

Таким образом, историк психологии, изучающий жизнь и творчество конкретного ученого, получает возможность получения данных, которые в дальнейшем можно соотнести с его биографией, динамикой профессиональной карьеры, сменой тематики проводимых исследований и другими фактами его жизнедеятельности. Важно подчеркнуть, что часть этих показателей и статистических отчетов продолжает изменяться даже после смерти изучаемого автора — в части их востребованности в формате цитирования, т.е. носит динамический характер.

Достоинства предлагаемой программы библиометрического анализа публикационной активности ученого в историко-психологическом исследовании состоят в следующем:

1) обеспечение возможности использования количественных методов, повышающих объективность получаемых результатов, а также их верификацию, и за счет этого повышение обоснованности и доказательности выводов;

2) получение неочевидных результатов, которые не могут быть получены другими методическими приемами и их сочетанием, поскольку охватить многие характеристики публикационной активности на большом массиве данных довольно сложно;

3) возможность сопоставительного анализа творчества разных ученых по единым показателям, в том числе не только получаемым автоматически с помощью системы РИНЦ, но и специально сконструированным на их основе разработчиком в интересах конкретного исследования;

4) оперирование актуальной информацией, постоянно обновляемой в автоматическом режиме, и за счет этого сокращение времени на получение эмпирических данных, характеризующих творчество и востребованность результатов деятельности изучаемой личности;

5) получение сведений об индивидуальном стиле, характеристика продуктов научной деятельности изучаемого ученого (в сфере его публикационной активности) и возможность интеграции качественных и количественных методов в историко-психологическом исследовании.

Представляется, что реализация предлагаемой программы обеспечивает также повышение значимости публикационной культуры историков психологии за счет точности, обоснованности, доказательности выводов и четкости в описании продуктов деятельности как изучаемой персоналии, так и в их сравнении с результатами творческой деятельности других ученых.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОГРАММЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Безусловно, не следует абсолютизировать возможности предлагаемой программы изучения творческой, в первую очередь публикационной, активности изучаемой персоналии. Вклад ученого в развитие науки не сводится только к его публикациям, хотя, конечно, они имеют определяющее значение. Он включает и научно-организационные усилия по созданию научных обществ, журналов, исследовательских или научно-образовательных учреждений, проведению научных форумов и конференций. В конечном счете значимыми являются и усилия по формированию научной школы или обоснованию новой проблемной области исследований. Поэтому сводить все только к публикационной активности было бы не совсем верным. Однако современные тенденции в анализе научной продуктивности все в большей мере ориентируются на количественные показатели именно публикационной активности ученого. Подчеркнем, что не только в этой тенденции выражаются ограничения и трудности реализации предлагаемой программы научно-биографического изучения персоналии.

Высокий уровень формализации получаемых данных на основе библиометрического анализа публикаций требует одновременного использования и качественных методов анализа этих публикаций, компенсирующих и уравнивающих недостатки использования количественных методов. Очевидно то, что ценность публикаций определяется не только их количеством, но и содержанием. Определенные ограничения в использовании предлагаемой программы накладывает и необходимость освоения историками психологии новых автоматизированных информационно-аналитических и экспертных методов и процедур, количественных способов анализа результатов творчества ученого в целом, что требует развития новых навыков и компетенций.

Преодоление этих и возможных других ограничений использования предлагаемых методологических оснований концептуального подхода и программы библиометрического анализа публикационной активности изучаемой персоналии видится в акценте не только и может не столько на собственно публикационной активности ученого, но и на востребованности его публикаций другими исследователями, выявлении не только абсолютных, но и относительных показателей влиятельности *продуктов* его творческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемова О.А.* Значение биографии выдающегося соотечественника в становлении личности современного россиянина // Психологические чтения. Человек в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып. 4. Ч. 1. Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2007. С. 97–100.
2. *Белопольский В.И., Костригин А.А.* Этапы творческого пути А.В. Брушлинского: библиометрический анализ // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 58–64.
3. *Белопольский В.И., Костригин А.А.* Этапы творческого пути А.Л. Журавлева // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 37–46.
4. *Богданчиков С.А.* Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27–35.
5. *Егорова Т.Е., Тихонова Э.В.* Научное творчество В.В. Большаковой и ее вклад в развитие истории психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 428–434.
6. *Журавлев А.Л.* Вклад Б.Ф. Ломова в разработку психологической концепции совместной деятельности // Первые международные научные Ломовские чтения: Тезисы докладов / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Институт психологии Академии наук СССР, 1991. С. 219–222.
7. *Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Наукометрический подход в психологии. Глава 17 // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 440–458.

8. Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Ю.В. Дунаева. М., 2011. 172 с.
9. История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии, Москва, 1–3 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 887 с.
10. История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии “VI Московские встречи”, 30 июня — 2 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 637 с.
11. *Клыпа О.В.* К историко-психологическому наследию М.В. Соколова // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 52–57.
12. *Кольцова В.А.* Проблемы социальной психологии в трудах Г.В. Плеханова (к 125-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 137–149.
13. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. 416 с.
14. *Коржова Е.Ю.* Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена: Союз, 2002. 334 с.
15. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003. 284 с.
16. *Логинова Н.А.* Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 38–50.
17. *Логинова Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности: учеб. пособие. Алматы: Казахский ун-т, 2001. 172 с.
18. *Логинова Н.А.* Становление понятийного аппарата биографической психологии // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Векторы развития современной психологической науки: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (12–14 апреля 2017 г., Санкт-Петербург): В 2 ч. СПб.: РГПУ, 2017. Ч. 1. С. 169–176.
19. *Немировская Н.Г.* Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Немировская Наталья Геннадьевна; Институт психологии Российской академии наук. М., 2018. 190 с.
20. *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти. М.: УРАО, 2000. 315 с.
21. *Олейник Ю.Н.* Видный советский психолог (85 лет со дня рождения А.В. Ярмоленко) // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 6. С. 161.
22. *Олейник Ю.Н.* Историко-психологические интересы в научном творчестве А.Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения) // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 204–217.
23. *Олейник Ю.Н.* История психологии как сфера профессиональных интересов А.Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения). Часть I. Научометрический анализ публикаций // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 88–102.
24. *Раренко М.Б.* Биография: Эволюция и гибридизация жанра: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2017. 68 с.
25. *Семенов И.Н.* Обзор институционального развития советской психологии в контексте истории российского человекознания (к 100-летию советской психологической науки) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 6А. С. 98–115.
26. *Соколов М.В.* Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР. Т. II. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 596–665.
27. *Султанова З.В.* Проектный подход в биографическом исследовании личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Султанова Зарина Вячеславовна; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2007. 297 с.
28. *Холондович Е.Н.* Комплексный метод изучения исторических персоналий // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 214–216.
29. *Холондович Е.Н.* Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. психол. наук. 19.00.01 / Холондович Елена Николаевна; Московский гуманитарный университет. М., 2010. 23 с.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF PERSONALITIES IN THE HISTORY OF PSYCHOLOGY BASED ON THEIR PUBLICATION ACTIVITY

Yu. N. Oleinik^{1,*}, A. L. Zhuravlev^{2,**}

¹*Autonomous Nonprofit Organization of Higher Education “Moscow University for the Humanities”;
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

²*Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

**PhD (Psychology), Head of the Department of General, Social Psychology and the History of Psychology.
E-mail: yurii03@mail.ru*

***Academician of RAS, ScD (Psychology), Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 15.11.2024

Abstract. The relevance of personological developments in the history of psychology is considered and substantiated (ensuring the systematicity of historical and psychological research, identifying the mechanisms of continuity of scientific knowledge, its scientific, organizational and communication characteristics; developing an independent field of the history of psychology — biographical psychology; promoting the expansion of the boundaries of psychological knowledge, etc.). It is shown that the number of works devoted to the study of the creative heritage of scientists consistently occupies a significant place in modern historical and psychological research. Achievements of domestic historians of psychology in the development of theoretical, methodological and methodological developments for biographical research are specially considered. The theoretical foundations of the program for using the bibliometric method for analyzing the publication activity of a scientist in biographical research are outlined. A procedure for such a study is proposed, including five stages; the advantages and limitations of the proposed program are outlined, as well as ways to overcome these limitations.

Keywords: history of psychology, personality, biographical method, bibliometric analysis, publication activity.

REFERENCES

1. *Artem'eva O.A.* Znachenie biografii vydayushchegosya sootchestvennika v stanovlenii lichnosti sovremennogo rossiyanina. Psihologicheskie chteniya. Chelovek v usloviyah social'nyh izmenenij: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vyp. 4. Ch. 1. Ufa: BGPU imeni M. Akmully, 2007. P. 97–100. (In Russian)
2. *Belopol'skij V.I., Kostrigin A.A.* Etapy tvorcheskogo puti A.V. Brushlinskogo: bibliometricheskij analiz. Chelovek, sub"ekt, lichnost': perspektivy psihologicheskikh issledovanij: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo i 300-letiyu osnovaniya Rossijskoj akademii nauk. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 58–64. (In Russian)
3. *Belopol'skij V.I., Kostrigin A.A.* Etapy tvorcheskogo puti A.L. Zhuravleva. Aktual'nye problemy sovremennoj social'noj psihologii i ee otraslej. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 37–46. (In Russian)
4. *Bogdanchikov S.A.* Neizvestnyj G.I. Chelpanov. Voprosy psihologii. 1994. № 1. P. 27–35. (In Russian)
5. *Egorova T.E., Tihonova E.V.* Nauchnoe tvorchestvo V.V. Bol'shakovo i ee vklad v razvitiye istorii psihologii. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastoyashchee, prognozirovat' budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 428–434. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L.* Vklad B.F. Lomova v razrabotku psihologicheskoy koncepcii sovместной deyatelnosti. Pervye mezhdunarodnye nauchnye Lomovskie chteniya: Tezisy dokladov. Ed. A.V. Brushlinskij. Moscow: Institut psihologii Akademii nauk SSSR, 1991. P. 219–222. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A.* Naukometricheskij podhod v psihologii. Glava 17. Nauchnye podhody v sovremennoj otechestvennoj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 440–458. (In Russian)
8. *Istoricheskaya biografiya: Sovremennye podhody i metody issledovaniya: Sb. obzorov i ref. RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. istorii, Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Ed. Yu.V. Dunaeva. Moscow, 2011. 172 p. (In Russian)*

9. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastoyashchee, prognozirovat' budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psilogologii, Moskva, 1–3 iyunya 2021 g. Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2023. 887 p. (In Russian)
10. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержание koncepcij: Materialy Vserossijskoj konferencii po istorii psilogologii "VI Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 2 iyulya 2016 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2016. 637 p. (In Russian)
11. *Klypa O.V.* K istoriko-psihologicheskomu naslediyu M.V. Sokolova. Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2010. № 37. P. 52–57. (In Russian)
12. *Kol'cova V.A.* Problemy social'noj psilogologii v trudah G.V. Plekhanova (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikologicheskij zhurnal. 1981. V. 2. № 5. P. 137–149. (In Russian)
13. *Kol'cova V.A.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii psilogologii. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN". 2004. 416 p. (In Russian)
14. *Korzhova E.Y.* Psihologicheskoe poznanie sud'by cheloveka. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena: Soyuz, 2002. 334 p. (In Russian)
15. *Kronik A.A., Ahmerov R.A.* Kauzometriya: Metody samopoznaniya, psihodiagnostiki i psihoterapii v psilogologii zhiznennogo puti. Moscow: Smysl, 2003. 284 p. (In Russian)
16. *Loginova N.A.* Biograficheskie issledovaniya istorii psilogologii. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2022. № 1. P. 38–50. (In Russian)
17. *Loginova N.A.* Psihobiograficheskij metod issledovaniya i korrekcii lichnosti: ucheb. posobie. Almaty: Kazahskij un-t, 2001. 172 p. (In Russian)
18. *Loginova N.A.* Stanovlenie ponyatijnogo apparata biograficheskoy psilogologii. Integrativnyj podhod k psilogologii cheloveka i social'nomu vzaimodejstviyu lyudej: Vektory razvitiya sovremennoj psilogologicheskoy nauki: Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (12–14 aprelya 2017 g., Sankt-Peterburg): v 2 ch. Saint Petersburg: RGPU, 2017. Ch. 1. P. 169–176. (In Russian)
19. *Nemirovskaya N.G.* Rekonstrukciya zhiznennogo puti i tvorcheskoy deyatel'nosti V.N. Druzhinina: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.01. Nemirovskaja Natal'ja Genad'evna; Institut psilogologii Rossijskoj akademii nauk, Moscow, 2018. 190 p. (In Russian)
20. *Nurkova V.V.* Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoy pamyati. Moscow: URAO, 2000. 315 p. (In Russian)
21. *Oleinik Yu.N.* Vidnyj sovetskij psiholog (85 let so dnya rozhdeniya A.V. Yarmolenko). Psikologicheskij zhurnal. 1985. V. 6. № 6. P. 161. (In Russian)
22. *Oleinik Yu.N.* Istoriko-psihologicheskie interesy v nauchnom tvorchestve A.L. Zhuravleva (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya). Znanie. Ponimanie. Umenie. 2023. № 4. P. 204–217. (In Russian)
23. *Oleinik Yu.N.* Istoriya psilogologii kak sfera professional'nyh interesov A.L. Zhuravleva (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya). Chast' I. Naukometricheskij analiz publikacij. Psikologicheskij zhurnal. 2023. V. 44. № 5. P. 88–102. (In Russian)
24. *Rarenko M.B.* Biografiya: Evolyuciya i gibrizaciya zhanra: Analit. obzor / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Ed. N.N. Troshina. Moscow, 2017. 68 p. (In Russian)
25. *Semenov I.N.* Obzor institucional'nogo razvitiya sovetskoy psilogologii v kontekste istorii rossijskogo chelovekoznaniya (k 100-letiyu sovetskoy psilogologicheskoy nauki). Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2018. V. 7. № 6A. P. 98–115. (In Russian)
26. *Sokolov M.V.* Raboty sovetskikh psihologov po istorii psilogologii // Psihologicheskaya nauka v SSSR. T. II. Moscow: Izd-vo APN RSFSR, 1960. P. 596–665. (In Russian)
27. *Sultanova Z.V.* Proektnyj podhod v biograficheskom issledovanii lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.01. Sultanova Zarina Vjacheslavovna; Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena. Saint Petersburg, 2007. 297 p. (In Russian)
28. *Holondovich E.N.* Kompleksnyj metod izucheniya istoricheskikh personalij. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. № 1. P. 214–216. (In Russian)
29. *Holondovich E.N.* Rekonstrukciya psilogologicheskikh harakteristik lichnosti geniya na primere izucheniya zhiznennogo puti i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. 19.00.01. Holondovich Elena Nikolaevna; Moskovskij gumanitarnyj universitet. Moscow, 2010. 23 p. (In Russian)

УДК: 159.9; 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СЕМЬЕ С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ (НЯНЕЙ)

© 2024 г. Т. В. Дробышева

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник.
E-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Поступила 08.08.2024

Аннотация. Актуальность исследования. Делегирование мамой своих функций по уходу за ребенком раннего возраста наемному работнику может приводить к формированию у ребенка ненадежной материнской привязанности. Психологические эффекты социализации детей в таких семьях недостаточно изучены, что указывает на актуальность выполненного в статье анализа. Цель исследования — системный анализ результатов многолетних исследований автора, выполненных совместно с коллегами и учениками. Выборка. В работе принимали участие: дети дошкольного возраста от 4.5 до 6.5 года ($n = 222$) разного пола (по 50% — мальчики и девочки), их мамы ($n = 180$), папы ($n = 42$) и няни ($n = 71$). Выборка детей в равной степени включала тех из них, которые с рождения и до 3 лет воспитывались в семьях с нянями, и тех, которые не имели в этом возрасте няни (группа сравнения). Все няни в семьях работали полную рабочую неделю (не менее 8 часов в день). Семьи дошкольников с разными условиями социализации были выровнены по: составу (полная), уровню материального дохода (средний, выше среднего, высокий). Методология. Опирались на теорию привязанности Дж. Боулби и его последователей, системно-субъектный подход Е.А. Сергиенко, представления о социально-психологической зрелости и структуре совместной деятельности А.Л. Журавлева, о роли отца в психическом развитии ребенка А.Б. Холмогоровой и др. Результаты. Образы матери и отца в представлениях детей из семей с наемным работником (няней) свидетельствуют о ненадежности отношений привязанности с родителями. Дошкольники, воспитывающиеся с нянями, отличаются от сверстников по выраженности социально-психологических свойств и стратегий взаимодействия с другими детьми. Психологические эффекты ранней социализации в семьях с нянями объясняются действием комплексной причины — готовности мамы к делегированию своих обязанностей няне, стилем профессионального взаимодействия няни с воспитателем, особенностями самоотношения ребенка, сформированного к актуальному этапу развития. Практическая значимость. Представленные в работе результаты могут стать научной основой просветительской работы с родителями.

Ключевые слова: психологические эффекты социализации, семья с няней, ранняя социализация, частичная материнская депривация, социально-психологическая зрелость, дошкольники.

DOI: 10.31857/S0205959224060056

Проблема изучения эффектов социализации детей раннего возраста в семьях с наемным работником — няней носит междисциплинарный комплексный характер. За рубежом и в отечественном общественном и научном дискурсе вопрос о роли няни в семье обсуждается не одно десятилетие представителями общественных наук [3; 8; 17; и др.]. Однако до сих пор данная тема, по мнению исследователей, остается недостаточно изученной [10; 13; и др.], прежде всего в связи с неопределенностью статуса няни в семье, ее конкурентными отношениями с мамой воспитанника, мотивацией

готовности мамы делегировать свои функции наемному работнику и т.п.

В 2023 г. Госдума утвердила пакет законопроектов “О сохранении пособий по уходу за ребенком до полутора лет в случае досрочного выхода родителя на работу”. Принятые поправки отразились на увеличении в российском обществе спроса на услуги нянь по уходу за малолетними детьми, росте заработной платы данной категории наемных работников, стимулировали возвращение значительной части молодых родителей (в основном матерей) на свои рабочие места и т.п. В качестве

сдерживающих барьеров раннего выхода на работу специалисты упоминают объективные проблемы, связанные с недостатком групп раннего возраста в дошкольных учреждениях, сформировавшиеся установки в обществе относительно продолжительности декретного отпуска, отношение работодателей к работникам с маленькими детьми и т.п. Однако принятие решения молодыми мамами о преждевременном выходе на работу, по их мнению, в меньшей степени зависит от материальных или социальных вопросов, в большей — от возможности и готовности делегировать уход за маленьким ребенком другим людям (см.: [3]).

В таком ракурсе проблемы на первый план выступают вопросы, связанные прежде всего с изучением психологической готовности матерей, воспитывающих детей раннего возраста, частично передать свои обязанности по уходу за ребенком наемному работнику. Другие ее проявления прослеживаются при анализе: отношений родителей, выступающих в роли работодателя и наемного работника; взаимоотношений няни и мамы с ребенком; супружеских отношений в семьях с нянями — все они отражают специфичные условия ранней социализации детей в таких семьях. Данные вопросы, к сожалению, редко привлекают внимание российских психологов, оставаясь предметом дискуссий на страницах СМИ, в блогах и научно-популярных публикациях. В то же время вышеупомянутые проблемы нередко становятся предметом исследований зарубежных авторов [13; 14; 17; 19; и др.]. Так, в работе Н. Акай показано, что психологическое благополучие ребенка в большей степени зависит от отношений няня—ребенок, чем родитель—няня, родитель—ребенок или супружеских отношений (мама—папа) [13]. В исследованиях эмоциональных переживаний детей, вызванных уходом няни из семьи, экспериментально установлено, что глубина и степень переживания ребенком ситуации ухода няни объясняется качеством родительской (материнской) привязанности, а также доверием родителей к наемному работнику, их отношением к его профессиональным действиям [17; и др.]. По данным Джессики Якели, зарождающаяся в младенческом и раннем возрасте привязанность ребенка к двум ее основным опекунам — матери и няне развивается параллельно и влияет друг на друга, оказывая заметное воздействие на его поведение и становление личности в целом [19]. Следовательно, в понимании факторов (условий, детерминант) социализации ребенка в семье с няней следует рассматривать их как целостную систему.

Анализ зарубежных исследований проблем ранней социализации в семье с наемным работником

(няней) показал, что авторы акцентируют внимание преимущественно на внутрисемейных отношениях и отношениях с наемным работником, особенностях психологического климата в таких семьях; надежности материнской привязанности как “внутреннего фактора” благополучия детей; “конкурентном материнстве”, конкурентном/кооперативном поведении матери; мотивации родительского “аутсорсинга”, причинах делегирования матерью своих обязанностей наемному работнику — няне; последствиях воспитания детей нянями-мигрантками с другой культурной идентичностью и т.п. [13; 14; 15; 17; и др.]. То есть проблема материнской привязанности в семьях с наемным работником выступает ключевой фигурой в данном направлении работ.

Основываясь на вышеизложенном, а также принимая во внимание неразработанность данной проблематики в отечественной социальной психологии, можно утверждать, что изучение психологических и социально-психологических эффектов социализации детей, воспитывающихся в семьях с няней, а также анализ системы факторов, обуславливающих данные эффекты, свидетельствует об *актуальности* настоящего исследования.

Специфика процессов социализации в семьях с наемным работником объясняется тем, что, с одной стороны, няня, выполняя обязанности матери по уходу за ребенком младенческого и раннего возраста, часто нарушает границы, принимая на себя роль “мамы”, выступает посредником в ее отношениях с ребенком, формирует с ним надежную привязанность. С другой стороны, сами родители (мама прежде всего), принимая на работу наемного работника, нередко делегируют ему больше полномочий, чем это предписано его функциональными обязанностями. В любом случае в таких семьях в континууме “родители—ребенок”, “мать—ребенок” появляются психологические лакуны, которые заполняет наемный работник. Выстраивая короткую психологическую дистанцию с воспитанником, надежную привязанность, оставаясь при этом наемным работником, няня становится близким (подчас ближе, чем мать), субъективно значимым для него человеком. По нашему мнению, такая ситуация чаще всего возникает тогда, когда няня присутствует в семье от рождения до трех лет и проводит с ребенком не меньше времени, чем его мама. Данное уточнение методологически основывается на теории привязанности, в частности представлениях Дж. Боулби и других авторов о “монотропии”, сензитивном периоде формирования материнской привязанности, ее

роли для когнитивного, эмоционального и социального развития ребенка [1; 2; 16; и др].

Теоретическая гипотеза серии наших исследований основывалась на предположении о том, что специфика процессов социализации в семьях с наемным работником (няней) зависит от взаимодействия матери, няни и ребенка. Связь матери и ребенка в таких семьях указывает на признаки частичной материнской депривации. Делегируя свои обязанности по уходу за младенцем няне, мама неосознанно способствует формированию с ней надежной привязанности у ребенка. Дети, воспитывающиеся в таких семьях, в последствии испытывают трудности во взаимодействии со сверстниками.

Целью настоящего исследования стал системный анализ исследований, выполненных под руководством автора и объединенных проблематикой изучения психологических и социально-психологических эффектов социализации детей в семьях с наемным работником — няней.

В наших эмпирических исследованиях, результаты которых приводятся в публикации, принимали участие дети дошкольного возраста от 4.5 до 6.5 года ($n = 222$) разного пола (по 50% — мальчики и девочки), их мамы ($n = 180$), папы ($n = 42$) и няни ($n = 71$). Выборка детей в равной степени включала тех из них, которые с рождения и до 3 лет воспитывались в семьях с нянями, и тех, которые не имели в этом возрасте няни (группа сравнения). Няни в семьях работали полную рабочую неделю (не менее 8 часов в день). Семьи дошкольников с разными условиями социализации были выровнены по составу (полная), уровню материального дохода (средний, выше среднего, высокий).

ОБРАЗЫ МАТЕРИ И ОТЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ (НЯНЕЙ) В КОНТЕКСТЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

Формированию надежной родительской (материнской, отцовской) привязанности в раннем возрасте посвящено немало современных исследований как в отечественной, так и в зарубежной психологии [1; 2; 20; и др.]. Описывая значимость отношений привязанности к близкому взрослому, исследователи подчеркивают их роль в переживании ребенком чувства защищенности, осознании своего Я, формировании его субъектных качеств и т.п. Отмечается, что образ значимого другого, формируемый в раннем возрасте, в последствии

выполняет ориентирующую роль в сфере общения ребенка и построения им социальных контактов [2]. Однако большинство этих работ посвящено изучению проблем материнской привязанности. Вопросам формирования в раннем возрасте отцовской привязанности исследователи уделяют меньше внимания. В некоторых зарубежных публикациях рассматриваются: компенсаторная функция детско-отцовских отношений у детей с материнской депривацией; функция стабилизатора отношений матери и няни в семьях с наемным работником (няней); отмечается важность детско-отцовских отношений в формировании у ребенка половой модели поведения, гендерной идентичности [13; 18; и др.]. Отечественные исследователи обращают внимание на роль матери в формировании образа отца в сознании ребенка [9].

В двух наших исследованиях были поставлены задачи сравнить образы матери и образы отца у детей из семей с разными условиями ранней социализации (с няней и без няни). Предположили, что образ матери у дошкольников, воспитывающихся с рождения и до трех лет нянями, будет отражать признаки частичной материнской депривации у ребенка. В таком случае он может быть редуцирован, но эмоционально переживаем ребенком. По мнению исследователей, образ отца может выполнять компенсаторную функцию, поскольку одни отношения привязанности могут выполнять роль “буфера” для других отношений привязанности, если последние в данный момент ненадежно сформированы [20].

Результаты исследования образа матери подтвердили наше предположение. Выявленные посредством рисуночного текста (“Моя мама”) особенности изображения мамы, а также результаты полуструктурированного интервью свидетельствовали о слабой психологической связи ребенка с ней [5]. В частности, на рисунках большинства детей отмечалась бедность цветовой палитры, сильные искажения или полное отсутствие отдельных деталей фигуры (плечи, шея, уши, руки), схематичность изображения лица, небольшой размер фигуры, ограниченность деталей в оформлении облика мамы и т.п. Сама процедура рисования в большинстве случаев сопровождалась прямым или косвенным отказом, паузами в работе, длительным подбором изобразительных средств с последующим выбором — только темных или, наоборот, бледных цветов и т.п. Результаты контент-анализа данных интервью с детьми позволили описать личностные характеристики мамы, выполнение ею своих обязанностей по уходу за ребенком, совместное времяпрепровождение, особенности психологического

контакта. Частотный анализ показал, что все дети независимо от условий ранней социализации в семье (наличие/отсутствие няни в раннем возрасте) описывали внешность мамы (красивая, милая), но их восприятие социальных ролей мамы, ее участия в совместной деятельности с ребенком, а также ее психологические характеристики отличались. В частности, дошкольники, воспитывающиеся с няней, больше акцентировали внимание на ее занятости вне дома, в то время как их сверстники упоминали и то, что делает мама дома. Высказывания о маме у детей из семей с нянями были менее эмоциональные, в них не было той теплоты, с которой рассказывали о мамах их сверстники. Последние, к примеру, рефлексировали — “любит нас”, “грустная, потому что устает, много работает” и т.п. В оценках совместной деятельности с мамой дошкольники из группы сравнения перечисляли не столько функции мамы, о которых говорили дети из семей с нянями (уборка, приготовление еды, прогулка), сколько конкретные действия, которые дети выполняют совместно с мамой (например, “делаем покупки”, “встречаем папу”, “учим стихи” и т.п.). Однако наибольшие различия в образах мамы были связаны с наличием/отсутствием психологического контакта ребенка с матерью. Дошкольники из семей без няни с удовольствием включались в разговор, эмоционально рассказывали о ней. В то время как большинство дошкольников из семей с наемным работником неохотно делилось информацией, некоторые из них игнорировали просьбу исследователя рассказать о маме.

Предметом другого нашего исследования стал образ отца [4]. По мнению исследователей, он начинает формироваться с рождения и осуществляется под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Авторы отмечают, что сначала для ребенка существует только мать, которая заботится о нем, удовлетворяет все его потребности. В дальнейшем в диаду “мать—ребенок” включается “третий”, который поможет ребенку открыть для себя отношения, существующие за пределами первоначального эмоционального слияния, симбиоза с матерью. Этот “третий” должен обладать тремя важными качествами: быть особенно важным для матери и ребенка; быть более удаленным, чем мать; быть способным к эмпатичному восприятию ребенка [10]. В качестве такого “третьего” лица исследователи рассматривают отца. В семье с наемным работником тем самым значимым “третьим” может стать и няня, которая выстраивает с ребенком (от рождения до 3 лет) близкую психологическую дистанцию. Конечно, не все няни стремятся к психологической близости с воспитанником.

В исследовании М.А. Романовской было показано, что это зависит от мотивации и предпочитаемого стиля профессионального взаимодействия няни [10]. Однако нельзя отвергать и возможность подмены няней функции матери по формированию образа отца.

В исследовании образа отца наибольшее различие в представлениях детей из разных семей (с няней и без няни) было обнаружено в описании его положительных личностных качеств, деятельности в семье и обществе, выполнения родительских функций, в особенностях восприятия детьми межличностных отношений родителей [4]. В целом все дошкольники, принимавшие участие в работе, чаще упоминали положительные, чем отрицательные, характеристики пап. Причем девочки из семей с нянями чаще, чем мальчики из таких же семей. В интервью о папе эти дети акцентировали внимание прежде всего на социальном статусе отца, его работе, функции по финансовому обеспечению, чем на его деятельности в семье. Они в меньшей степени, чем дети из семей без няни, были информированы о хобби отца, его отношениях с мамой, испытывали трудности в рефлексии совместной деятельности с отцом. Чаще всего дошкольники говорили о том, что дома папа отдыхает, разговаривает по телефону, смотрит телевизор и т.п. Тем не менее в рассказах девочек из семей с нянями упоминалось о совместных прогулках с папой, а в высказываниях мальчиков — о том, что они вместе посещали спортивные мероприятия, выбрасывали мусор, смотрели телевизор и т.п. Несмотря на то что по частоте упоминаний и разнообразию совместной деятельности с родителями дети из группы сравнения (семьи без няни) значительно отличались от дошкольников, воспитывающихся в раннем возрасте с няней, все же можно признать, что в семьях последних имеет место совместная деятельность, возможно, с неполной структурой (см.: [6]), поскольку в восприятии детей она была представлена фрагментарно. Принимая во внимание, что в любой семье совместная деятельность выполняет интегрирующую функцию, обеспечивая психологическую защиту ребенку, можно предположить, что психологическое благополучие дошкольников из семей с разными условиями ранней социализации будет отличаться.

На рисунках дошкольников, воспитывающихся в раннем возрасте с наемным работником, образ отца мало чем отличался по качеству изображения от рисунков матери, описанных в предыдущем и таких же рисунков мамы в настоящем исследовании. Изображение отца характеризовалось недостаточной детализацией социального облика родителя

(одежда, аксессуары), схематичностью фигуры, в половине случаев в образе отца отсутствовали признаки маскулинности. Анализ рисунков семьи показал, что себя эти дети рисовали реже, чем их сверстники, воспитанные в других условиях. Нередко вместо всех членов семьи дошкольники из семей с нянями изображали только одного из родителей. Фигура самого ребенка на рисунке зачастую была дистанцирована от фигур родителей, отсутствовал объединяющий их сюжет. Выявленные особенности образа семьи косвенно указывают на характер межличностных отношений родителей и ребенка в семьях с нянями. В отличие от сверстников, воспитывающихся в раннем возрасте только родителями, они нередко идентифицировали себя (дистанция, оформление внешнего облика и т.п.) с родителем противоположного пола, а не своего. Причем у мальчиков это было выражено сильнее, чем у девочек. Можно только предположить, что данный факт может быть связан с диффузной полоролевой идентичностью мальчиков, образовавших в младенчестве и раннем возрасте надежную привязанность с няней (напомним, что все дети из этих семей имели няню с рождения и до 3 лет). Безусловно, данный вывод не может быть экстраполирован на всю генеральную совокупность и требует тщательной проверки, проведения серии исследований. Однако специалисты, изучающие ненадежную материнскую привязанность, также отмечают проблемы формирования гендерной идентичности у детей с проблемами в отношениях привязанности [18; 20; и др.].

Полученные в нашей работе результаты согласуются с представлениями других авторов о значимом “третьем” в семье [9]. По всей видимости, в семьях детей с наемным работником этот “третий” — не отец, а няня. Возможно, мама, делегируя свои полномочия по уходу за ребенком няне, неосознанно передает ей и функции по воспитанию и формированию образа отца. Сами же няни ограничивают информирование детей об отце указанием на его социальные характеристики (статус, профессиональная деятельность и т.п.), считая эту воспитательную задачу исключительно прерогативой матери [4].

Еще один результат, полученный в вышеупомянутых исследованиях, показал, что дошкольники из семей с нянями отличаются от сверстников заниженной самооценкой и неустойчивым уровнем притязаний, его зависимостью от успешного опыта выполнения заданий.

Подводя итоги заметим, что наше предположение о компенсаторной функции отношений привязанности с отцом в ситуации ненадежной

материнской привязанности не подтвердилось. По всей видимости, в семьях с наемным работником данную функцию выполняет привязанность к няне. Вывод об особенностях гендерной идентичности мальчиков, воспитанных в семьях с нянями, требует тщательной дополнительной проверки.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С НЯНЯМИ

Два других наших исследования основывались на предположении о различиях в выраженности социально-психологических свойств и стратегий взаимодействия со сверстниками у детей с разными условиями ранней социализации [10; и др.].

Результаты показали, что среди детей из семей с нянями больше тех, которые имеют низкий социометрический статус (категории “непринятые”, “отверженные”, “изолированные”). В процессе наблюдения за их взаимодействием с другими детьми (в игровых и неигровых ситуациях) обнаружили, что они часто остаются “незамеченными” в группе, поскольку предпочитают больше общаться со взрослыми (няней, воспитателем), играть со своими игрушками, а не со сверстниками. В беседе с самими дошкольниками выявили, что они испытывают трудности в понимании поведения другого и саморефлексии. Во время беседы они жаловались на трудности общения со сверстниками, аргументируя, что те не очень добры и не хотят им подчиняться, играть по их правилам.

Последующий анализ данных, полученных посредством проективных методик, подтвердил результаты наблюдения и беседы. Дошкольники из семей с нянями статистически значимо отличались от других участников исследования по выраженности уровня эмпатии и понимания социальных ситуаций взаимодействия со сверстниками. Они демонстрировали преимущественно равнодушное либо негативное отношение к другим детям в предложенных исследователем социальных задачах. Их ответы характеризовались недоверием к сверстникам, неспособностью сопереживать им. Анализ предпочитаемых этими детьми стратегий поведения в конфликте показал, что они чаще всего выбирают тактику ухода от конфликта, обращение с жалобой к взрослому либо физическую агрессию.

Выявленные в исследовании факты указывают на проявление детьми из семей с нянями неуверенности в отношениях со сверстниками, выборе ими позиции защиты в отношениях (посредством

ухода или агрессии), сложности понимания причин их поведения. По мнению Е.А. Сергиенко, “понимание своего психического и психического Другого становится основой социального познания, социального взаимодействия, прогнозирования поведения других социальных объектов” [11, с. 15], т.е. социально-психологической компетентности. В нашей работе дошкольники, воспитывающиеся в семьях с няней, демонстрировали признаки недостаточно сформированной к данному возрасту социально-психологической компетентности. Отсутствие лонгитюдных исследований этой проблемы не позволяет делать какие-то прогнозы. Можно лишь предположить, что у некоторых детей из таких семей и в более старшем возрасте могут сохраниться трудности в установлении социальных связей, что отразится на уровне их социально-психологической зрелости (см. [7]).

Следует заметить, что выявленные особенности взаимодействия со сверстниками детей, воспитанных нянями, подтвердились экспертными оценками педагогов, работающих с ними, а также в процессе анкетирования родителей этих дошкольников.

В этом исследовании также повторился результат, описанный в двух предыдущих работах, — дошкольники, воспитанные в семьях с нянями, отличались от сверстников заниженным уровнем самооценки и притязаний.

Диссертационное исследование М.А. Романовской, выполненное под руководством автора публикации и посвященное изучению социально-психологических свойств (активность, самостоятельность, эмпатия, направленность) детей, воспитывающихся в разных условиях ранней социализации (с наемным работником и без него), по сути, интегрировало знание, полученное в ранее упоминаемых работах [10]. Речь идет о социально-психологических свойствах и личностных особенностях детей, воспитывающихся с нянями, которые определяют характер их взаимодействия с другими детьми, об их самоотношении, отношениях с мамами и нянями.

В частности, в исследовании было показано, что эти дети отличаются от сверстников в большей степени по показателям эмпатии (сопереживание/равнодушие по отношению к сверстнику, предпочитаемые формы помогающего поведения, чувствительность к сверстнику), направленности (модальность направленности, оценка действий партнера по взаимодействию), чем самостоятельности (зависимость/независимость от взрослого) и активности (эмоциональная вовлеченность в совместную деятельность) [Там же]. Этот эффект объяснялся

действием “комплексной причины” — особенностями тройственного взаимодействия ребенка, мамы и няни. Важным результатом работы стало понимание роли матери в этом процессе. Было показано, что именно готовность мамы к делегированию своих функциональных обязанностей по уходу за ребенком раннего возраста няне и определяет проявление детьми эмпатии и направленности во взаимодействии со сверстниками. Мама в таких семьях характеризовалась нарушениями воспитательного процесса, полярными представлениями о личностных качествах ребенка, заниженной самооценкой [Там же]. Предпочитаемые же нянями стратегии профессионального взаимодействия с воспитанником и его родителями обратно пропорционально коррелировали с показателями не только эмпатии, но и самостоятельности детей. Все няни, участвующие в исследовании, исполняя роль посредника в отношениях ребенка со сверстниками, ограничивали его социальный опыт, причем данная тенденция не зависела от профессиональной позиции няни в отношениях с работодателем и воспитанником. В то же время с родителями няни предпочитали регламентировать отношения. Однако формирование эмпатии у ребенка, по их мнению, является исключительно родительской функцией.

Как показало исследование, следствием таких условий воспитания в семье становятся низкий уровень эмпатии, безынициативность детей, их недоверие к сверстникам, трудности в построении отношений с ними [10]. В нашем понимании ребенок — не только объект воздействия взрослых, но и субъект [12]. К дошкольному возрасту уже сформированы многие личностные качества ребенка. В исследовании М.А. Романовской было показано, что повышенный уровень ситуативной тревожности, неустойчивый уровень притязаний, неадекватно завышенный уровень самооценки у детей, воспитывающихся с няней, выступают третьим элементом “комбинированной причины”, определяющей особенности их социально-психологических свойств во взаимодействии со сверстниками [10].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подводя итоги анализа, следует обратить внимание на повторяемость приведенных в статье результатов исследований, выполненных в разное время и на разных выборках детей и родителей, в семьях которых работала няня (с рождения и до 3 лет, полная рабочая неделя, не менее 8 часов). Прежде всего речь идет о психологической дистанцированности

матерей в восприятии участников исследования, неудовлетворяющей детей включенности мамы в их жизнь, свидетельствующих о ненадежной материнской привязанности. Совместная деятельность ребенка с родителями является важным условием его социального развития. В рассказах дошкольников из семей с наемными работниками — нянями она описывалась лапидарно.

Психологические последствия ранней социализации в семьях с нянями проявились в особенностях самоотношения детей, неустойчивости уровня их притязаний, зависимости от успешности предыдущего опыта. Выявленный в исследованиях низкий уровень эмпатии, самостоятельности, про-социальной направленности дошкольников указывает на соответствующий уровень их социально-психологической зрелости.

Анализ результатов исследований, представленный в публикации, не может в полной мере осветить все стороны заявленной проблемы. Однако, сопоставляя полученные нами результаты с аналогичными данными зарубежных коллег, обнаруживается их согласованность (см., например: [13; 14; 17; 19; и др.]). Исследователи отмечают проблемы установления социальных связей у детей, воспитывающихся с рождения и до 3 лет в семьях с нянями, трудности формирования у них материнской привязанности и т.п. [Там же].

В перспективе развития данного направления исследований следует отметить наименее изученные проблемы. Среди них: кросс-культурные различия в психологических и социально-психологических характеристиках детей, воспитывающихся совместно родителями и наемным работником; роль надежной привязанности ребенка с отцом в таких семьях; отсроченные эффекты ранней социализации в семьях с нянями (например, в подростковом, юношеском) и многие другие.

Приведенные в публикации результаты исследований, выполненных под руководством автора статьи, а также данные зарубежных коллег могут стать научной основой программ просветительской направленности для российских родителей.

Благодарности. Автор выражает благодарность своим ученикам и коллегам М.А. Романовской, С.В. Поняевой, И.В. Бутяковой, О.В. Компасенко, принимавшим участие в совместных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.

2. Бурменская Г.В. Мировосприятие детей с разными типами материнской привязанности к матери // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 21–35.
3. Гусенко М. В России резко вырос спрос на нянь. Женщины торопятся выйти на работу после декрета // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/10/17/na-horoshee-vmesto.html> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Дробышева Т.В. Образ отца в представлениях детей с разными условиями социализации в семье // Семья, брак, родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во: “Институт психологии РАН”, 2015. С. 58–67
5. Дробышева Т.В., Бутякова И.В. Образ матери в представлениях детей с частичной материнской депривацией // Личность в современном обществе: психологические проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов / Отв. ред. И.В. Завгородняя, О.П. Макушина. Воронеж: Изд-во “Полиграфический центр Воронежского гос. ун-та”, 2013. С. 420–423.
6. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. 640 с.
7. Журавлев А.Л. “Социально-психологическая зрелость”: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54
8. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
9. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011. 112 с.
10. Романовская М.А. Социально-психологические свойства личности в условиях ранней социализации в семье с наемным работником (няней): дис. ... канд. психол. наук. М., 2020. 182 с.
11. Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. 503 с.
12. Сергиенко Е.А. Проблема соотношений понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
13. Akay N. The family dynamics in nanny-employed families and their impact on the cared child. A Thesis Submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.23612.31369
14. Bonsra V. I’ve become the nanny, tutor and cleaner merged into one; Female nannies’ experiences of working for families during the COVID-19 lockdown: An Interpretative Phenomenological Analysis. Thesis for BSc in Child psychology. 2021. Cardiff University. DOI: 10.13140/RG.2.2.29699.84009

15. *Hoiting I.* Triangulations of “motherly love”: Negotiated intimacies among migrant domestic workers, mothers, and children // *Journal of Family Issues*. 2022. V. 43. № 2. P. 324–349.
16. *Macdonald C.L.* Shadow Mothers: Nannies, Au Pairs and the Micropolitics of Motherhood. Berkley CA: University of California Press, 2010.
17. *Prout T.A., Cohen T.* What Happened to the Nanny? Parental Reflections on Secondary Caregiver Loss // *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*. 2020. V. 19. № 4. P. 427–441. DOI: 10.1080/15289168.2020.1803667
18. *Rohmalina R., Suryono Y., Fauziah P.* The Role of the Father in the Early First Year of Early Childhood’s Life // *Digital Press Social Sciences and Humanities*. 2021. V. 7 (00015). DOI: 10.29037/digitalpress.47405
19. *Yakeley J.* Mind the baby: The role of the nanny in infant observation // *The International Journal of Psychoanalysis*. 2017. V. 98. № 6. P. 1577–1595. DOI: 10.1111/1745-8315.12631
20. *Vakrat A., Apter-Levy Y., Feldman R.* Sensitive Fathering Buffers the Effects of Chronic Maternal Depression on Child Psychopathology // *Child Psychiatry & Human Development*. 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/s10578-018-0795-7> (дата обращения: 20.03.2024).

PSYCHOLOGICAL EFFECTS EARLY SOCIALIZATION IN FAMILIES WITH AN EMPLOYEE — NANNY

T. V. Drobysheva

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
ScD (Psychology), Leading Researcher.
E-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru*

Received 08.08.2024

Abstract. The specifics of socialization processes in families with an employee (nanny) depend on the interaction between mother, nanny and child. The relationship between mother and child in such families indicates signs of partial maternal deprivation. Mother indirectly contributes to the formation of a reliable attachment between nanny and child by delegating her responsibilities for the care of the baby to the employee. Children raised in such families experience difficulties in interacting with their peers in future. Methodologically, we relied on the theory of attachment by J. Bowlby, especially his ideas about “monotropy”, the sensitive period of formation of maternal attachment, the importance of attachment relationships in the cognitive, social and emotional development of a child. In the context of early socialization in a family with an employee (nanny) children develop signs of partial maternal deprivation. This can lead to the peculiarities of the images of the mother and father in the representations of children and manifest themselves in interaction with peers. The psychological effects of early socialization in families with nannies are explained by the action of a complex reason — the mother’s willingness to delegate her duties to the nanny, the style of professional interaction between the nanny and the child, and the peculiarities of the child’s self-attitude.

Keywords: psychological effects of socialization, family with a nanny, early socialization. partial maternal deprivation, attachment relationships.

REFERENCES

1. *Boulbi J.* Privyazannost’. Moscow: Publ. house “Gardari-ki”, 2003. 477 p. (In Russian)
2. *Burmenskaya G.V.* Mirovospriyatie detei s raznymi tipami materinskoj privyazannosti k materi. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. Psychology*. 2011. № 2. P. 21–35. (In Russian)
3. *Gusenko M.* V Rossii rezko vyros spros na nyan’. *Zhen-shchiny toropyatsya vyiti na rabotu posle dekreta. Rossiiskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2023/10/17/nahoroshee-vmesto.html> (Accessed 30.07.2024) (In Russian)
4. *Drobysheva T.V.* Obraz ottsa v predstavleniyakh detei s raznymi usloviyami sotsializatsii v sem’e. Eds. A.V. Makhnach, K.B. Zuev. *Sem’ya, brak, roditel’svo v sovremennoi Rossii*. V. 2. № 2. Moscow: Publ. house “Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk”, 2015. P. 58–67. (In Russian)
5. *Drobysheva T.V., Butyakova I.V.* Obraz materi v predstavleniyakh detei s chastichnoi materinskoj deprivatsiei. Eds.

- I.V. Zavgorodnyaya, O.P. Makushina. Lichnost' v sovremennom obshchestve: psikhologicheskie problemy i perspektivy razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov. Voronezh: Izd-vo "Poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gos. un-ta", 2013. P. 420–423. (In Russian)
6. Zhuravlev A.L. Psihologiya sovmestnoj deyatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. 640 p. (In Russian)
7. Zhuravlev A.L. "Social'no-psikhologicheskaya zrelost'": obosnovanie. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 2. P. 44–54. (In Russian)
8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lektsii po gendernoi sotsiologii: uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2015. 768 p. (In Russian)
9. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka. Moscow: Forum, 2011. 112 p. (In Russian)
10. Romanovskaya M.A. Sotsial'no-psikhologicheskie svoistva lichnosti v usloviyakh rannei sotsializatsii v sem'e s naemnym rabotnikom (nyanei): dis. ... kand. psikhol. Nauk. Moscow, 2020. 182 p. (In Russian)
11. Sergienko E.A., Ulanova A. Yu., Lebedeva E.I. Model' psikhicheskogo: struktura i dinamika. Moscow: Publ. house "Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk", 2020. 503 p. (In Russian)
12. Sergienko E.A. Problema sootnoshenij ponyatij sub"ekta i lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 2. P. 5–16. (In Russian)
13. Akay N. The family dynamics in nanny-employed families and their impact on the cared child. A Thesis Submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University, 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.23612.31369
14. Bonsra V. I've become the nanny, tutor and cleaner merged into one; Female nannies' experiences of working for families during the COVID-19 lockdown: An Interpretative Phenomenological Analysis. Thesis for BSc in Child psychology. Cardiff University, May 2021. DOI: 10.13140/RG.2.2.29699.84009
15. Hoiting I. Triangulations of "motherly love": Negotiated intimacies among migrant domestic workers, mothers, and children. Journal of Family Issues. 2022. V. 43. № 2. P. 324–349.
16. Macdonald C.L. Shadow Mothers: Nannies, Au Pairs and the Micropolitics of Motherhood. Berkley CA: University of California Press, 2010.
17. Prout T.A., Cohen T. What Happened to the Nanny? Parental Reflections on Secondary Caregiver Loss. Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy. 2020. V. 19. № 4. P. 427–441. DOI: 10.1080/15289168.2020.1803667
18. Rohmalina R., Suryono Y., Fauziah P. The Role of the Father in the Early First Year of Early Childhood's Life. Digital Press Social Sciences and Humanities. 2021. V. 7(00015). DOI: 10.29037/digitalpress.47405
19. Yakeley J. Mind the baby: The role of the nanny in infant observation. The International Journal of Psychoanalysis. 2017. V. 98. № 6. DOI: 10.1111/1745-8315.12631
20. Vakrat A., Apter-Levy Y., Feldman R. Sensitive Fathering Buffers the Effects of Chronic Maternal Depression on Child Psychopathology. Child Psychiatry & Human Development. 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/s10578-018-0795-7> (date of access: 20.03.2024).

Acknowledgements. The author thanks his students and colleagues — M.A. Romanovskaya, S.V. Ponyaeva, I.V. Butyakova, O.V. Kompasenko, who participated in the research.

УДК 159.9.072

ДИНАМИКА АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТРАСУБЪЕКТНЫХ РЕСУРСОВ И УСПЕШНОСТЬ СУБЪЕКТА¹

© 2024 г. В. А. Толочек

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

E-mail: tolochekva@mail.ru

Поступила 19.03.2024

Аннотация. Цель исследования — изучение связей динамики профессионального становления субъекта и условий его внутренней среды, актуализируемых как ресурсов. Гипотезы: 1. Условия внутренней среды субъекта, актуализируемые как ресурсы на разных этапах его профессионального становления, изменяют силу влияния и валентность (знак). 2. В разных профессиональных сферах условия внутренней среды субъекта как ресурсы различаются. 3. У лиц с разной социальной успешностью (карьеры, самореализации в семье и др.) динамика актуализации условий внутренней среды субъекта различаются. 4. В сферах деятельности с разными уровнями управленческой иерархии (интервалом должностного продвижения) связи динамики профессионального становления субъекта и актуализируемых ресурсов различаются. Для проверки гипотез использовалась авторская методика “Динамика стиля профессиональной жизни”. Респондентами оценивались в баллах условия социальной среды как “факторы профессионализма”, динамика своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно и проспективно), фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики. Опрошено 218 человек (104 государственных служащих, 56 менеджеров, 58 учителей), 89 мужчин и 129 женщин 30–60 лет ($M = 40.4$; $SD = 9.1$). Анализировались особенности актуализации условий внутренней среды как интрасубъектных ресурсов; использовались описательная статистика, t -сравнение для независимых групп и множественный регрессионный анализ (МРА), метод Forward (прямой). Предложено уточнение рабочих понятий: профессиональное становление субъекта (ПСС), социальная успешность, “высокая”/“плоская” управленческая иерархия, операциональные механизмы. Наибольшие вариации переменных, периодически изменяющих знак и силу влияния, отмечены в десятилетних возрастных интервалах от 30 до 50 лет у представителей трех разных сфер деятельности; наибольшие изменения переменных — в “финальной” части карьеры (50–65 лет). Описана двухуровневая структура: функциональные системы (ФС), формирующиеся на основе индивидуальных особенностей, и операционные системы (ОС), формирующиеся у субъекта деятельности, в которой выделены операциональные механизмы — процессы приведения отдельных условий внутренней среды субъекта в активное состояние, процессы “действия” системы, фаза мобилизации нового состава системы на достижение цели. В разнообразии условий успешности предложена общая схема “Субъект1 — функциональные системы — операционные системы — операциональные механизмы — Субъект2” ($C1$ —ФС—ОС—ОМ— $C2$); особым и единичным в разных системах выступают операциональные механизмы (ОМ). Сделан вывод о том, что проблема интрасубъектных ресурсов относится ко второй половине карьеры. Взаимодействия условий внешней и внутренней среды субъекта формируют особое пространства-время его жизнедеятельности, ведут к “накоплению” специфических его изменений как индивида, субъекта, личности.

Ключевые слова: профессиональное становление субъекта (ПСС), карьера, успешность, актуализация, условия, ресурсы, среда.

DOI: 10.31857/S0205959224060067

¹ Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017 “Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений”.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие “ресурсы” широко используется в отечественной и зарубежной психологии с 1970-х годов. Ранее отмечалось, что за “этим понятием закрепилось множество смысловых контекстов. Оно используется как для описания и объяснения успешности и/или неуспешности людей в профессионально-трудовой деятельности, выбора профессии и самореализации в ней, выбора стратегий поведения в стрессовых ситуациях, в семьях с приемными детьми, с детьми-инвалидами, в состоянии безработицы, ситуаций обучения детей с ОВЗ, освоения ими профессии и др.” [10, с. 27]. Одно из объяснений популярности понятия “ресурсы” — кризис аналитизма психологии XX в., побуждающий психологов использовать “суперпонятия” (ресурсы, потенциал, жизнеспособность, качество жизни, удовлетворенность жизнью и т.п.), объясняющие широкий спектр явления, но не имеющие “однозначных” определений; понятия, содержание которых раскрывается лишь с учетом контекста жизнедеятельности людей [6; 8; 11–14; 16–19; 21; и др.].

В разработке обсуждаемой проблемы “выделились два основных подхода. Представители первого рассматривают ресурсы как нечто, уже имеющееся у человека, у его окружения; нечто потенциально доступное человеку, что он легко может использовать для достижения своих целей; включение и использование новых, дополнительных ресурсов, есть акты приращения, прибавления, количественного усиления системы” [10, с. 27]. В логике первого подхода объем того, что может выступать в качестве ресурсов, крайне широк; ученые различают три группы: интрасубъектные ресурсы, интерсубъектные и внесубъектные [10–14; 21].

Согласно второму подходу, «ресурсы выступают в качестве “внутренних условий” человека и/или внешних условий, которые им могут ситуативно актуализироваться и использоваться, увеличивая его возможности в решении актуальных задач... ресурсы проявляются как процессы, формирующие и/или поддерживающие требуемые функциональные состояния субъекта; они выступают в роли катализаторов преобразований, способствующих качественным перестройкам функциональных систем» [Там же, с. 27].

Представители первого подхода рассматривают ресурсы как «некоторые инварианты, которые продолжительное время сохраняют и/или восстанавливают свою значимость “подпитки” возможностей человека... разные ресурсы бесконфликтно

интегрируются между собой, легко конвертируются для решения разных социальных задач (для описания таких метаморфоз привлекают понятия “накопление”, “интеграция”, “усиление”); разные ресурсы универсальны и равно пригодны для всех людей... решающих разные задачи; разные ресурсы дают сходные социальные эффекты... сочетание, суммирование... ресурсов обеспечивает большие количественные изменения и эффекты (в деятельности, в совладании со сложными жизненными ситуациями и пр.)» [Там же, с. 27]. В русле первой позиции внимание ученых сосредоточено на изучении пространственной локализации условий внешней и внутренней среды человека, называемых ресурсами, в русле второй изучаются пространственный и темпоральные механизмы актуализации условий как ресурсов.

В логике первого подхода учет влияния разных условий как ресурсов мыслится как оперирование простыми арифметическими действиями (сложение, вычитание); второго — допускается появление неаддитивности при сочетании “частей целого”, а финальные эффекты прироста возможностей человека могут трактоваться как операции умножения и деления (возможностей, результативности, успешности, надежности); ресурсы рассматриваются как особая организация «психических свойств, как структуры их связей, согласованные со структурами социальной среды, в том числе — с особенностями поведения и деятельности других людей (“учитель — метод — ученик”) [3], “тренер — спортсмен — стиль деятельности” [12; 13], “вышестоящий руководитель — руководитель — нижестоящий руководитель (подчиненный) — распределение функций управления” [11; 13]; “тест — ученик — поведение экспериментатора” [2])» [Там же, с. 27].

Понятие “ресурсы” чаще используют для обозначения разных видов социальной успешности или неуспешности относительно некоторого “среднего”, в отношении короткого временного лага, где критериями успешности выступают самые общие социальные “нормы” (прилежное посещение школы ребенком и ординарная его успеваемость, взрослый работает и имеет семью и т.п.) [2; 8; 14; 17–19; и др.]. Ресурсы успешности профессиональной карьеры субъекта, в высококвалифицированной деятельности, на протяжении активной профессиональной жизни человека, при деятельности в организациях разного типа наименее изучены; они и определяли цель, гипотезы, дизайн нашего исследования (являющегося продолжением цикла наших НИР [10–14]).

МЕТОДИКА

Цель исследования — изучение связей динамики профессионального становления субъекта и условий его внутренней среды, актуализируемых как ресурсов.

Гипотезы: 1. Условия внутренней среды субъекта, актуализируемые как ресурсы на разных этапах его профессионального становления, изменяют силу влияния и валентность (знак). 2. В разных профессиональных сферах условия внутренней среды субъекта как ресурсы различаются. 3. У лиц с разной социальной успешностью (карьеры, самореализации в семье и др.) динамика актуализации условий внутренней среды субъекта различается. 4. В сферах деятельности с разными уровнями управленческой иерархии (интервалом должностного продвижения) связи динамики профессионального становления субъекта и актуализируемых ресурсов различаются.

В настоящей статье представлен новый фрагмент цикла НИР. «Использовалась авторская методика “Динамика стиля профессиональной жизни”. Респондентами оценивались в баллах (от 0 до 8) условия социальной среды как “факторы профессионализма”, динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно и проспективно), фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики. Опрошено 218 чел. — 89 мужчин и 129 женщин 30–60 лет (104 государственных служащих, 56 менеджеров, 58 учителей)» [10, с. 28]; “использовались описательная статистика, *t*-сравнение для независимых групп и множественный регрессионный анализ (МРА), метод Forward (прямой)” [10, с. 28]. Наличный эмпирический материал позволял многократно делить общую выборку на группы (пол, должность, профессиональная сфера, возраст, стаж, полнота самореализации в семье и др.).

Предложим уточнения наших рабочих понятий.

Профессиональное становление субъекта (ПСС) — процесс изменения человека как субъекта квалифицированной деятельности на протяжении его *профессиональной жизни*, включающий не только стадии активной работы, но и предстadium выбора профессии, ученичества — обучения, оптации, периоды кризисов.

Успешность понимается как *социальная успешность субъекта*, лишь косвенно согласованная с эффективностью его деятельности (см.: [10–13]). В словарях русского языка *успех* трактуется как удача в достижении чего-либо (1) и как общественное признание достижений человека (2). Наиболее

легко и корректно учитывать в полевых исследованиях можно три группы *критериев социальной успешности*: 1) полнота самореализации в труде — занимаемая должность, быстрота продвижения (отношение должности к возрасту), стабильность профессионализма и др.; 2) полнота самореализации в семье (состояние в браке, стаж семейной жизни, число детей); 3) социальные миграции — место жительства сравнительно с таковыми критериями родителей респондента, занимаемая должность, быстрота продвижения сравнительно с таковыми у родителей и т.п.

Феномен “высокой”/“плоской” иерархии понимается нами как количество уровней оргструктуры, предопределяющих возможные интервалы должностного продвижения субъекта (вероятно, и сам выбор профессиональной сферы с той или иной иерархией).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Участники исследования. В исследовании принимали участие 218 респондентов (государственные служащие, менеджеры, учителя) в возрасте 30–60 лет ($M = 40,4$; $SD = 9,1$), из них — 89 мужчин и 129 женщин. Для поддержания сопоставимости результатов цикла прошлых НИР и настоящей использовался прежний арсенал средств параметрической статистики, что позволяло как уточнять валидность методики, так и проверять новые гипотезы на новых выборках.

В циклах НИР [10–13] регулярно подтверждаются типовые особенности динамики ПСС: снижение оценок профессионализма у части обследуемых с 45–50 лет; у всех — сходство динамики ПСС в середине карьеры, выраженные индивидуальные вариации в ее начале и особенно значительные в конце; различия динамики ПСС у представителей разных социальных групп (мужчин и женщин, руководителей и специалистов, реализованных в семейной жизни и условно нереализованных и пр.). Поскольку в предшествующих работах больше внимания уделялось интер- и внесубъектным ресурсам, в настоящем исследовании акцент сделан на описании финальной части карьеры — 50–65 лет и *интрасубъектных ресурсов* (точнее, на те переменные, которые более других могут указывать на стоящие за ними *операционные системы* (ОС) и *операционные механизмы* (ОМ), позволяющие актуализировать внутренние условия субъекта как его ресурсы). Поэтому в настоящем описании рассматривается часть “пунктов” анкеты, которые с большей вероятностью могут презентовать стоящие за ними ОС и ОМ (метасистемы,

реферирующие системы и т.п.) и проявляются как эффекты “действия системы” — ресурсы. Из выделенных нами для анализа переменных наименьшей вариативностью на протяжении карьеры характеризовалась *произвольная память* (асимметрия и эксцесс оставались в пределах 0.5–0.6) при сравнительно большей вариативности (1.0–2.0) оценок других шести групп *обучаемости* в возрасте 20–60 лет; *интеллектуальной работоспособности* — 35–55 лет; *духовного здоровья* — 45–60 лет; *профессиональной компетентности и активности делового общения* — 50–60 лет; *профессиональной интуиции* — 40–65 лет.

Наибольшие различия между выделяемыми группами (госслужащими, менеджерами, учителями, мужчинами и женщинами, специалистами и руководителями) отмечаются в возрастном интервале 50–65 лет (согласно самооценкам).

Согласно результатам *корреляционного анализа* (КА), можно говорить о “согласованной” динамике снижения многих составляющих профессионализма субъектов при слабой линейной корреляции переменных в интервале $r = 0.150–0.350$.

Согласно результатам *факторного анализа* (ФА), выделено десять факторов (с собственным значением ≥ 1.00 , объясняющим 88.5% дисперсии). Ориентируясь на содержательные критерии, мы предпочли шесть-факторное решение, объясняющее 76.9% дисперсии, а каждый из факторов — не менее 5%. Выделенные шесть факторов, согласно “весу” их определяющих переменных, получили название: 1-й: “Бодрость, работоспособность, здоровье”; 2-й: “Активность, духовное здоровье, саморегуляция”; 3-й: “Профессионализм, активность”; 4-й: “Профессиональная интуиция”; 5-й: “Эмоциональная саморегуляция”; 6-й: “Стабильно высокий профессионализм”. При проведении ФА раздельно в разных профессиональных выборках получены сходные факторы.

Согласно *уравнениям множественного регрессионного анализа* (МРА), зависимую переменную, функцию — *уровень профессионализма* в 20, 25, 30... 65 лет определяли все группы анализируемых переменных (аргументов, предикторов), незначительных по величине; коэффициенты множественной корреляции предикторов и зависимой переменной чаще были в интервале $r = 0.400–0.589$ (табл. 1). Большая часть переменных — коэффициентов при аргументах (предикторах) оставалась в интервале 0.00–0.20 (что можно считать их “слабыми силами”), на “фоне” которых выделились *компетентность* (до 0.54) и *работоспособность* (до 0.36). Величины при аргументах, иногда и их знак,

величины коэффициентов корреляции (r) заметно изменялись в возрастных срезах от 20 до 65 лет.

Выявлены две группы предикторов — с положительными (+) и отрицательными (–) вкладами в функцию (оценку уровня профессионализма) и качественные различия между представителями трех профессиональных сфер: а) в разном возрасте снижалась величина корреляции (r) аргументов с функцией: у госслужащих — в 45 и 50 лет, менеджеров — 35 и 40, учителей — 30 и 35 лет; б) только у учителей *работоспособность* и *интуиция* вносили наиболее весомый вклад в уровень профессионализма на протяжении всей карьеры (табл. 1, 2); в) у учителей *эмоциональная саморегуляция* и *интеллектуальная саморегуляция* чаще понижали уровень профессионализма на протяжении всей карьеры (табл. 3).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если внесубъектные и интерсубъектные условия, порождающие эффекты ресурсов, можно достаточно четко идентифицировать, то в отношении интрасубъектных условий можно лишь делать предположения.

В настоящей НИР подтверждались различия между субъектами разных профессиональных сфер, мужчинами и женщинами, специалистами и руководителями и др. К новым эмпирическим результатам НИР отнесем следующие. Согласно *уравнениям МРА*, во всех группах переменных наибольшие вариации оценок имели место в десятилетних возрастных интервалах от 30 до 50 лет, разных у представителей трех сфер деятельности. Другими словами, перестройки фрагментов ОС происходят не тотально, а поэтапно, в последовательности от сравнительно простых — обучаемости к имеющим больший вклад произвольных составляющих (работоспособность, компетентность, коммуникабельность или деловое общение), а также к подключению имплицитного знания (профессиональная интуиция). Факты подобных перестроек в возрасте зрелости (25–44 лет) отмечались в исследованиях, проводимых под руководством Б.Г. Ананьева [1; 9]; тема нормативных кризисов “середины жизни”, согласно Г. Шихи (Gheehy), захватывает интервал 35–45 лет, причем у женщин они начинаются раньше, с 30 лет [19]. Принимая во внимание увеличение продолжительности жизни с 1970 по 2020-е годы в развитых странах, можно признать, что наши результаты соответствуют представленным в научной литературе.

Таблица 1. Уравнения МРА: изменения детерминант профессионализма государственных служащих, менеджеров, учителей на протяжении карьеры (20–65 лет)

Выборки служащих	
Государственные служащие	
20 лет = -0.642 - 0.10 Память - 0.02 Обучаемость + 0.06 Работоспособность - 0.05 Здоровье - 0.04 Интуиция + 0.05 ЭмоцСР + 0.20 ИнтеллСР + 0.48 Компетентность + 0.15 ДО	$r = 0.562$
45 лет = 4.711 - 0.01 Память + 0.14 Обучаемость - 0.14 Работоспособность - 0.09 Здоровье + 0.11 Интуиция + 0.10 ЭмоцСР - 0.06 ИнтеллСР + 0.20 Компетентность + 0.09 ДО	$r = \mathbf{0.339}$
50 лет = 5.28 - 0.07 Память + 0.11 Обучаемость + 0.04 Работоспособность - 0.12 Здоровье + 0.12 Интуиция - 0.11 ЭмоцСР + 0.11 ИнтеллСР + 0.17 Компетентность + 0.02 ДО	$r = \mathbf{0.396}$
65 лет = 2.970 + 0.06 Память + 0.06 Обучаемость + 0.01 Работоспособность + 0.13 Здоровье - 0.07 Интуиция + 0.01 ЭмоцСР - 0.03 ИнтеллСР + 0.23 Компетентность + 0.08 ДО	$r = 0.458$
Менеджеры	
20 лет = 2.001 - 0.30 Память + 0.08 Обучаемость + 0.01 Работоспособность - 0.02 Здоровье + 0.23 Интуиция - 0.16 ЭмоцСР + 0.04 ИнтеллСР + 0.48 Компетентность - 0.02 ДО	$r = 0.561$
35 лет = 2.726 + 0.05 Память + 0.02 Обучаемость - 0.02 Работоспособность + 0.05 Здоровье + 0.38 Интуиция - 0.28 ЭмоцСР + 0.03 ИнтеллСР + 0.27 Компетентность - 0.05 ДО	$r = \mathbf{0.362}$
40 лет = 5.779 + 0.09 Память + 0.01 Обучаемость + 0.05 Работоспособность + 0.05 Здоровье - 0.16 Интуиция - 0.07 ЭмоцСР + 0.03 ИнтеллСР + 0.22 Компетентность - 0.06 ДО	$r = \mathbf{0.274}$
65 лет = 3.228 + 0.10 Память - 0.03 Обучаемость + 0.04 Работоспособность - 0.01 Здоровье - 0.11 Интуиция + 0.03 ЭмоцСР - 0.24 ИнтеллСР + 0.51 Компетентность + 0.24 ДО	$r = 0.575$
Учителя	
20 лет = 2.145 - 0.55 Память + 0.23 Обучаемость + 0.22 Работоспособность - 0.16 Здоровье + 0.34 Интуиция - 0.10 ЭмоцСР - 0.16 ИнтеллСР + 0.61 Компетентность - 0.02 ДО	$r = 0.635$
30 лет = 0.130 + 0.08 Память + 0.09 Обучаемость + 0.16 Работоспособность + 0.21 Здоровье + 0.24 Интуиция - 0.33 ЭмоцСР + 0.11 ИнтеллСР + 0.43 Компетентность - 0.20 ДО	$r = \mathbf{0.399}$
35 лет = 3.837 + 0.36 Память + 0.07 Обучаемость - 0.13 Работоспособность + 0.07 Здоровье + 0.23 Интуиция - 0.17 ЭмоцСР - 0.15 ИнтеллСР + 0.20 Компетентность - 0.29 ДО	$r = \mathbf{0.313}$
65 лет = 3.618 + 0.16 Память - 0.10 Обучаемость - 0.05 Работоспособность + 0.23 Здоровье + 0.41 Интуиция + 0.23 ЭмоцСР - 0.19 ИнтеллСР - 0.10 Компетентность - 0.16 ДО	$r = 0.431$

Примечание. Здесь и ниже: первая величина в уравнении множественной регрессии — константа; вторые и последующие — коэффициенты, отражающие относительную степень влияния предикторов на зависимую переменную (уровень профессионализма в возрасте 20, 25... 65 лет); r — коэффициенты множественной корреляции предикторов и зависимой переменной (жирным шрифтом выделены резкие снижения корреляций в среднем возрасте). ЭмоцСР — эмоциональная саморегуляция; ИнтеллСР — интеллектуальная саморегуляция; ДО — активность делового общения.

Таблица 2. Фрагменты уравнений МРА: изменения детерминант профессионализма государственных служащих, менеджеров, учителей на протяжении карьеры (20–65 лет)

Возраст	Государственные служащие	Менеджеры	Учителя
20	+ 0.06 Работоспособность – 0.04 Интуиция	+ 0.01 Работоспособность + 0.23 Интуиция	+ 0.22 Работоспособность – 0.34 Интуиция
25	+ 0.12 Работоспособность + 0.20 Интуиция	+ 0.31 Работоспособность + 0.23 Интуиция	+ 0.69 Работоспособность + 0.41 Интуиция
30	+ 0.18 Работоспособность + 0.04 Интуиция	+ 0.36 Работоспособность + 0.21 Интуиция	+ 0.16 Работоспособность + 0.24 Интуиция
55	+ 0.01 Работоспособность + 0.01 Интуиция	+ 0.01 Работоспособность + 0.01 Интуиция	+ 0.02 Работоспособность + 0.23 Интуиция
60	+ 0.01 Работоспособность – 0.06 Интуиция	+ 0.04 Работоспособность – 0.03 Интуиция	+ 0.16 Работоспособность – 0.22 Интуиция
65	+ 0.01 Работоспособность – 0.07 Интуиция	+ 0.04 Работоспособность – 0.11 Интуиция	+ 0.05 Работоспособность – 0.41 Интуиция
Σ	15 (+) и 5 (–)	14 (+) и 6 (–)	15 (+) и 5 (–)

Примечание. Здесь и ниже: Σ — суммы положительных и отрицательных корреляций предикторов и зависимой переменной уравнений в возрастном интервале 20–65 лет.

Таблица 3. Фрагменты уравнений МРА: изменения детерминант профессионализма государственных служащих, менеджеров, учителей на протяжении карьеры (20–65 лет)

Возраст	Государственные служащие	Менеджеры	Учителя
20	+ 0.05 ЭмСР + 0.20 ИнтеллСР + 0.15 ДО	– 0.16 ЭмСР + 0.04 ИнтСР – 0.02 ДО	– 0.10 ЭмСР – 0.16 ИнтСР – 0.02 ДО
25	– 0.01 ЭмСР + 0.03 ИнтСР + 0.16 ДО	– 0.28 ЭмСР – 0.16 ИнтСР – 0.16 ДО	– 0.17 ЭмСР – 0.22 ИнтСР + 0.08 ДО
30	– 0.19 ЭмСР + 0.23 ИнтСР + 0.01 ДО	– 0.20 ЭмСР – 0.21 ИнтСР + 0.03 ДО	– 0.33 ЭмСР + 0.11 ИнтСР – 0.20 ДО
55	+ 0.02 ЭмСР – 0.03 ИнтСР + 0.02 ДО	– 0.01 ЭмСР + 0.15 ИнтСР + 0.03 ДО	+ 0.01 ЭмСР + 0.06 ИнтСР – 0.26 ДО
60	– 0.01 ЭмСР + 0.13 ИнтСР + 0.11 ДО	– 0.01 ЭмСР – 0.02 ИнтСР + 0.19 ДО	+ 0.09 ЭмСР + 0.10 ИнтСР – 0.15 ДО
65	+ 0.01 ЭмСР – 0.03 ИнтСР + 0.08 ДО	+ 0.03 ЭмСР – 0.24 ИнтСР + 0.24 ДО	+ 0.23 ЭмСР лет – 0.19 ИнтСР – 0.16 ДО
Σ	15 (+) и 15 (–)	12 (+) и 18 (–)	7 (+) и 23 (–)

Примечание. Здесь и ниже: ЭмСР — эмоциональная саморегуляция; ИнтСР — интеллектуальная саморегуляция; ДО — деловое общение; Σ — суммы положительных и отрицательных корреляций предикторов и зависимой переменной уравнений в возрастном интервале 20–65 лет.

Роль рассматриваемых ранее условий внешней среды [10–13] и анализируемые здесь условия внутренней среды сходны по их проявлению как ресурсов, по величинам вкладов отдельных переменных, по особенностям проявления у представителей разных социальных групп. Большое сходство статистик при анализе условий двух типов — внутренней и внешней среды — дает основание сделать предположение и о сходстве или общности *операциональных механизмов* (ОМ) актуализации условий как ресурсов.

Согласованность, подобие структур психического и внешних структур деятельности человека отмечалось отечественными и зарубежными учеными на протяжении XX в. [1; 4–7; 9; 15; и др.]. Можно предполагать, что актуализация условий внутренней среды как ресурсов есть процессы активизации их “действия” посредством особых *операциональных механизмов* (ОМ), фазы их повышенной активности; ОМ есть процессы активизации деятельности части *операционных систем* (ОС).

На протяжении карьеры уровень профессионализма людей предопределяется их разными внутренними условиями. Разный образ жизни, окружение, профессии как бы ставят “печать” на всю историю человека; более того, вероятно, что сам выбор профессии и сопряженного с нею образа жизни также уже предопределяет многое. Последнее согласуется с теорией типов профессий Дж. Холланда [20], в которой человеком учитываются особенности не только его индивидуальности, технологий будущей деятельности, но и типичного профессионального окружения, условий типичной социальной среды.

Среди внутренних условий, отражающих разные аспекты произвольности, саморегуляции имеет

смысл различать группы условий как “ресурсы” (катализаторы) и как “блокираторы” (разрушители, деструкты, ингибиторы), роль которых на протяжении карьеры у представителей некоторых социальных групп может изменяться. В порождении эффектов ресурсов решающее слово принадлежит не *функциональным системам* (ФС), а *операционным системам* (ОС) по Б.Г. Ананьеву.

Слабые связи между переменными, согласно результатам *корреляционного анализа*, также соответствовали ранее полученным данным, что объясняется как действительно слабым воздействием отдельных условий, так и “размыванием статистикой” эффекта в больших выборках [10–12]. То же можно сказать и в отношении результатов *факторного анализа* (ФА). К примечательным фактам отнесем следующие: концепт, названный “Стабильно высокий профессионализм”, был 6-м фактором, объяснявшим лишь 5% дисперсии, тогда как другие, более “сильные” факторы презентовали разные фрагменты “частичного” профессионализма или его компенсирующие “заместители” — “работоспособность”, “бодрость”, “духовное здоровье” и т.п. Если начальные условия “старта” в профессию у людей несколько варьируют, в середине карьеры они более сходны у многих, то динамика завершающих стадий карьеры есть тема персональной ответственности каждого и его индивидуальной истории.

Эффекты социальной успешности субъекта порождаются сочетанием множества условий (управленческой иерархии, типа организации, возрастного и гендерного состава сотрудников и пр.). Так, например, пол как фактор играет роль только в сочетании с “плоской” иерархией и особым типом

организации (средняя школа и т.п.); только в этой группе отмечен ограниченный состав условий, актуализируемых как ресурсы, при весомом влиянии их антагонистов — “блокираторов”.

Рассмотрим составы и основу разных систем. В психомоторной организации человека Б.Г. Ананьев [1] выделял *функциональные системы* (ФС), формирующиеся на основе его *индивидуальных* особенностей, и *операционные системы* (ОС), формирующиеся у него как *субъекта* деятельности, интегрирующие фрагменты социальной среды, в том числе культуры, технологий систем образования и обучения. Это представление о двухуровневой (трехуровневой при добавлении мотивационных механизмов) организации психологических функциональных систем (способностей, компетенций и др.) поддерживается многими учеными [1; 2; 4; 5; 7; 9; 15; и др.]. Регулярно подтверждаемая вариативность величины и знака в отношении почти всех анализируемых переменных на протяжении карьеры человека указывает на то, что, вероятно, не сами по себе компоненты ОС производят “действия системы” (как ее фиксированные составляющие, они не должны изменять своих типовых функций). Для объяснения *эффекта ресурсов* как высвобождения (появления, продуцирования) некоторых возможностей системы оправдано предположить наличие третьей составляющей, наряду с ФС и ОС, которую можно назвать *операциональными механизмами*. *Операциональные механизмы* (ОМ) представляют собой процессы приведения отдельных условий внутренней среды субъекта в активное состояние; ОМ — это процессы нового восприятия условий внутренней, а также внешней среды, “преломляющихся” в психическом. Больше оснований предполагать, что “действия системы” производят не сами *функциональные системы* (ФС), что достаточно для обеспечения физической жизни человека и животных, и не их хронологически позже вызревающие *операционные системы* (ОС), а предназначенные для решения типовых задач особые процессы — *операциональные механизмы* (ОМ), запускаемые при сочетании уникальных обстоятельств жизнедеятельности человека для решения актуальных для него социальных задач. ОМ — это процессы, динамика и траектория которых могут быть спонтанными, непредсказуемыми, жестко не детерминированными, не определенными по времени. Появление и проявление (про-явление) ОМ есть фазы мобилизации нового состава системы на достижение цели, на решение новой задачи в новых, сложных ситуациях, требующих некоторого переструктурирования системы.

Добавим, что вопросы *условий внутренней среды* человека как субъекта — того, что им рефлексировается, управляется, изменяется, развивается, — остаются сравнительно мало изученными; эта большая область явлений условно лишь обозначается учеными как “внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)”, “внутренние психологические закономерности”; “внутренний мир человека”; “действительность мира человека” и др. Наиболее важные результаты цикла наших НИР: если *суммирование воздействия условий внешней среды* не дает приращения позитивных эффектов, то *объединение (вероятно, интеграция и изменение структур) условий внутренней среды усиливает их эффекты как ресурсов*. В этом отношении имеют место радикальные различия между группами интрасубъектных ресурсов и другими — внесубъектными и интересубъектными, изучаемыми нами ранее [10–13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В парадигме *совместной деятельности* и взаимодействия людей, в контексте проблемы *профессионального становления субъекта* (ПСС), в разработке проблемы интересубъектных ресурсов необходимо выделение *операций* как составляющих “действия” системы, ее процессуальных аспектов, влияющих на социальную успешность человека, во многом определяемую его взаимодействиями с окружением. Можно предполагать, что за выделением особых процессов — *операций*, определяющих успешность субъекта и эффективность его деятельности, констатируемых учеными как поведения экспериментатора [2], как соответствия метода обучения индивидуальности обучаемого [3], как адекватность стиля деятельности тренера стилю спортсмена [11] и т.п., стоят не только лишь “особенное” и “единичное”, но и “общее” (всеобщее), представляющие фрагменты культуры, вызревающие в сообществе взаимодействующих людей.

Если под *психологическими механизмами* понимать широкий класс *инвариантов трансформации жизненного опыта субъекта*, то *операциональные механизмы* (ОМ) представляют собой особый тип *психологических механизмов*, которые функционируют в составе *типовых образований* — ФС и ОС и обеспечивают “тонкую сонатровку” “внутренних условий” субъекта с актуально представленными внешними условиями среды с учетом требований конкретной задач. Функциональные образования человека (ФС, ОС и ОМ) формируются как типовые системы для обеспечения типовых его форм

жизнедеятельности; в процессах овладения человеком культурой (обучения, получения опыта, “присвоения”, “распредмечивания”) все три образования могут эволюционировать, изменяться, развиваться. Наиболее гибкими образованиями в этом ряду выступают *операциональные механизмы* (ОМ) — процессы, обеспечивающие решения как типовых, так и новых и предельно сложных задач, требующих мобилизации новых возможностей человека, в частности, при “посредничестве” составляющих совместной деятельности людей в таких комбинациях, как: субъект—метод—субъект; субъект — стиль деятельности — субъект; субъект—поведение—субъект; субъект — оптимизация задач (перераспределение функций) — субъект; субъект — структуры деятельности — подструктуры деятельности и т.п.

Обобщая возможное многообразие разных опосредствующих (“технических”, операционных и операциональных, культуральных) структур, представим его в одной формуле: “Субъект 1 — функциональные системы — операционные системы — операциональные механизмы — Субъект 2” (C1—ФС—ОС—ОМ—C2). Но эти вопросы нуждаются в последовательной разработке; здесь же добавим, что в спортивных единоборствах мы констатировали кратные возрастания эффективности деятельности при лучшей согласованности системы “C1—ОС—ОМ—C2” [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
2. *Дружинин В.Н.* Психология способностей. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
3. *Кабардов М.К.* Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. М.: Смысл, 2013.
4. *Карпов А.А.* К началам психики: монография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2023.
5. *Карпов А.В., Карпов А.А.* Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2022.
6. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 5–11.
7. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н., Ушаков Д.В., Шадриков В.Д.* Проблема исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 5–14.
8. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
9. Развитие психомоторных функций взрослого человека / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой: В 2 т. М.: Педагогика, 1972.
10. *Толочек В.А.* Профессиональное становление субъекта и динамика актуализация условий среды как ресурсов // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 6. С. 26–36.
11. *Толочек В.А.* Технологии профессионального отбора. М.: Юрайт, 2024.
12. *Толочек В.А., Денисова В.Г.* Динамика профессионального становления в представлениях субъектов: самооценки как самодостаточные эмпирические данные // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 26–39.
13. *Толочек В.А., Журавлева Н.И.* Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 91–107.
14. *Хазова С.А., Дорьева Е.А.* Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома: Изд-во: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.
15. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
16. *Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
17. *Cicchetti D., Rogosch F.A.* The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children // Development and Psychopathology. 1997. V. 9 (4). P. 799–817.
18. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 68 (5). P. 926–935.
19. *Geehy G.* Passages: Predictable Crises of Adult Life. N.Y.: Bantam Books, 1977.
20. *Holland J.L.* Exploration of A Theory of Vocational Choice Part II: Self-Descriptions and Vocational Preferences // Vocational Guidance Quarterly. 1963. V. 12. № 1. P. 17–24. DOI: 10.1002/j.2164-585X.1963.tb00620.x
21. *Taylor Sh.E.* Health Psychology. N.Y.: McGraw Hills, Inc., 2018.

DYNAMICS OF THE ACTUALIZATION OF INTRASUBJECT RESOURCES AND THE SUCCESS OF THE SUBJECT²

V. A. Tolochek

*Institute of Psychology of RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Labour,
Engineering Psychology and Ergonomics.
E-mail: tolochekva@mail.ru*

Received 19.03.2024

Abstract. Purpose of the study: to study the connections between the dynamics of a subject's professional development and the conditions of his internal environment, actualized as resources. Hypotheses: 1) The conditions of the subject's internal environment, updated as resources at different stages of his professional development, change the strength of influence and valence (sign). 2) In different professional fields, the conditions of the subject's internal environment as resources differ. 3) For persons with different social success (career, self-realization in the family, etc.), the dynamics of updating the conditions of the subject's internal environment differ. 4) In areas of activity with different levels of management hierarchy (interval of job promotion), the connections between the dynamics of the subject's professional development and the updated resources differ. The author's methodology "Dynamics of professional life style" was used. Respondents assessed, in points from 0 to 8, the conditions of the social environment as "factors of professionalism", the dynamics of their professionalism from 20 to 65 years (retrospectively and prospectively), and recorded their socio-demographic and job characteristics. 218 people were surveyed (104 civil servants, 56 managers, 58 teachers), 89 men and 129 women 30–60 years old ($M = 40.4$; $SD = 9.1$). The features of updating the conditions of the internal environment as intrasubjective resources were analyzed; Descriptive statistics, t-comparison for independent groups and multiple regression analysis (MRA), Forward method were used. A clarification of working concepts (professional development of the subject (PSS), social success, "high"/"flat" management hierarchy, operational mechanisms) is proposed. It has been established: the greatest variations in variables that periodically change the sign and strength of influence are noted over 10-year age intervals from 30 to 50 years, different for representatives of three spheres of activity; the greatest changes in variables are in the "final" part of the career (50–65 years). In a two-level structure — functional systems (FS), formed on the basis of its individual characteristics, and operating systems (OS), formed by the subject of activity, it is possible to distinguish operational mechanisms (OM) — processes of bringing individual conditions of the subject's internal environment into an active state, processes "actions" of the system, phases of mobilization of the new composition of the system to achieve the goal. In conclusion it is stated: in the diversity of conditions of success a common scheme is distinguished — "Subject1 — functional systems — operational systems — operational mechanisms — Subject2" (S1—FS—OS—OM—S2); operational mechanisms (OM) are special and unique in different systems. The problem of intrasubjective resources is a problem of the second half of a career. The interactions of the conditions of the external and internal environment of the subject form the special space-time of his life activity, leading to the "accumulation" of his specific changes as an individual, subject, personality.

Keywords: professional development of the subject (PSS), career, success, actualization, conditions, resources, environment.

REFERENCES

1. Anan'yev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya. Saint Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)
2. Druzhinin V.N. Psikhologiya sposobnostey. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007. (In Russian)
3. Kabardov M.K. Yazykovyye sposobnosti: psikhologiya, psikhofiziologiya, pedagogika. Moscow: Smysl, 2013. (In Russian)
4. Karpov A.A. K nachalam psikhiki: monografiya. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2023. (In Russian)
5. Karpov A.V., Karpov A.A. Struktura metakognitivnoy regul'yatsii informatsionnoy deyatel'nosti. Yaroslavl': Fili-gran', 2022. (In Russian)
6. Leont'yev D.A. Lichnostnyy potentsial kak ob'yekt izucheniya. V kn.: Lichnostnyy potentsial: struktura

² The study was carried out in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 0138-2024-0017 "Professional activity and personal development in the context of organizational and man-made changes."

- i diagnostika. Ed. D.A. Leont'yev. Moscow: Smysl, 2011. P. 5–11. (In Russian)
7. *Mazilov V.A., Slepko Yu.N., Ushakov D.V., Shadrikov V.D.* Problema issledovaniy sposobnostey v noveyshey rossiyskoy psikhologii: v poiskakh novoy teorii. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 4. P. 5–14. (In Russian)
 8. *Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. (In Russian)
 9. Razvitiye psikhomotornykh funktsiy vzroslogo cheloveka. Eds. B.G. Anan'yev, Ye.I. Stepanova. V 2 t. Moscow: Pedagogika, 1972. (In Russian)
 10. *Tolochek V.A.* Professional'noye stanovleniye sub'yekta i dinamika aktualizatsiya usloviy sredy kak resursov. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 6. P. 26–36. (In Russian)
 11. *Tolochek V.A.* Tekhnologii professional'nogo otbora. Moscow: Yurayt, 2024. (In Russian)
 12. *Tolochek V.A., Denisova V.G.* Dinamika professional'nogo stanovleniya v predstavleniyakh sub'yektov: samootsenki kak samodostatochnyye empiricheskiye dannyye. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2013. V. 34. № 6. P. 26–39.
 13. *Tolochek V.A., Zhuravleva N.I.* Dinamika aktualizatsii resursov sub'yekta na protyazhenii professional'noy kar'yery. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 1. P. 91–107. (In Russian)
 14. *Khazova S.A., Dor'yeva Ye.A.* Resursy sub'yekta: teoriya i praktika issledovaniya. Kostroma: Izd-vo: KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. (In Russian)
 15. *Shadrikov V.D.* Mental'noye razvitiye cheloveka. Moscow: Aspekt-Press, 2007. (In Russian)
 16. *Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
 17. *Cicchetti D., Rogosch F.A.* The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children. *Development and Psychopathology*. 1997. V. 9 (4). P. 799–817.
 18. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 68 (5). P. 926–935.
 19. *Geehy G.* Passages: Predictable Crises of Adult Life. New York: Bantam Books, 1977.
 20. *Holland J.L.* Exploration of A Theory of Vocational Choice Part II: Self-Descriptions and Vocational Preferences. *Vocational Guidance Quarterly*. 1963. V. 12. № 1. P. 17–24. DOI: 10.1002/j.2164-585X.1963.tb00620.x
 21. *Taylor Sh.E.* Health Psychology. New York: McGraw Hills, Inc., 2018.

УДК 612.821.6

МЕЖПОЛУШАРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РИТМАМИ ЭЭГ ПРИ ПОЛНОМ И НЕПОЛНОМ ПРОБУЖДЕНИИ

© 2024 г. И. А. Яковенко*, Н. Е. Петренко**, Е. А. Черемушкин***,
Е. О. Гандина****, В. Б. Дорохов*****

*ФБГУН Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН;
117485, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 5А, Россия.*

**Старший научный сотрудник, кандидат биологических наук.*

E-mail: irinayakovenko@mail.ru

***Научный сотрудник, кандидат биологических наук.*

E-mail: ivnd@mail.ru

****Старший научный сотрудник, кандидат биологических наук.*

E-mail: ivnd@mail.ru

*****Младший научный сотрудник.*

E-mail: gandina.e@ihna.ru

******Главный научный сотрудник, заведующий лабораторией.*

E-mail: vbdorokhov@mail.ru

Поступила 18.08.2024

Аннотация. В теории А.Р. Лурия описан структурно-функциональный блок, регулирующий цикл “сон–бодрствование”, который участвует в процессе пробуждения. Тем не менее особенности межполушарной асимметрии при пробуждении из разных фаз сна остаются недостаточно изученными. Практически отсутствуют работы по взаимодействию ритмов ЭЭГ при восстановлении деятельности сразу после пробуждения. Цель исследования заключалась в выявлении различий в работе полушарий мозга (в рамках теории А.Р. Лурия) при пробуждении с разной эффективностью восстановления психомоторной деятельности. Предполагалось выявить связанность одновременно функционирующих структур мозга в 1 блоке по А.Р. Лурия. Для анализа использовали данные 15 из 83 участников, прошедших всю процедуру исследования. Параллельно с выполнением бимануального психомоторного теста регистрировали многоканальную ЭЭГ. Оценка мощностных характеристик ЭЭГ проводили на основе “материнского” комплексного Morlet-вейвлета. Мерой амплитудно-амплитудного взаимодействия ритмов ЭЭГ служил коэффициент корреляции Кендалла. Полное пробуждение характеризуется наличием асимметричных связей ритмов ЭЭГ в обоих полушариях. Неполное пробуждение сопровождается связями ритмов только в левом полушарии. При полном пробуждении асимметрия связей ритмов ЭЭГ наблюдается в лобных и височных областях левого полушария и только в лобных — правого. При неполном — практически во всех областях левого полушария. Выполнение психомоторного теста характеризуется различной эффективностью восстановления деятельности после сна, и разные уровни эффективности характеризуются различиями в функционировании полушарий по показателю связей ритмов ЭЭГ. Выявлены связи ритмов ЭЭГ, на основе которых высказано предположение о сопряженной работе таламо-кортикальной и кортико-гиппокампальной систем в пределах 1 блока по А.Р. Лурия. Оба вида пробуждения характеризовались участием всех структурно-функциональных блоков по А.Р. Лурия, различающихся в полушариях в зависимости от вида пробуждения. Полное и неполное пробуждение характеризуется не только различным набором асимметричных связей ритмов ЭЭГ в полушариях, но и их локализацией.

Ключевые слова: межполушарная асимметрия, взаимодействие ритмов ЭЭГ, психомоторный тест, пробуждение.

DOI: 10.31857/S0205959224060078

Выполнение монотонной работы (психомоторный тест), приводящей к засыпанию и последующему пробуждению, характеризуется различной эффективностью восстановления деятельности, которое, в свою очередь, сопровождается различиями в функционировании полушарий по показателю связей ритмов ЭЭГ. В своем основополагающем труде А.Р. Лурия [3] выделил три структурно-функциональных блока мозга, совместная динамичная работа которых обеспечивает отдельно взятую психическую функцию. “Каждый из трех функциональных блоков мозга представлен симметрично в левом и правом полушариях мозга, которые специфичны по ведущей роли в различных познавательных процессах”. В частности, 1 блок осуществляет “энергетическое” обеспечение оптимального уровня психической деятельности, регулирует уровень активации и, что важно для нашей работы, регулирует цикл “сон—бодрствование”.

Состояния бодрствования (различные виды психической деятельности) и сна сопровождаются разными проявлениями межполушарной асимметрии по различным показателям мозговой активности. Она проявляется как на структурном уровне (анатомия мозга), так и функциональном (вклада каждого полушария в любую психическую функцию). Наибольший интерес вызвали различные виды психической деятельности и, соответственно, сопровождающие их особенности межполушарной асимметрии. Наш интерес был сконцентрирован на асимметрии во сне и при пробуждении, поэтому далее будут приведены работы, касающиеся изучения данных состояний. В работе [11] говорится о том, что на первой стадии сна отмечалось преобладание спектров мощности ритмов ЭЭГ в правом полушарии в изучаемых областях коры больших полушарий. Авторы, опираясь на данные [9], предполагают, что правое полушарие во сне более бдительно. Изучали амплитуду сонных веретен второй стадии сна [8]. Была обнаружена асимметрия амплитуды сонных веретен. Амплитуда орбитофронтальных, височно-затылочных и теменных веретен преобладала в левом полушарии, а амплитуда префронтальных веретен — в правом полушарии. Исследования [25] показали, что на стадии медленного сна у человека асимметрия не охватывает все полушарие, а является пространственно ограниченной. Авторы полагают, что такой вид асимметрии связан с защитным механизмом, связанным с потенциальной опасностью в незнакомой для сна обстановке.

Несколько менее изучен процесс пробуждения. В работах [15; 28] делается предположение о наличии сознания во сне. Такой вид сознания,

безусловно, будет отличаться от сознания в бодрствовании. При пробуждении происходит переход сознания с одного уровня во сне к другому при деятельности в бодрствовании. Остается не до конца выясненным вопрос о том, что влияет на процесс пробуждения? Каковы нейрофизиологические основы данного явления? Какие процессы влияют на эффективность деятельности после пробуждения?

Было показано, что в течение нескольких минут после пробуждения наблюдается повышенная сонливость и снижение работоспособности по сравнению с деятельностью в дневное время. Это явление известно как инерция сна. В этот период происходит снижение связи между сетями мозга на протяжении 5 мин после пробуждения. Установлена корреляция между мощностью дельта-ритма и функциональной связью сетей мозга [29]. Пробуждение из второй стадии сна по данным регистрации РЕТ показало, что быстрее всего восстанавливается кровоток в стволе мозга и таламусе по сравнению с другими областями мозга. В последующие 15 мин увеличение показателей мозгового кровотока было отмечено во фронтальных отделах коры. Авторы предполагают, что таким образом происходит реактивация областей, которая лежит в основе восстановления сознания [6]. Исследование межполушарной асимметрии при пробуждении из разных фаз сна показало преобладание левого полушария после пробуждения из NREM-сна и правого — после REM-сна по качеству выполнения задания правой или левой рукой [7].

Для исследования функциональной асимметрии используют разные методы. В настоящее время наблюдается все больше попыток оценить не единичные параметры, а более сложные, оценивающие функциональные связи структур или систем мозга. В частности, в работе В. Wang с соавторами [27] говорится о том, что структурная и функциональная взаимосвязь внутри каждого полушария определяет межполушарную сеть или коннектом. Одним из методов, позволяющих оценить взаимодействие мозговых структур, являются кроссчастотные связи ритмов ЭЭГ. Авторы [17] считают, что “связь ритмов ЭЭГ функционально важна для обработки информации в коре головного мозга, потенциально служа механизмом интеграции функционально значимых областей мозга”. Связи ритмов ЭЭГ могут характеризовать различные когнитивные процессы, такие как внимание [19], восприятие музыки, понимание речи [23], сенсомоторная интеграция, контроль внимания [16] и т.д. В работе [21] говорится о том, что сочетание медленных и быстрых волн свидетельствует об интеграции

мотивационных и когнитивных процессов. При изучении развития нервной системы [22] также использован метод кроссчастотного взаимодействия.

Как мы уже писали, наш интерес был сфокусирован в основном на 1 блоке. Этот блок включает в себя большое число структур, таких как таламус, гиппокамп, медиобазальная кора лобных и височных долей и многие другие. Динамичную работу этих структур косвенно можно видеть, используя метод регистрации ЭЭГ. Описана привязка ритмов ЭЭГ к функционированию корково-подкорковых образований мозга [4; 13; 25]. Используемый нами метод cross-frequency coupling позволяет рассматривать не просто одновременное функционирование каких-либо структур мозга, а их совместную работу. Именно связи образований внутри блока в полушариях могут несколько дополнить существующее описание 1 блока по А.Р. Лурия.

Целью нашей работы являлось выявление различий в работе полушарий мозга (в рамках теории А.Р. Лурия) при пробуждении с разной эффективностью восстановления психомоторной деятельности.

Задача исследования — оценить амплитудно-амплитудное взаимодействие ритмов ЭЭГ в левом и правом полушариях мозга при частичном и полном пробуждении.

МЕТОДИКА

Проведенная работа соответствовала этическим нормам Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации “Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека” с поправками 2000 г. Исследование одобрено этической комиссией ИВНД и НФ РАН (протокол № 2 от 3 июня 2019 г.). В эксперименте приняли участие 83 добровольца. В обработку пошли данные 15 практически здоровых испытуемых, правшей, студентов, 14 женщин и 1 мужчина в возрасте от 18 до 22 лет ввиду определенных следующих критериев отбора материала: наличие второй стадии дневного сна, начало нажатия правой рукой, наличие у одного и того же испытуемого ситуации полного и неполного восстановления выполнения психомоторной деятельности.

У испытуемых в анамнезе отсутствовали неврологические, психические заболевания и расстройства сна. Они не должны были пить алкоголь в течение дня, накануне исследования. В день эксперимента им было рекомендовано воздержаться от употребления кофе, крепкого чая, шоколада

и энергетических напитков. Все участники исследования не получали денежного вознаграждения.

Участники заполнили анкеты “Дневник сна” [20], Каролинскую шкалу сонливости (KSS) [18] и общего состояния (САН) [2] перед началом эксперимента. Опыт начинался в интервале с 13.00 до 14.00 и длился около 1.5 ч. Во время записи испытуемый лежал на кушетке с закрытыми глазами в затемненном, звукоизолированном и вентилируемом помещении. Экспериментальной моделью служил бимануальный психомоторный тест [12]. Испытуемый должен был нажимать на кнопки большими пальцами правой и левой руки по 10 раз, чередуя серии нажатий. Нажатия на кнопки продолжались до засыпания. При самопроизвольном пробуждении он возобновлял выполнение теста.

Параллельно с проведением теста регистрировали ЭЭГ хлорсеребряными электродами (18 отведений в соответствии со схемой 10–20%, референтные электроды располагались на мастоидах, сопротивление — до 5 КОм, частота дискретизации 500 Гц, полоса пропускания усилителя — 0.5–40 Гц), а также электроокулограммы и механограммы нажатий на кнопки. Анализ ЭЭГ проводился для двух ситуаций — частичного (неполного) и полного выполнения заданий теста. Частичным считалось выполнение, при котором испытуемый нажимал на кнопку правой, а затем левой рукой от 7 до 9 раз; полным — 10 раз. Анализировались отрезки записи после эпизода второй стадии сна не менее 30 с при самопроизвольном пробуждении. Оценка принадлежности ЭЭГ к данной стадии проводилась экспертами по критериям AASM. Длина эпизодов — 40 с (по 20 с до и после начала нажатий). В текущий анализ брали отрезки по 20 с с момента нажатия на кнопку правой рукой. При анализе ЭЭГ разбивали исследуемую эпоху на 2-секундные отрезки. Число пробуждений у обследованных 15 испытуемых варьировалось от 2 до 8.

Оценку амплитудных характеристик биоэлектрической активности коры проводили с помощью непрерывного вейвлет-преобразования на основе “материнского” комплексного Morlet-вейвлета (Matlab 78.01). От полученных комплексных коэффициентов вейвлет-преобразования (КВП) переходили к их модулю (амплитуде) (мКВП). Карты распределения значений модуля коэффициента вейвлет-преобразования строили в полосе 0.5–40 Гц с шагом 0.5 Гц и разрешением по времени 0.01 с. Исследовали дельта (1–3 Гц), тета (4–7), альфа-1 (8–10), альфа-2 (11–13), бета (14–20) и гамма (21–40) спектральные диапазоны. Для анализа восстановления деятельности в обеих ситуациях использовались усредненные значения мКВП

первых 6 с начала деятельности (т.е. первых 3–2-секундных интервалов) как для отдельных симметричных отведений ЭЭГ левого и правого полушария, так и суммарно для отведений левого и правого полушарий. Мерой взаимодействия ритмов ЭЭГ выбирали коэффициент парной корреляции Кендалла (КК). Например, для определения меры взаимодействия дельта- и альфа-1-ритмов брали вычисленные МКВП дельта- и альфа-1-спектральных диапазонов ЭЭГ для каждого испытуемого ($n = 15$), и далее между ними вычисляли КК. Эту операцию проводили для всех пар ритмов. При оценке связей ритмов по полушариям в целом симметричными считались связи (т.е. значимые ($p < 0,05$) КК между ритмами), присутствующие в обоих полушариях, а асимметричными — только в одном. Например, если связь дельта—альфа-1 была статистически значимой только в левом полушарии, она считалась асимметричной. При оценке по областям симметрично расположенных отведений ЭЭГ симметричными с точки зрения связей ритмов считались такие пары областей, в которых набор статистически значимых ($p < 0,05$) пар связей ритмов был одинаковым. Если то или иное число значимых связей наблюдалось только в одной области отведения из пары симметричных по расположению (например, в F7 — “дельта—тета” была, а в F8 — нет; или, с другой стороны, в F8 — “альфа-1—бета” была значимой, а в F7 — нет), то она считалась асимметричной. Асимметричные и симметричные отношения между ритмами (по существу, те или иные различия или полное сходство в наборах статистически значимых

связей (корреляций) между ритмами, симметрично расположенных в левом и правом полушариях пар отведений ЭЭГ) отображались на картах-схемах.

Статистическая обработка осуществлялась с помощью пакета программ SPSS, v. 12.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полное и неполное пробуждение по исследуемым параметрам в полушариях существенно различается. Полное пробуждение характеризуется наличием достоверных асимметричных связей ритмов ЭЭГ в обоих полушариях. В левом полушарии мы отмечаем 10 таких связей, а в правом — 4 (табл. 1). При этом неполное пробуждение сопровождается связями ритмов только в левом полушарии (число связей — 15) (табл. 2). Уточним, что под связями далее понимаются асимметричные (наблюдаемые в одном полушарии) связи между полушариями, а число асимметричных связей — сумма всех асимметричных связей по всем диапазонам.

Получен интересный факт о связях дельта-ритма: при обоих видах пробуждения у него обширные связи, но только в левом полушарии. Полное пробуждение характеризуется несколько меньшим количеством асимметричных связей дельта-ритма в отличие от неполного.

Более разнообразные межполушарные различия касаются связей тета- и альфа-ритмов. В левом полушарии тета-ритм связан с дельта- и альфа-ритмами, а в правом — с альфа-1 при полном

Табл. 1. Связи ритмов ЭЭГ при полном пробуждении суммарно по отведениям левого и правого полушарий

	Дельта	Тета	Альфа-1	Альфа-2	Бета	Гамма	Суммарно
Дельта							
Лп		+	+	+	+	+	5
Пп							
Тета							
Лп			+	+			2
Пп			+				1
Альфа-1							
Лп						++	2
Пп					++		2
Альфа-2							
Лп						+	1
Пп						+	
Бета							
Лп							
Пп							
Гамма							
Суммарно		1 лп	2 лп + 1 пп	2 лп	1 лп + 2 пп	4 лп + 1 пп	

Примечание. лп — левое полушарие (светло-серые ячейки); пп — правое полушарие (темно-серые ячейки). Значки “+” — значимые связи ритмов ЭЭГ.

Табл. 2. Связи ритмов ЭЭГ при неполном пробуждении суммарно по отведениям левого и правого полушарий.

	Дельта	Тета	Альфа-1	Альфа-2	Бета	Гамма	Суммарно
Дельта							
Лп			+	+	+++	++	7
Пп							
Тета							
Лп			+		+	++	4
Пп							
Альфа-1							
Лп					+	++	3
Пп							
Альфа-2							
Лп						+	1
Пп							
Бета							
Лп							
Пп							
Гамма							
Суммарно			2	1	4	7	

Примечание. Обозначения, как на табл. 1.

пробуждении. При неполном — к связи тета-ритма с альфа-1 добавляются его связи с бета- и гамма-ритмами также в левом полушарии.

Полное пробуждение характеризуется наличием корреляционных связей альфа-1-ритма с дельта-, тета- и гамма-ритмами в левом полушарии, а в правом — с тета- и бета-ритмами. Альфа-2 связан с дельта-, тета- и гамма-ритмами в левом полушарии, а в правом — только с гамма-ритмом. Неполное пробуждение демонстрирует связи обоих поддиапазонов альфа-ритма с бета- и гамма-ритмами в левом полушарии.

Виды пробуждения различаются также и числом связей гамма-ритма с более быстрыми ритмами. При неполном пробуждении в левом полушарии отмечается больше корреляционных связей, чем при полном (отсутствуют его связи с тета-ритмом).

Таким образом, полное и неполное пробуждение отличается структурой асимметричных связей ритмов ЭЭГ. Полное пробуждение сопровождается наличием асимметричных связей в обоих полушариях, а неполное — только левого полушария.

Рассмотрим местоположение отмеченных случаев как асимметрии, так и полной симметрии связей ритмов ЭЭГ по областям коры больших полушарий. При полном пробуждении асимметрия связей ритмов ЭЭГ наблюдается в лобных и височных областях левого полушария (отведения F7, T3, T5) и только в лобных (F4, F8) — правого (рис. 1). При неполном пробуждении она наблюдается только в левом полушарии (отведения F7, C3, T3, T5, O1)

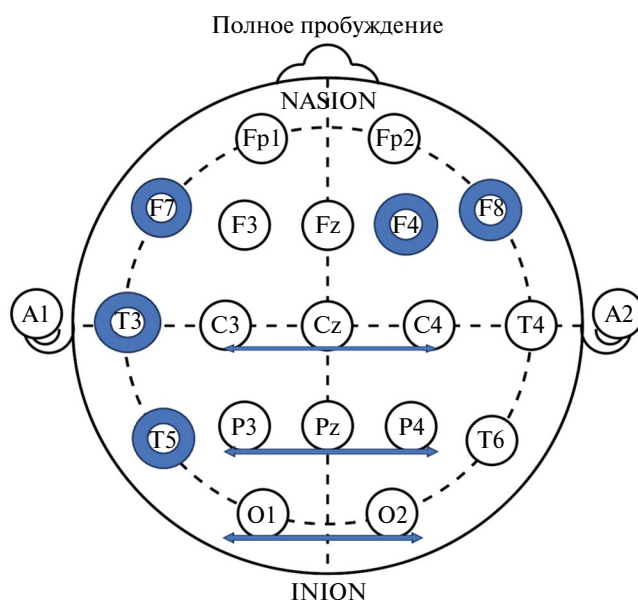

Рис. 1. Карта-схема распределения случаев асимметрии и симметрии связей ритмов ЭЭГ при полном пробуждении
Примечание. Обведенные кружки — области отведения ЭЭГ с различающимся набором связей ритмов по отношению к симметричным им областям (асимметрия связей); линии со стрелками указывают на пары симметричных областей с совпадением набора связей между ритмами (симметрия связей). Обозначены названия отведений ЭЭГ.

(рис. 2). При полном пробуждении одинаковый набор связей ритмов отмечен в центральных, теменных и затылочных областях (C3—C4, P3—P4 и O1—O2) (см. рис. 1), а при неполном — в лобных и теменных (F3—F4 и P3—P4) (см. рис. 2).

Рассмотрим, какие связи ритмов ЭЭГ характеризуют асимметрию и симметрию при полном

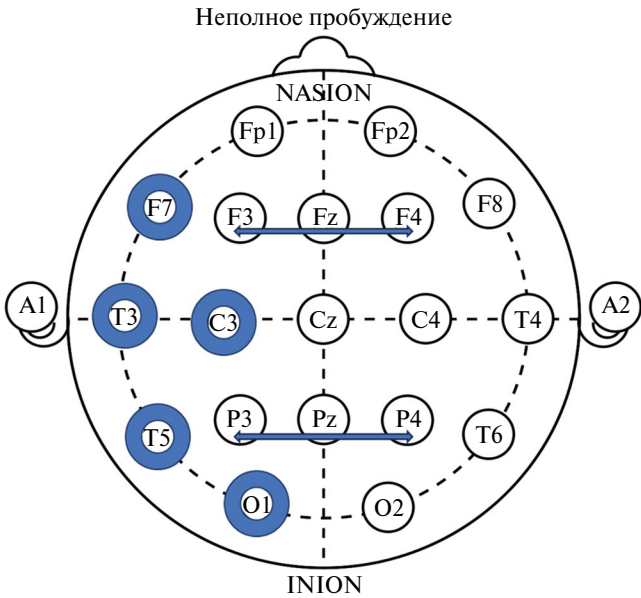

Рис. 2. Карта-схема распределения случаев асимметрии и симметрии связей ритмов ЭЭГ при неполном пробуждении
* Обозначения, как на рис. 1.

(табл. 3) и неполном пробуждении (табл. 4) в отдельных отведениях ЭЭГ.

При неполном пробуждении в отличие от полного при анализе отдельных отведений, так же, как и для показателей связей ритмов ЭЭГ по полушариям в целом, асимметричные связи выявлены только в левом полушарии. Отметим высокую представленность корреляционных связей дельта-ритма среди выявленных значимых корреляций между ритмами при анализе по областям отведения.

Табл. 3. Асимметричные и симметричные связи ритмов ЭЭГ при полном пробуждении по областям коры больших полушарий

Отведения	Асимметрия	Отведения	Симметрия
	Связи ритмов ЭЭГ		Связи ритмов ЭЭГ
F4	Тета—альфа-1, альфа-1—бета, альфа-2—гамма	C3 = C4	Дельта—тета, дельта—бета, дельта—гамма, тета—альфа-1, тета—альфа-2, тета—бета, тета—гамма, альфа-1—альфа-2, альфа-1—бета, альфа-1—гамма, альфа-2—бета, альфа-2—гамма, бета—гамма
F7	Дельта—тета, дельта—бета, дельта—гамма	P3 = P4	Дельта—тета, дельта—бета, дельта—гамма, тета—альфа-1, тета—альфа-2, тета—бета, тета—гамма, альфа-1—альфа-2, альфа-1—бета, альфа-1—гамма, альфа-2—бета, альфа-2—гамма, бета—гамма
F8	Альфа-1—бета	O1 = O2	Дельта—тета, дельта—бета, дельта—гамма, тета—тета, тета—гамма, альфа-1—альфа-2, альфа-1—бета, альфа-2—бета, бета—гамма
T3	Альфа-1—гамма, альфа-2—гамма		
T5	Дельта—альфа-1, дельта—альфа-2, тета—альфа-1, тета—альфа-2, альфа-1—гамма		

Примечание. Можно заметить, что при полном пробуждении в левом полушарии наблюдаются связи дельта-ритма, чего нет в правом полушарии.

Если посмотреть, в каких симметричных областях отведения ЭЭГ наблюдается практически одинаковый набор связей между ритмами, то можно заметить, что при полном пробуждении эти области располагаются в направлении от центра к затылку, тогда как при неполном — это лобные и теменные отведения.

Таким образом, полное и неполное пробуждение различается как наборами корреляционных связей в отведениях ЭЭГ, так и их локализацией.

ОБСУЖДЕНИЕ

Использование показателя амплитудно-амплитудного взаимодействия ритмов ЭЭГ оказалось информативным для определения наличного функционального состояния испытуемых, сопровождающегося различной эффективностью выполнения задания.

Полное пробуждение сопровождается большим числом асимметричных связей в левом полушарии, что хорошо объясняется началом работы правой рукой. Но и правое полушарие также имеет определенное количество асимметричных связей. Можно предположить, что в правом полушарии в это время происходит подготовка (планирование) к нажатию левой рукой. При неполном пробуждении асимметричные связи ритмов в правом полушарии отсутствуют, т.е. нет связей ритмов, отличающихся от таковых в правом полушарии. Это может свидетельствовать об отсутствии намерения продолжать деятельность.

Таблица 4. Асимметричные и симметричные связи ритмов ЭЭГ при неполном пробуждении

Отведения	Асимметрия	Отведения	Симметрия
	Связи ритмов ЭЭГ		Связи ритмов ЭЭГ
C3	Тета—гамма	F3 = F4	Дельта—тета, дельта—бета, тета—альфа-1, тета—альфа-2, альфа-1—альфа-2, альфа-1—бета, альфа-2—бета, бета—гамма
F7	Дельта—бета, тета—альфа-1, тета—альфа-2, альфа—бета	P3 = P4	Дельта—тета, тета—альфа-1, тета—альфа-2, тета—бета, альфа-1—альфа-2, альфа-1—бета, альфа-2—бета, альфа-2—гамма, бета—гамма
T3	Дельта—альфа-1, альфа-1—гамма, альфа-2—гамма		
T5	Дельта—альфа-2, дельта—бета, дельта—гамма, тета—гамма, альфа-1—гамма		
O1	Дельта—бета, дельта—гамма		

Рассмотрим, какие различия по связям ритмов ЭЭГ наблюдались при разных видах пробуждения.

Связи дельта-ритма. Получен интересный факт: дельта-ритм имеет большое число связей только в левом полушарии при обоих видах пробуждения. Здесь, по-видимому, преобладали процессы, связанные с увеличением влияний ретикулярной формации среднего мозга и таламуса. Но при этом наблюдаются некоторые различия между видами пробуждения. При полном пробуждении отмечены связи дельта-ритма с остальными изучаемыми ритмами, и их несколько меньше (5 связей), чем при неполном пробуждении (7 связей). Традиционно дельта-ритм связывают с работой таламо-кортикальной системы [13]. Посмотрим, как эта корково-подкорковая система функционирует при разных видах пробуждения. По сравнению с полным пробуждением при неполном отсутствует связь с тета-ритмом и увеличивается количество связей, в которые вовлечены бета- и гамма-ритмы. Можно сделать некоторые предположения о природе дельта-ритма при разных видах пробуждения. По-видимому, функциональные состояния испытуемых при разных видах пробуждения различаются. Если мы наблюдаем полное пробуждение, то оно по своим нейрофизиологическим основам должно приближаться к полноценной деятельности при бодрствовании. Тогда как неполное пробуждение характеризуется несколько сниженным уровнем сознания, поскольку человек после такого пробуждения снова засыпает. Вероятно, при неполном пробуждении в функционировании мозга могут наблюдаться элементы как бодрствования, так и сна. В частности, это может быть связано с инерцией сна [26]. В пользу этого свидетельствуют и связи дельта-ритма. Дельта-ритм характерен для состояния как сна [24], так и для бодрствования [14]. Вероятно, дельта-ритм при разных видах пробуждения имеет разную природу. При полном пробуждении

дельта-ритм может отражать интеллектуальную нагрузку, при неполном скорее связан с последующим засыпанием. Отсутствие его связи с тета-ритмом, а соответственно с кортико-гиппокампальной системой и, следовательно, памятью [28] и наличие связи с бета- и гамма-ритмами, что, вероятно, может свидетельствовать о кратковременной активации таламо-кортикальной системы, не способной длительно “удерживать” мозг в бодрствующем состоянии при неполном пробуждении.

Связи тета-ритма. Тета-ритм связывают с работой кортико-гиппокампальной системы, которая участвует в процессах памяти [28]. Полное пробуждение характеризуется связями тета-ритма с обоими поддиапазонами альфа-ритма в обоих полушариях. Вероятно, в этом случае корково-подкорковая система объединяется с таламо-кортикальной [4]. Связи двух корково-подкорковых систем в полушариях различаются: в левом полушарии они охватывают весь диапазон альфа-ритма, в правом — только с альфа-1. Связи тета-ритма с обоими поддиапазонами альфа-ритма в левом полушарии предположительно можно рассматривать как состояние, максимально приближенное к полноценному бодрствованию и готовности испытуемого к выполнению задания правой рукой. Правое полушарие пока находится в стадии подготовки к выполнению задания. При неполном пробуждении выявлены связи тета-ритма с альфа-1, бета- и гамма-ритмами в левом полушарии. Связи с быстрыми ритмами ЭЭГ в левом полушарии предположительно могут отражать более сильную активацию кортико-гиппокампальной системы, но, вероятно, менее продолжительную, поскольку испытуемые не полностью выполняют задание и засыпают.

Связи ритмов альфа-диапазона. Асимметричные левосторонние связи альфа-ритма при полном и неполном пробуждении довольно сходны. Такое

сходство, вероятно, объясняется тем, что испытуемые, несмотря на степень пробуждения, выполняют задание. Единственное различие — наличие связей альфа-ритма в правом полушарии при полном пробуждении. Выше было высказано предположение о том, что в данном случае мы наблюдаем процесс планирования нажатия правой рукой. Это в определенной мере согласуется с данными [30] о наличии ритмов альфа-диапазона в затылочной и теменно-затылочной областях коры головного мозга как на этапе планирования движения, так и на этапе его выполнения.

Связи бета-ритма. При полном пробуждении отмечены связи бета-ритма с дельта в левом полушарии и альфа-1 в правом полушарии. Можно предположить активацию таламо-кортикальной системы в обоих полушариях. При неполном пробуждении бета-ритм связан с дельта- и тета-ритмами только в левом полушарии. Возможно, здесь активированы как таламо-кортикальная, так и кортико-гиппокампальная системы. Бета-колебания часто рассматриваются как сенсомоторный ритм, но при этом их связи существенно различаются в зависимости от вида пробуждения. В работе [31] отмечено увеличение бета-мощности в сенсомоторной области в момент подачи сигнала, за которым последовало снижение во время подготовки и выполнения движения.

Представляют интерес **связи гамма-ритма.** Их существенно больше в левом полушарии при неполном пробуждении по сравнению с полным. В работе [1] говорится о том, что гамма-ритм наблюдается в различных структурах мозга. Авторы относят его к функциональным строительным блокам, которые могут принимать участие во многих когнитивных и сенсорных процессах, а также он может быть связан с процессами сознания. S.M. Doesburg с соавторами [10] предполагают, что появление новых осознанных восприятий совпадает с появлением всплесков активации гамма-диапазона, которые повторяются с тета-частотой. Вероятно, связи гамма-ритма с другими, более медленными ритмами свидетельствуют о том, что: а) испытуемые проснулись и в состоянии выполнять поставленную перед ними задачу; б) активирована таламо-кортикальная система (о чем свидетельствуют связи дельта- и альфа-ритмов с гамма) при полном пробуждении, а при неполном пробуждении активирована не только таламо-кортикальная система, но и кортико-гиппокампальная.

Локализация связей ритмов ЭЭГ. Полное пробуждение характеризуется наличием асимметричных связей в обоих полушариях: в левом полушарии они затрагивают лобно-височные отделы коры

больших полушарий, в правом — только лобные. Неполное пробуждение характеризуется наличием асимметричных связей только в левом полушарии. При этом к вышеперечисленным областям добавляются центральные и затылочные отделы.

В работе [5] на модели унимануального психомоторного теста была показана активация альфа-ритма в передневисочной и вентролатеральной префронтальной коре при когнитивном пробуждении. Авторами была выявлена большая мощность альфа-ритма при последующем полноценном выполнении деятельности по сравнению с частичным восстановлением.

Практически сходный набор связей ритмов ЭЭГ при полном пробуждении наблюдался в настоящем исследовании в центральных, теменных и затылочных областях полушарий. При неполном пробуждении — в лобных и теменных. Вероятно, при неполном пробуждении у испытуемых более выражен когнитивный контроль, который необходим для реализации данной деятельности, происходящей на фоне сниженного уровня сознания по сравнению с полным пробуждением.

Ограничения. Ограничением является небольшое количество участников исследования. Также в силу небольшого числа пробуждений из второй стадии дневного сна в используемом нами дизайне обработки мы не проводили внутрисубъектные сравнения анализируемых показателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как отмечалось выше, 1 блок по А.Р. Лурия включает в себя, в частности, таламус, гиппокамп, медиобазальную кору лобных и височных долей, а также еще ряд структур. Полученные данные подтвердили участие таламуса и гиппокампа по данным ЭЭГ в процессе пробуждения. Были показаны связи ритмов ЭЭГ, на основе которых высказано предположение о сопряженной работе таламо-кортикальной и кортико-гиппокампальной систем, включающих вышеописанные отделы мозга. При этом полное и неполное пробуждение характеризовалось различиями в связях ритмов ЭЭГ этого блока в полушариях мозга.

Учитывая расположение асимметричных связей ЭЭГ в полушариях, можно предположить участие не только 1, но и 2 и 3 блоков по А.Р. Лурия при обоих видах пробуждения. При полном пробуждении в левом полушарии можно предполагать участие всех трех блоков, а в правом — только третьего. При неполном пробуждении участвуют все три блока, но только в левом полушарии.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова Н.Н., Быкова Н.Б., Анисимов Н.В., Пирогов Ю.А., Соколов Е.Н. Гамма-ритм электрической активности мозга человека в сенсорном кодировании // Биомедицинские технологии и радиоэлектроника. 2002. № 3. С. 34–41.
2. Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. 1973. Т. 19. № 6. С. 141–145.
3. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 374 с.
4. Манюхина В.О., Томышев А.С., Каледа В.Г., Лебедева И.С. Структурные особенности таламо-кортикальной системы и спектральные характеристики альфа-ритма у психически здоровых людей и больных шизофренией // Физиология человека. 2020. Т. 46. № 6. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0131164620050082>
5. Черемушкин Е.А., Петренко Н.Е., Дорохов В.Б. Сон и нейрофизиологические корреляты активации сознания при пробуждении // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121. № 4 (2). С. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202112104214>
6. Balkin T.J., Braun A.R., Wesensten N.J., Jeffries K., Varga M., Baldwin P., Belenky G., Herscovitch P. The process of awakening: a PET study of regional brain activity patterns mediating the re-establishment of alertness and consciousness // Brain. 2002. V. 125. № 10. P. 2308–2319. DOI: <https://doi.org/10.1093/brain/awf228>
7. Bertini M., Violani C., Zoccolotti P., Antonelli A., Di Stefano L. Right cerebral activation in REM sleep: evidence from a unilateral tactile recognition test // Psychophysiology. 1984. V. 21. № 4. P. 418–423. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1984.tb00219.x>
8. Bódizs R., Gombos F., Ujma P.P., Szakadat S. The hemispheric lateralization of sleep spindles in humans // Sleep Spindles & Cortical Up States. 2017. V. 1. № 1. P. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.1556/2059.01.2017.002>
9. Casagrande M., Bertini M. Laterality of sleep onset process: which hemisphere goes to sleep first? // Biol. Psychol. 2008. № 77. P. 76–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2007.09.007>
10. Doesburg S.M., Green J.J., McDonald J.J., Ward L.M. Rhythms of consciousness: binocular rivalry reveals large-scale oscillatory network dynamics mediating visual perception // PLoS One. 2009. V. 4. № 7. e6142. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0006142>
11. Doo-Heum P., Chul-Jin S. Asymmetrical electroencephalographic change of human brain during sleep onset period // Psychiatry Investigation. 2017. V. 14. № 6. P. 839–843. DOI: <https://doi.org/10.4306/pi.2017.14.6.839>
12. Dorokhov V.B. Alpha bursts and K-complex: phasic activation pattern during spontaneous recovery of correct psychomotor performance at different stages of drowsiness // Zhurn. Vyssh. Nerv. Deiat. Im. I.P. Pavlova. 2003. V. 53. № 4. P. 503–512.
13. Faber J., Novak M. Thalamo-cortical reverberation in the brain produces alpha and delta rhythms as iterative convergence of fuzzy cognition in an uncertain environment // Neural Network World. 2011. V. 21. № 2. P. 169–192. DOI: <https://doi.org/10.14311/NNW.2011.21.011>
14. Harmony T. The functional significance of delta oscillations in cognitive processing // Front Integr Neurosci. 2013. V. 7. Art. 83. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnint.2013.00083>
15. Horton C.L. Consciousness across sleep and wake: discontinuity and continuity of memory experiences as a reflection of consolidation processes // Front Psychiatry. 2017. V. 8. Art. 159. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2017.00159>
16. Knyazev G.G., Savostyanov A.N., Bocharov A.V., Tamozhnikov S.S., Kozlova E.A., Leto I.V., Slobodskaya H.R. Cross-Frequency Coupling in Developmental Perspective // Front Hum Neurosci. 2019. V. 13. Art. 158. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00158>
17. Liu C.C., Chien J.H., Kim J.H., Chuang Y.F., Cheng D.T., Anderson W.S., Lenz F.A. Cross-frequency coupling in deep brain structures upon processing the painful sensory inputs // Neuroscience. 2015. V. 10. № 303. P. 412–421. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2015.07.010>
18. Miley A.Å., Kecklund G., Åkerstedt T. Comparing two versions of the Karolinska Sleepiness Scale (KSS) // Sleep and Biological Rhythms. 2016. V. 14. № 3. P. 257–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41105-016-0048-8>
19. Morillas-Romero A., Tortella-Feliu M., Bornas X., Putman P. Spontaneous EEG theta/beta ratio and delta–beta coupling in relation to attentional network functioning and self-reported attentional control // Cognitive Affective & Behavioral Neuroscience. 2015. V. 15. № 3. P. 598–606. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13415-015-0351-x>
20. Morin C.M. Insomnia, psychological assessment and management. N.Y.: Guilford Press, 1993. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1192/s0007125000075401>
21. Rutherford H.J.V., Guo X.M., Wu J., Graber K.M., Hayes N.J., Pelphrey K.A., Mayes L. Intranasal oxytocin decreases cross-frequency coupling of neural oscillations at rest // Int. Journ. Psychophysiol. 2018. V. 123. P. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2017.09.017>

22. Saadatmehr B., Edalati M., Routier L., Mahmoudzadeh M., Safaie J., Kongolo G., Ghostine G., Wallois F., Moghimi S. Evolution of cross-frequency coupling between endogenous oscillations over the temporal cortex in very premature neonates // *Cereb. Cortex*. 2022. V. 33. № 2. P. 278–289. DOI: <https://doi.org/10.1093/cercor/bhac067>
23. Samiee S., Vuvan D., Florin E., Albouy P., Peretz I., Baillet S. Cross-frequency brain network dynamics support pitch change detection affiliations expand // *The Journal of Neuroscience*. 2022. V. 42. № 18. P. 3823–3835. DOI: <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0630-21.2022>
24. Steriade M. Grouping of brain rhythms in cortico-thalamic systems // *Neuroscience*. 2006. V. 137. № 4. P. 1087–1106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2005.10.029>
25. Tamaki M., Bang J.W., Watanabe T., Sasaki Y. Night watch in one brain hemisphere during sleep associated with the first-night effect in humans // *Curr. Biol*. 2016. V. 26. № 9. P. 1190–1194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2016.02.063>
26. Trotti L.M. Waking up is the hardest thing I do all day: Sleep inertia and sleep drunkenness // *Sleep Med. Rev*. 2017. V. 35. P. 76–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.smrv.2016.08.005>
27. Wang B., Yang L., Yan W., An W., Xiang J., Li D. Brain asymmetry: a novel perspective on hemispheric network // *Brain Science Advances*. 2023. V. 9. № 2. P. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.26599/BSA.2023.9050014>
28. Windt J.M. Consciousness in sleep: How findings from sleep and dream research challenge our understanding of sleep, waking, and consciousness // *Philosophy Compass*. 2020. e12661. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12661>
29. Vallat R., Meunier D., Nicolas A., Ruby P. Hard to wake up? The cerebral correlates of sleep inertia assessed using combined behavioral, EEG and fMRI measures // *Neuroimage*. 2019. V. 184. P. 266–278. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2018.09.033>
30. Yang L., Leung H., Plank M., Snider J., Poizner H. EEG activity during movement planning encodes upcoming peak speed and acceleration and improves the accuracy in predicting hand kinematics // *IEEE J Biomed Health Inform*. 2015. V. 19. № 1. P. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.1109/JBHI.2014.2327635>
31. Zaepffel M., Trachel R., Kilavik B.E., Brochier T. Modulations of EEG Beta Power during Planning and Execution of Grasping Movements // *PLoS One*. 2013. V. 8. № 3. e60060. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0060060>

HEMISPHERIC DIFFERENCES IN THE CONNECTIONS BETWEEN EEG RHYTHMS DURING FULL AND INCOMPLETE AWAKENING

I. A. Yakovenko^{*}, N. E. Petrenko^{}, E. A. Cheremushkin^{***},
E. O. Gandina^{****}, V. B. Dorokhov^{*****}**

*Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of RAS;
117485, Moscow, Butlerova str., 5A, Russia.*

^{}Senior Researcher, Candidate of Biological Sciences.*

E-mail: irinayakovenko@mail.ru

^{**}Researcher, Candidate of Biological Sciences.

E-mail: ivnd@mail.ru

^{***}Senior Researcher, Candidate of Biological Sciences.

E-mail: ivnd@mail.ru

^{****}Junior Research Assistant.

E-mail: gandina.e@ihna.ru

^{*****}Chief Researcher, Head of the Laboratory.

E-mail: vbdorokhov@mail.ru

Received 18.08.2024

Abstract. A.R. Luria's theory describes a structural and functional block that regulates the sleep–wake cycle and is involved in the awakening process. However, the features of interhemispheric asymmetry during awakening from different sleep phases remain insufficiently studied. There are practically no works on the EEG rhythms coupling during the restoration of activity immediately after awakening. Identification of differences in the functioning of the cerebral hemispheres (within the framework of A.R. Luria's theory) upon awakening with varying efficiency of restoration of psychomotor activity. Identification of the connectivity of

simultaneously functioning brain structures in 1 block according to A.R. Luria. Data from 15 of 83 participants who completed the entire study procedure were used for the analysis. Multichannel EEG was recorded in parallel with the bimanual psychomotor test. The power characteristics of the EEG were assessed based on the “mother” complex Morlet wavelet. The Kendall correlation coefficient served as a measure of the amplitude-amplitude interaction of EEG rhythms. Complete awakening is characterized by the presence of asymmetrical connections of EEG rhythms in both hemispheres. Incomplete awakening is accompanied by rhythmic connections in the left hemisphere only. The asymmetry of EEG rhythm coupling is observed in the frontal and temporal regions of the left hemisphere and in the frontal regions of the right hemisphere only during complete awakening. With incomplete awakening — in almost all areas of the left hemisphere. The performance of the psychomotor test is characterized by different efficiency of activity recovery after sleep, and different levels of efficiency are characterized by differences in the functioning of the hemispheres according to the EEG rhythm coupling. Connections between EEG rhythms were identified, on the basis of which an assumption was made about the coupled work of the thalamocortical and cortico-hippocampal systems within the 1 block according to A.R. Luria. Both types of awakening were characterized by the participation of all structural and functional blocks according to A.R. Luria, differing in the hemispheres depending on the type of awakening. Complete and incomplete awakenings are characterized not only by a different set of asymmetrical EEG rhythm connections in the hemispheres, but also by their localization.

Keywords: interhemispheric asymmetry, awakening, EEG rhythms coupling, psychomotor test.

REFERENS

1. Danilova N.N., Bykova N.B., Anisimov N.V., Pirogov Ju.A., Sokolov E.N. Gamma-ritm jelektricheskoy aktivnosti mozga cheloveka v sensornom kodirovanii. Biomedicinskie tehnologii i radioelektronika. 2002. № 3. P. 34–41. (In Russian)
2. Doskin V.A., Lavrent'eva N.A., Miroshnikov M.P., Sharaj V.B. Test differencirovannoj samoocenki funkcional'nogo sostojaniya. Voprosy psichologii. 1973. V. 19. № 6. P. 141–145. (In Russian)
3. Lurija A.R. Osnovy nejropsichologii. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1973. 374 p. (In Russian)
4. Manjuhina V.O., Tomyshev A.S., Kaleda V.G., Lebedeva I.S. Strukturnye osobennosti talamo-kortikal'noj sistemy i spektral'nye harakteristiki al'fa-ritma u psichicheski zdorovyh ljudej i bol'nyh shizofreniej. Fiziologija cheloveka. 2020. V. 46. № 6. P. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0131164620050082> (In Russian)
5. Cheremushkin E.A., Petrenko N.E., Dorohov V.B. Son i nejrofiziologicheskie korrelyaty aktivacii soznaniya pri probuzhdenii. Zhurnal nevrologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova. 2021. V. 121. № 4 (2). P. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202112104214> (In Russian)
6. Balkin T.J., Braun A.R., Wesensten N.J., Jeffries K., Varga M., Baldwin P., Belenky G., Herscovitch P. The process of awakening: a PET study of regional brain activity patterns mediating the re-establishment of alertness and consciousness. Brain. 2002. V. 125. № 10. P. 2308–2319. DOI: <https://doi.org/10.1093/brain/awf228>
7. Bertini M., Violani C., Zoccolotti P., Antonelli A., Di Stefano L. Right cerebral activation in REM sleep: evidence from a unilateral tactile recognition test. Psychophysiology. 1984. V. 21. № 4. P. 418–423. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1984.tb00219.x>
8. Bódizs R., Gombos F., Ujma P.P., Szakadat S. The hemispheric lateralization of sleep spindles in humans. Sleep Spindles & Cortical Up States. 2017. V. 1. № 1. P. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.1556/2059.01.2017.002>
9. Casagrande M., Bertini M. Laterality of sleep onset process: which hemisphere goes to sleep first? Biol. Psychol. 2008. № 77. P. 76–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2007.09.007>
10. Doesburg S.M., Green J.J., McDonald J.J., Ward L.M. Rhythms of consciousness: binocular rivalry reveals large-scale oscillatory network dynamics mediating visual perception. PLoS One. 2009. V. 4. № 7. e6142. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0006142>
11. Doo-Heum P., Chul-Jin S. Asymmetrical electroencephalographic change of human brain during sleep onset period. Psychiatry Investigation. 2017. V. 14. № 6. P. 839–843. DOI: <https://doi.org/10.4306/pi.2017.14.6.839>
12. Dorokhov V.B. Alpha bursts and K-complex: phasic activation pattern during spontaneous recovery of correct psychomotor performance at different stages of drowsiness. Zhurn. Vyssh. Nerv. Deiat. im. I.P. Pavlova. 2003. V. 53. № 4. P. 503–512.
13. Faber J., Novak M. Thalamo-cortical reverberation in the brain produces alpha and delta rhythms as iterative convergence of fuzzy cognition in an uncertain environment. Neural Network World. 2011. V. 21. № 2. P. 169–192. DOI: <https://doi.org/10.14311/NNW.2011.21.011>
14. Harmony T. The functional significance of delta oscillations in cognitive processing. Front Integr Neurosci. 2013. V. 7. Art. 83. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnint.2013.00083>
15. Horton C.L. Consciousness across sleep and wake: discontinuity and continuity of memory experiences as a reflection of consolidation processes. Front Psychiatry. 2017. V. 8. Art. 159. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2017.00159>

16. Knyazev G.G., Savostyanov A.N., Bocharov A.V., Tamozhnikov S.S., Kozlova E.A., Leto I.V., Slobodskaya H.R. Cross-Frequency Coupling in Developmental Perspective. *Front Hum Neurosci.* 2019. V. 13. Art. 158. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00158>
17. Liu C.C., Chien J.H., Kim J.H., Chuang Y.F., Cheng D.T., Anderson W.S., Lenz F.A. Cross-frequency coupling in deep brain structures upon processing the painful sensory inputs. *Neuroscience.* 2015. V. 10. № 303. P. 412–421. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2015.07.010>
18. Miley A.Å., Kecklund G., Åkerstedt T. Comparing two versions of the Karolinska Sleepiness Scale (KSS). *Sleep and Biological Rhythms.* 2016. V. 14. № 3. P. 257–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41105-016-0048-8>
19. Morillas-Romero A., Tortella-Feliu M., Bornas X., Putman P. Spontaneous EEG theta/beta ratio and delta–beta coupling in relation to attentional network functioning and self-reported attentional control. *Cognitive Affective & Behavioral Neuroscience.* 2015. V. 15. № 3. P. 598–606. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13415-015-0351-x>
20. Morin C.M. *Insomnia, psychological assessment and management.* New York: Guilford Press, 1993. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1192/s0007125000075401>
21. Rutherford H.J.V., Guo X.M., Wu J., Graber K.M., Hayes N.J., Pelphrey K.A., Mayes L. Intranasal oxytocin decreases cross-frequency coupling of neural oscillations at rest. *Int. Journ. Psychophysiol.* 2018. V. 123. P. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2017.09.017>
22. Saadatmehr B., Edalati M., Routier L., Mahmoudzadeh M., Safaie J., Kongolo G., Ghostine G., Wallois F., Moghimi S. Evolution of cross-frequency coupling between endogenous oscillations over the temporal cortex in very premature neonates. *Cereb. Cortex.* 2022. V. 33. № 2. P. 278–289. DOI: <https://doi.org/10.1093/cercor/bhac067>
23. Samiee S., Vuvan D., Florin E., Albouy P., Peretz I., Baillet S. Cross-frequency brain network dynamics support pitch change detection affiliations expand. *The Journal of Neuroscience.* 2022. V. 42. № 18. P. 3823–3835. DOI: <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0630-21.2022>
24. Steriade M. Grouping of brain rhythms in cortico thalamic systems. *Neuroscience.* 2006. V. 137. № 4. P. 1087–1106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2005.10.029>
25. Tamaki M., Bang J.W., Watanabe T., Sasaki Y. Night watch in one brain hemisphere during sleep associated with the first-night effect in humans. *Curr. Biol.* 2016. V. 26. № 9. P. 1190–1194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2016.02.063>
26. Trotti L.M. Waking up is the hardest thing I do all day: Sleep inertia and sleep drunkenness. *Sleep Med. Rev.* 2017. V. 35. P. 76–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.smrv.2016.08.005>
27. Wang B., Yang L., Yan W., An W., Xiang J., Li D. Brain asymmetry: a novel perspective on hemispheric network. *Brain Science Advances.* 2023. V. 9. № 2. P. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.26599/BSA.2023.9050014>
28. Windt J.M. Consciousness in sleep: How findings from sleep and dream research challenge our understanding of sleep, waking, and consciousness. *Philosophy Compass.* 2020. e12661. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12661>
29. Vallat R., Meunier D., Nicolas A., Ruby P. Hard to wake up? The cerebral correlates of sleep inertia assessed using combined behavioral, EEG and fMRI measures. *Neuroimage.* 2019. V. 184. P. 266–278. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2018.09.033>
30. Yang L., Leung H., Plank M., Snider J., Poizner H. EEG activity during movement planning encodes upcoming peak speed and acceleration and improves the accuracy in predicting hand kinematics. *IEEE J Biomed Health Inform.* 2015. V. 19. № 1. P. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.1109/JBHI.2014.2327635>
31. Zaepffel M., Trachel R., Kilavik B.E., Brochier T. Modulations of EEG Beta Power during Planning and Execution of Grasping Movements. *PLoS One.* 2013. V. 8. № 3. e60060. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0060060>

УДК: 159.9(091)

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВОЙ ПЕДАГОГИКИ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ (В СВЯЗИ СО 145-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ М. М. РУБИНШТЕЙНА)

© 2024 г. И. Н. Семенов

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, лауреат Премии Президента РФ в области образования.
E-mail: i_samenov@mail.ru

Поступила 28.04.2024

Аннотация. На фоне краткого анализа гуманитарных дискуссий начала XX в. в европейской философии и в человекознании Серебряного века русской культуры по вопросам развития личности в образовании изучено жизнотворчество и дана характеристика идейного наследия выдающегося русского философа, психолога и педагога первой трети XX в. М.М. Рубинштейна. Обобщены социокультурные и историко-научные предпосылки его философского и педагогического творчества. Впервые эксплицирована логика развития его идей и разработки им оригинальной антропо-аксеологической концепции “смысла жизни” как экзистенциально-психологической основы формирования свободной творческой личности в процессах образования и созидания ценностей и продуктов культуры. Показано значение достижений М.М. Рубинштейна для актуального в современном человекознании психолого-педагогического обеспечения развития творческой личности в процессе модернизации образования.

Ключевые слова: личность, развитие, смысл жизни, творчество, рефлексия, сознание, ценности, культура, образование, педагогика, психология, философия.

DOI: 10.31857/S0205959224060089

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА М.М. РУБИНШТЕЙНА

Период Серебряного века [40] русской культуры на рубеже XIX–XX вв. характеризуется расцветом не только искусства и поэзии (М.В. Врубель, К.Н. Рерих, С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин, Л. Андреев, А.П. Чехов, А. Белый, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов), но также философии, психологии и педагогики (В.С. Соловьев, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, В.М. Бехтерев, С.Г. Гессен, В.В. Зеньковский, П.Ф. Каптерев, А.Ф. Лазурский, И.И. Лапшин, П.Ф. Лесгафт, А.П. Нечаев). Среди них выдающийся российский гуманитарий первой трети XX в. Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953), который также принадлежит к плеяде таких крупных ученых в области человекознания, как П.П. Блонский [33], К.Н. Вентцель [44], Л.С. Выготский [33], С.Л. Рубинштейн [41], Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет [36]. Они одновременно внесли

существенный вклад, наряду с психологией, также в философию и педагогику (см.: [37]). Если его старший современник, философ, логик, психолог Г.И. Челпанов [40] известен еще и своей организационной деятельностью по созданию научно-учебного Института экспериментальной психологии (ныне — ПИ РАО) при Московском университете, то философ, психолог, педагог М.М. Рубинштейн [8] был основателем в г. Иркутске двух вузов: Государственного университета и Педагогического института [9]. Как и его младший однофамилец, одесит С.Л. Рубинштейн [41], так и сибиряк М.М. Рубинштейн [4] — оба в самом начале XX в. учились на философских факультетах в передовых германских университетах. Здесь они защитили магистерские диссертации о связи неокантианства с картезианством и неогегельянством, по результатам которых опубликовали свои статьи в профессиональных немецких журналах. Обоих приглашали остаться работать в Германии, но они вернулись на родину, где расцвел их талант психологов,

занимающихся философией в контексте человекознания и педагогики. При этом оба стали крупными организаторами университетской науки и высшего образования: один, С.Л. Рубинштейн — в столичном Ленинграде [41], другой, М.М. Рубинштейн — в провинциальном Иркутске [4; 9].

В период Серебряного века [40] русской культуры первой трети XX в. М.М. Рубинштейн был одним из наиболее известных и эрудированных педагогических психологов и педагогов (наряду с П.П. Блонским [33], К.Н. Вентцелем [44], П.Ф. Каптеревым, П.Ф. Лесгафтом, А.П. Нечаевым, Г.Г. Шпетом [36]), часто выступая в журнале “Вестник воспитания” [26] по актуальным проблемам образования. Он являлся основателем и редактором научно-популярной серии “Великие педагоги” [23], автором множества книг и статей [15; 16; 22; 26; 27; 30] по философии, истории психологии и теории педагогики, по трудовому воспитанию и реформированию образования, а главное — создателем оригинальных концепций [20; 21; 24; 25; 28; 31; 32] по философско-антропологической культурологии смысла жизни, психологии развития и воспитания образованной свободной личности.

Основным творческим вкладом М.М. Рубинштейна в российское человекознание первой трети XX в. стала его философско-психологическая концепция развития смысла жизни человека [20]. В отличие от восходящей к учению В.С. Соловьева о “всеединстве” религиозно-философской традиции [40; 45] богословской трактовки смысла жизни (Е.Н. Трубецкой, А.И. Введенский, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев), ассимилировавший западноевропейский рационализм (Декарт, Кант, Фихте, Гегель, Риккерт) до Первой мировой войны во время учебы в Дрезденском и Фрейбургском университетах М.М. Рубинштейн разрабатывал — уже в советское время середины 1920-х годов — свою оригинальную философско-психологическую педагогику смысла [20] в практическом контексте необходимости реформирования отечественного образования на научной, а не просто на идеологической основе исторического материализма.

Однако изданный в СССР в 1927 г. М.М. Рубинштейном на личные средства фундаментальный двухтомник [20] (дважды переиздано [17]) по человекознанию смысла жизни был раскритикован в советской печати, в том числе профессором ЦНИИ начальной школы С.А. Каменевым [6] и обвинен им в идеализме и антисоветчине. После этого навета М.М. Рубинштейн был подвергнут идеологическому ostracismu и не смог больше издавать свои теоретические труды. Далее он все же сумел

перестроиться на прагматику прикладного изучения психологии труда [18; 19] и даже продолжить преподавание в московских вузах вплоть до начала 1950-х годов, а также изучать психолого-педагогические проблемы воспитания личности, в том числе анализировать читательские интересы школьников [14].

С конца периода идеологической “оттепели” 1960-х годов постепенно нарастает интерес психологов, философов, педагогов к разнообразным трудам М.М. Рубинштейна по научному обеспечению развития и воспитания личности в социокультурных условиях образования, что отразилось в кратких упоминаниях о нем в энциклопедиях. Приходится констатировать полувекую явную недооценку выдающейся роли М.М. Рубинштейна историками науки (из-за его опалы) как выпавшим из эволюции отечественного человекознания на целых полвека — вплоть до отважной, но первой краткой характеристики его жизнедеятельности в статье А.А. Никольской [8] в связи со столетним юбилеем в 1979 г. Хотя теоретический вклад М.М. Рубинштейна в философию личности и смысловую педагогическую психологию первой трети XX в. (и начала XXI в.), на наш взгляд, по ряду аспектов человекознания все же сопоставим с выдающимися достижениями П.П. Блонского и Л.С. Выготского (см. [33]).

Далее вторыми о М.М. Рубинштейне вспомнили философы, поместив его статью [25] в антологии русских мыслителей послереволюционного времени 1920-х годов, изданную через десять лет в конце “перестройки” в 1990 г. В-третьих, еще через десяток лет, в 2000 г., была издана книга Д.В. Иванова [4] с анализом наследия М.М. Рубинштейна в контексте современной науки. В-четвертых, сопоставлению его идей с трудами других ученых посвящены две работы, опубликованные в 2009 г. Так, Л.Ф. Баянова дискуссионно квалифицировала [1] концепцию М.М. Рубинштейна в качестве варианта диалектической психологии, а мы кратко охарактеризовали [37] достижения М.М. Рубинштейна (в сравнении с жизнедеятельностью его знаменитого младшего современника С.Л. Рубинштейна), поскольку историки психологии (А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский и др.) о нем в ряде своих учебников даже не упоминают.

Однако фундаментальные теоретические труды М.М. Рубинштейна оказались востребованы в современном человекознании на рубеже XX–XXI вв. в связи с развитием инновационной проблематики как экзистенциальной психологии смысла и творчества (К.А. Абульханова, А.А. Бодалев [2],

Д.А. Леонтьев, В.А. Петровский, И.Н. Семенов [35; 38; 40], Е.Б. Старовойтенко, В.И. Страхов, В.Э. Чудновский [11], И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский), так и в контексте истории педагогики и гуманизации образования (М.Н. Берулава, Б.М. Бим-Бад, М.В. Богуславский, Э.А. Днепров, И.В. Дубровина, В.Д. Иванов [4], Б.Г. Корнетов, Н.В. Кузьмина, А.А. Никольская [8], Э.В. Сайко, И.Н. Семенов [10; 12; 35], М.А. Степанова и др.). Этим объясняется актуальность обращения к анализу трудов и жизнетворчества М.М. Рубинштейна (1878–1953, по паспорту 1880) в связи со 145-летним юбилеем выдающегося российского гуманитария. Новизна науковедческого изучения в данной работе его философско-психологического наследия и организационно-педагогической деятельности определяется развиваемым нами [34; 36; 39; 41; 44] институционально-персонологическим подходом к анализу в цикле статей жизнетворчества выдающихся ученых, в том числе философов-психологов (К.А. Абульханова, Н.Г. Алексеев, П.П. Блонский [33], Я.А. Пономарев, С.Л. Рубинштейн [41], Е.В. Шорохова, Г.Г. Шпет [36], М.Г. Ярошевский) и педагогических психологов (А.А. Бодалев [2], Д.Б. Богоявленская, К.Н. Вентцель [44], Л.С. Выготский [33], П.Я. Гальперин, А.А. Деркач, И.В. Дубровина, А.В. Петровский, А.И. Савенков, А.А. Смирнов, Н.Ф. Талызина, Б.М. Теплов, В.Д. Шадриков, В.Э. Чудновский [2] и др.).

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.М. РУБИНШТЕЙНА

Жизнетворчество и профессиональная деятельность М.М. Рубинштейна (1878–1953) кратко дифференцируются нами на следующие шесть ключевых периодов.

Первый — учебный период заключается в получении им воспитания в купеческой семье, начального и среднего обучения в провинциальной гимназии в г. Улан-Удэ и начала высшего образования на естественном факультете Казанского университета, который он после поступления покинул через год ради отъезда в 1900 г. с женой на учебу в Германию.

Второй — германский период представляет собой годовую учебу с 1900 г. на естественных факультетах в университетах Берлина, Дрездена, Бадена и далее перевод на обучение философии во Фрейбургский университет. Здесь он специализируется в изучении аксеологии ценностей культуры у главы Баденской школы неокантианства

Г. Риккерта [13] для защиты магистерской и в 1905 г. докторской диссертаций, после чего преподает в ряде германских университетов философию, психологию, педагогику.

В третий — московский период, вернувшись в 1909 г. на родину, М.М. Рубинштейн преподает эти дисциплины в частных вузах и с 1911 г. в качестве приват-доцента, а с 1918 г. — профессора в Московском университете. При этом он активно участвует в гуманитарной жизни и публикует актуальные труды [16; 22; 26; 27; 30] по педагогике в научных и просветительских изданиях (“Дело”, “Вестник образования” и др.).

В четвертый — сибирский период, вернувшись на малую родину в г. Иркутск, он становится основателем и ректором: в 1918 г. Восточно-Сибирского государственного университета и в 1920 г. — Педагогического института народного просвещения (сравнившись в институциональном плане со столичными администраторами общей и педагогической психологии начала 1920-х годов: Г.И. Челпановым [40], П.П. Блонским [33], Г.Г. Шпетом [36]). Параллельно с организационными обязанностями М.М. Рубинштейн начинает публиковать [23; 25] свои психолого-педагогические наработки в контексте предстоящего реформирования советского образования, разрабатывая такое важное его направление, как педагогика трудовой школы [21].

В пятый — концептуальный период в 1923 г. М.М. Рубинштейн по приглашению ряда московских вузов (МГПИ, МВТУ, ГАХН и др.) возвращается преподавать в них профессором, общаясь с цветом столичной интеллигенции (А.Ф. Лосев, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет и др.). При этом он интенсивно обобщает в ряде книг и учебников разработанные им философско-психологические основы современной педагогики [5; 7; 24; 28; 31], в том числе в своем главном труде [20] по смысло-жизненной концепции развития творческой и свободной личности в образовании, что было раскрытировано за якобы идеализм и антисоветчину.

На начавшемся с 1928 г. *шестом* — четвертьвековом репрессивном периоде, поводом для которого стал публичный донос в виде разгромной рецензии [6] на эту главную книгу М.М. Рубинштейна [20], ее автору было запрещено публиковаться, и его стали притеснять на работе. Лишь к середине 1930-х годов он с трудом адаптировался к постоянной травле, нашел силы перестроиться, перейдя от прежнего анализа [20] фундаментальных проблем к психодидактике решения прикладных задач психологии труда [18], в том числе с учетом ее просоветского идеологического контекста [19]. Несмотря на самоотверженное участие

М.М. Рубинштейна во время войны при эвакуации в организации провинциального высшего педагогического образования в г. Костроме и на незамедлительное возвращение уже в 1943 г. к преподаванию и научной работе [14] в МПГИ, все же травля продолжалась, что вынудило его уйти с работы в 1951 г.

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПОИСКОВ М.М. РУБИНШТЕЙНА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Обобщая итоги проведенного выше краткого анализа содержания периодов жизнедеятельности М.М. Рубинштейна, эксплицируем и схематизируем генеральную логику развития его научного мировоззрения как познавательно-продуктивного движения: от первоначального интереса 1) к естествознанию (в Казани, Берлине, Дрездене) и 2) к его практической пользе для медицины (в Бадене) — через изучение 3) философской гносеологии субъект-объектного взаимодействия неогегельянства с картезианством и неокантианством (во Фрейбургском университете) и 4) к экспликации ее прагматической основы для обоснования реформирования предреволюционного образования (в вузах Москвы) — до 5) обобщения истории педагогики для систематизации эффективной дидактики (в вузах Иркутска и Москвы) и 6) построения философско-психологической концепции смысложизненной педагогики (ГАХН и вузы Москвы) — с 7) антропоцентрической интенцией на перспективу ее 8) психодидактической реализации в целях теоретического обеспечения формирования в образовании ценностей развития в культуре свободной творческой личности.

Научно-мировоззренческие предпосылки развертывания этой фундаментальной логики развития профессионального менталитета М.М. Рубинштейна как философа культуры (выросшего в период своего акме в экзистенциально-педагогического психолога смысложизнетворчества) начали формироваться еще в германский период его ученичества у неокантианского аксиолога Г. Риккерта в 1900-е годы Аксиолого-культурологическая рефлексия истории и теории педагогики в контексте поиска решений актуальных проблем реформирования российского образования (как до, так и после революции) привела М.М. Рубинштейна к порождению идеи о смысле жизни как эвристической базе психолого-педагогического построения (с необходимым философским обоснованием) инновационной теории образования, психодидактически нацеленного на обеспечение

развития личности как его свободного творческого субъекта, реализующего себя в процессах созидания ценностей и продуктов культуры. Таким образом, в период своего творческого акме, достигнутого в 1926–1929 гг. (наильно прерванного и уничтоженного репрессиями — как с К.Н. Венцелем [44] и Г.Г. Шпетом [36] — в виде запрета публиковать авторские труды), М.М. Рубинштейн трансформировался из абстрактного философа-аксеолога (ученика Г. Риккерта [13]) в оригинального экзистенциально-педагогического философа-психолога. Он разработал фундаментальную концепцию реального смысложизнетворчества и спроектировал теоретические основы путей ее педагогической реализации в образовании [29].

Сам автор М.М. Рубинштейн точно определил свою концепцию как антропоцентрическую теорию развития творчества личности. Поэтому нельзя согласиться с Л.Ф. Баяновой, лишь упомянувшей о Г. Риккере, но без анализа влияния его аксеологии на М.М. Рубинштейна, квалифицировавшей эту теорию как “диалектическую психологию” [1]. Мы же убеждены, что гегелевская диалектика использовалась им лишь как метод мышления, а не как способ концептуализации результатов своих мыслительных поисков в виде идеи смысложизненного созидания ценностей и продуктов культуры в процессе образования и творчества. Разработка психолого-педагогического обеспечения его развития актуальна и ныне в современных социокультурных условиях востребованности креативных специалистов [35], обучение которых должно вестись с учетом идей М.М. Рубинштейна [20] в его переизданных трудах [17; 25].

В онтологическом плане предметом аксиолого-психологического анализа в смысложизненной концепции М.М. Рубинштейна выступает личность как субъект ее взаимодействия с окружающим миром. Его познание и освоение личностью опосредовано культурой в процессе образовательного усвоения ее ценностей и творчески осмысленного созидания (в профессиональной деятельности, говоря современной терминологией) продуктов и произведений этой творимой человечеством — в результате исторической эволюции — системой идей и норм. Отсюда образование нацелено как на воспитание в сознании свободной (для жизни и творчества) личности, совокупности ценностей (как норм и ориентиров данного общества), присущих конкретной культуре, так и на обучение знаниям о мире и полезным действиям, ее реализующим и продуктивно создающим. Данную смысложизненную концепцию

теоретически в контексте ценностей культуры и определения роли образования в их развитии и творчества, в ее созидании развернул М.М. Рубинштейн в своем главном аксеолого-психологическом труде [20] в 1927 г. Это вызвало его идеологический остракизм и привело к уничтожению креативного мышления автора как оригинального ученого и профессионально-педагогического деятеля. Однако вопреки запрету на авторские публикации, М.М. Рубинштейн все же нашел в себе силы воли и мысли, сумев в последней [29] своей творческой рукописи (до сих пор неопубликованной уже 95 лет!) разработать психодидактические пути теоретико-педагогической реализации в образовании своей смысложизненной концепции.

В историко-научном плане необходимо отметить созвучность этой концепции М.М. Рубинштейна в начале XX в. как философии европейской (А. Бергсон, Г. Риккерт [13], М. Шеллер [3]), так и российской (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет [36]) Серебряного века российской культуры [40]. Ибо за ценность развития жизнетворчества свободной личности в эпоху Серебряного века выступали как поэты-эстетики (А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов), так и психологи (А.Ф. Лазурский, И.И. Лапшин, Л.М. Лопатин). С позиций феноменологии это же предлагал Г.Г. Шпет [34], а исходя из критики неокантианства и культурологии в направлении развития творческой личности начали свои мыслительные поиски молодые С.Л. Рубинштейн [41] и Л.С. Выготский [33]. С аксиологическим обоснованием важности воспитания свободной творческой личности в своей “Всемирной декларации прав ребенка” выступил крупный философствующий педагог-психолог К.Н. Вентцель [44].

Итак, несмотря на то, что наследие М.М. Рубинштейна на две трети века выпало из истории российской науки, все же его оригинальные идеи оказались актуальны и востребованы в постсоветское время и развиваются в современной экзистенциальной философии [38], смысложизненной психологии (Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалев [2], Д.А. Леонтьев, Н.И. Непомнящая, И.Н. Семенов [12; 39], В.Э. Чудновский [2]), гуманистической педагогике (И.В. Дубровина, И.Г. Калашников [43], Н.В. Кузьмина, А.И. Савенков, И.Н. Семенов [10], Э.В. Сайко, В.Э. Чудновский [11], И.С. Якиманская и др.), развитие которых составляет одно из перспективных направлений человекознания.

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.М. РУБИНШТЕЙНА В ИНТЕРЬЕРЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Определяющую роль в становлении М.М. Рубинштейна сыграло получение им философского образования во Фрейбургском университете. Как и большинство обучавшихся философии или стажировавшихся в Германии российских студентов (В.М. Бехтерев [33], Н.Н. Ланге, Б.Л. Пастернак [37; 40], С.Л. Рубинштейн [41], В.Ф. Чиж, Г.Г. Шпет [36] и др.), М.М. Рубинштейн там в начале своих мыслительных поисков ориентировался на идеал-реализм (как и немецкие философы-психологи: В. Вундт, О. Кюльпе [39], Г. Мюнстерберг, Г. Риккерт, М. Шеллер [13] и др.). В начале XX в. традиционная ориентация на “идеал” — аксеологию — подразумевала современную модернизацию какого-либо классического философского учения (путем построения теории и методологии неокантианства, неогегельянства, неошеллингианства, неогербартианства и т.д.), с интенцией на “реализм” — в виде стремления сопрячь одну из этих обновленных, но абстрактных теорий с возможностью их современного использования в практических нуждах, прежде всего обучения и воспитания, науки и искусства. Для психологии это означало включение того или иного варианта “идеал-реализма” в определенный позитивистский (В. Вундт, Г. Спенсер) или прагматический (Дж. Дьюи, Г. Мюнстерберг) контекст. Его психологическая реализация выражалась в стремлении изучать психические явления посредством таких развивающих естествознание методологий, как: феноменологизм (Э. Гуссерль, Г.Г. Шпет), эмпиризм (Э. Титченер, Н.Я. Грот) или экспериментатика (В. Вундт, О. Кюльпе, Г.И. Челпанов), а педагогическая — в виде психометрической (тестологической) педологии (Ф. Гальтон, Ст. Холл, А. Бине, В. Штерн), экспериментальной дидактики (Н. Лай, А.П. Нечаев) или социальной педагогики (поздний П. Наторп, ранний С.Л. Рубинштейн [41]). В отличие от всех этих в чем-то дуалистических поисков, стремящихся уравновесить идеал-интенцию на изучение определенных И. Кантом “чистых сущностей” (мышления, как в Вюрцбургской школе О. Кюльпе [39] или в гештальтизме М. Вертгеймера) с их эмпирической верификацией путем экспериментатики (как О. Зельц, В. Келлер или К. Дункер при изучении продуктивного мышления), М.М. Рубинштейн в качестве истинного гуманитария (как параллельно с ним С.Л. Франк или Г.Г. Шпет [36]) обратился к — по сути, экзистенциально-герменевтическому — анализу исконно

мировоззренческой проблематики взаимодействия “смысла жизни” и “ценностей культуры” в процессах осмысления (размышления и рефлексии) познания и освоения мира (природы и общества) как собственно психологического содержания сознания личности (за что позднее энергично ратовал и С.Л. Рубинштейн в труде “Человек и мир” [41]).

Опередив свое довоенное время (1920–1930-х годов), это много позже, через полвека, стало соответствовать гуманистической “смысложизненной” направленности (Ж.П. Сартр, К. Ясперс, Л.П. Карсавин, С.Л. Рубинштейн, В. Франкл, А. Маслоу, К. Роджерс) послевоенной философско-психологической мысли в изучении личности. Такого рода мысль ныне — следуя логике философско-психологического развития смыслужизненной педагогики — обрела свою эмпирическую верификацию в психотехнических и рефлексивных практиках (Н.Г. Алексеев, Л.И. Анцыферова, Ф.Е. Василюк, Г.И. Давыдова, В.К. Зарецкий, Н.Б. Ковалева, Д.А. Леонтьев, Н.И. Непомнящая, Л.А. Петровская, В.А. Петровский, А.А. Пузырей, Ю.А. Репецкий [12], И.Н. Семенов [10], Е.Б. Старовойтенко, С.Ю. Степанов, А.Б. Холмогорова, В.Э. Чудновский [11], И.С. Якиманская) рубежа XX–XXI вв.

Необходимо подчеркнуть в историко-научном плане, что с периода “оттепели” 1960-х годов и до начала XXI в. постепенно возрастает интерес гуманитариев к освоению и развитию оригинального наследия М.М. Рубинштейна в различных аспектах философского и психологического познания, а также акмеологического и педагогического обеспечения современной практики модернизации образования и управления. В связи с этим в настоящее время в человекознании анализируются и развиваются труды М.М. Рубинштейна, они переиздаются [17; 25], изучаются и обобщаются в диссертациях и книгах, в учебниках и на конференциях. На основе социокультурной и субъектно-деятельностной детерминации смыслужизненного воспитания личности современного человека осуществляется его экзистенциально-профессиональное развитие как субъекта жизнедеятельности и бытия в природе и культуре.

Идеи М.М. Рубинштейна о философско-психологической концепции антропологии “смысла жизни” как ключевой проблеме человекознания явились одним из источников такого современного научного направления, как рефлексивная акмеология, психология, педагогика изучения “смысла и акме” [2] экзистенциально-профессионального развития и воспитания жизнотворчества личности современного человека (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалев, А.А. Деркач,

В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Н.И. Непомнящая, Э.В. Сайко, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, В.Э. Чудновский, И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский и др.).

Параллельно с собственным теоретическим мыслетворчеством М.М. Рубинштейн — в самоотверженных традициях служения декабристов сибирскому просвещению — также вершил в труднейших условиях двух революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. свою подвижническую научно-организационную деятельность по созданию на малой родине, в г. Иркутске, Государственного университета и Педагогического института народного просвещения, ректором которых он был в начале 1920-х годов со дня их основания.

В концептуально-предметном плане его творческое наследие изучается и развивается в экзистенциально-гуманистическом человекознании, важными направлениями которого в наши дни являются смыслужизненные философия, психология, акмеология, педагогика и геронтология.

В институционально-прагматическом плане теоретико-методические принципы разработанной им философско-психологической системы смыслужизненной педагогики и организационный опыт их образовательной реализации в средней и высшей школе служат исходным прецедентом зарождения на рубеже 1910–1920-х годов (наряду с деяниями К.Н. Вентцеля [44], А.Ф. Лазурского, Г.Г. Шпета [36]) экзистенциальной интенции на создание развивающего личностно-ориентированного подхода к психолого-педагогическому обеспечению современного образования с учетом его физических, интеллектуальных, этических и эстетических аспектов [5; 7; 14; 15; 24; 26–28; 30; 31]. Эта плодотворная интенция в наше время конструктивно реализуется в гуманистически ориентированной практике (А.А. Бодалев [2], Г.И. Давыдова, И.В. Дубровина, В.К. Зарецкий, Н.Б. Ковалева, В.С. Мухина, Н.И. Непомнящая, А.И. Савенков, И.Н. Семенов [10], Е.Б. Старовойтенко, С.Ю. Степанов, А.Б. Холмогорова, В.Э. Чудновский [11], И.С. Якиманская и др.) психолого-антропологического обеспечения смыслужизненной педагогики современного образования начала XXI в., в том числе в актуальном ныне социокультурном контексте когнитивно-метакогнитивного [42; 43] формирования человеческого капитала современных специалистов.

В 2008 г. в ознаменование 100-летнего юбилея благодарные потомки около Иркутского университета открыли памятник (как и в свое время Нобелевскому лауреату, психофизиологу, академику И.П. Павлову в Петербурге) его создателю — выда-

ющемся земляку, крупному философу, психологу, педагогу, а также видному деятелю российской науки, образования и культуры Моисею Матвеевичу Рубинштейну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баянова Л.Ф.* Диалектическая психология М.М. Рубинштейна // Психологический журнал. 2009. № 6. С. 103–109.
2. *Бодалев А.А., Чудновский В.Э., Семенов И.Н.* Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: Материалы VIII—X симпозиумов / Под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача. М.: РАГС, 2005.
3. *Бухарова А.А., Семенов И.Н.* Обзор концепций рефлексии и образования Макса Шелера с позиций рефлексивной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 18–63.
4. *Иванов Д.В.* Эссенциальная педагогика и психология М.М. Рубинштейна: истоки, проблемы, этапы формирования / Предисл. О.А. Лапиной. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000.
5. Исследовательский метод: сборник / Под ред. М.М. Рубинштейна. М.: Мир, 1926.
6. *Каменев С.А.* По ту сторону марксизма (Классовая позиция Каменева и мировоззрение проф. М.М. Рубинштейна) // Известия Северо-Кавказского ун-та. 1928. № 3 (16).
7. Методы работы в школах крестьянской молодежи и фабзавуча / Под ред. М.М. Рубинштейна. М.: Мир, 1925.
8. *Никольская А.А.* Некоторые аспекты научного творчества М.М. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 137–145.
9. Первый ректор Иркутского государственного университета: к 130-летию со дня рождения Моисея Матвеевича Рубинштейна / Сост. В.К. Пешкова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010.
10. Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования: Международная коллективная монография / Отв. ред.-сост. и авт. вст. ст. И.Н. Семенов, Т.Г. Болдина. Ногинск: Аналитика Родис, 2011.
11. Психология смысла жизни: Школа В.Э. Чудновского / Под ред. Т.А. Поповой. М.: Смысл, 2021.
12. *Репецкий Ю.А., Семенов И.Н., Сидорова А.Ю.* Рефлексия смысла жизни и личностного самоопределения в контексте рефлексивно-инновационного тренинга // Мир психологии. 2001. № 2. С. 177–186.
13. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре: Пер. со 2-го нем. изд. / Под ред. и со вступ. ст. С.О. Гессена. СПб.: Образование, 1911; То же: М.: Республика, 1998.
14. *Рубинштейн М.М.* Воспитание читательских интересов у школьников. М.: Учпедгиз, 1950.
15. *Рубинштейн М.М.* Демократизация школы и ее смысл // Дело. 1918. 8 февраля.
16. *Рубинштейн М.М.* Идея личности как основа мировоззрения. М.: тип. С.А. Кинеловского, 1909.
17. *Рубинштейн М.М.* К вопросу о методологии и гносеологии Декарта [1909] // Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: В 2 т. Т. 2. М.: Территория будущего, 2004; То же: 2-е изд., 2008. С. 149–174.
18. *Рубинштейн М.М.* Методика тренировки шофера на тренажере. М.: Гострансиздат: 1-я типография Трансжилдориздата, 1935.
19. *Рубинштейн М.М.* На подступах к стахановскому движению во вузах. Как я работаю. (Студенты отличники о своем методе работы). М.: 1 газ. тип. Мос. облполиграфа, 1936.
20. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Историко-критические очерки. Часть 1. Издание автора, 1927; О смысле жизни. Философия человека. Часть 2. Издание автора, 1927.
21. *Рубинштейн М.М.* Основы трудовой школы. Чита: Тип. ДВСПС, 1921; 2-е изд. 1922.
22. *Рубинштейн М.М.* Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. 1-е изд. М., 1913. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Задруга, 1920. 4-е изд. 1927.
23. *Рубинштейн М.М.* Платон — учитель. Иркутск, 1920.
24. *Рубинштейн М.М.* Половое воспитание с точки зрения интересов культуры. М.-Л.: Московское акционерное общество, 1926.
25. *Рубинштейн М.М.* Проблема “Я”, как исходный пункт философии // Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5; То же // На переломе: Философские дискуссии 20-х гг.: Философия и мировоззрение / отв. ред.-сост. П.В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990.
26. *Рубинштейн М.М.* Современное образование и нравственность. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1917. (Отд. отт. из журн. “Вестник воспитания”, 1917. № 1).
27. *Рубинштейн М.М.* Социализм и индивидуализм: Критически-философский очерк. М.: Печатный труд, 1909.
28. *Рубинштейн М.М.* Социально-правовые представления и самоуправление у детей. М.: Право и жизнь, 1925.
29. *Рубинштейн М.М.* Теория образования. Очерки: Рукопись. 1929 // Архив Института психологии РАН.
30. *Рубинштейн М.М.* Философия истории в романе Л.Н. Толстого “Война и мир” // Русская мысль, 1910. Т. 32. Кн. VII. С. 78–103.

31. *Рубинштейн М.М.* Эстетическое воспитание детей. Изд. 3-е, испр. М.: Т-во "В.В. Думнов, наследн. бр. Салаевых", 1924.
32. *Рубинштейн М.М.* Юность: По дневникам и автобиографическим записям. М.: Высш. педаг. курсы при Моск. высш. техн. училище, 1928 (В помощь просвещенцу Профобра; Вып. 1).
33. *Семенов И.Н.* Бехтерев Владимир Михайлович. Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: СЭ, 1970–1972.
34. *Семенов И.Н.* Генерация и социализация субъектов научно-творческой деятельности посредством рефлексивно-психологического изучения развития человеческого капитала // Известия РАО. 2021. № 4. С. 155–170.
35. *Семенов И.Н.* Рефлексивная психология инновационного образования: Монография. М.: Наследие ММК, 2013.
36. *Семенов И.Н.* Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного творчества Г.Г. Шпета на развитие человекознания // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 188–208.
37. *Семенов И.Н.* Рубинштейнов, оказывается, было двое // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 63–89.
38. *Семенов И.Н.* Философско-антропологическая проблематика рефлексивной психологии смысла в российском человекознании // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 280–297.
39. *Семенов И.Н.* Философско-методологические аспекты зарождения экспериментальной психологии мышления и рефлексии (к 160-летию юбилею О. Кюльпе и 125-летию его Вюрцбургской школы) // Психологический журнал. 2022. № 4. С. 59–68.
40. *Семенов И.Н.* Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в Серебряном веке // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011. С. 606–624.
41. *Семенов И.Н.* Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости "Я" как субъекта культуросозидающего научного творчества (К 100-летию школы С.Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022. № 4. С. 5–22.
42. *Семенов И.Н., Калашников И.Г.* История когнитивной и метакогнитивной психологии в рефлексивной психологии развития творчества: Учебно-методическое пособие. М., 2024.
43. *Семенов И.Н., Калашников И.Г.* Рефлексивно-смысловая педагогическая психология развития когнитивных и метакогнитивных аспектов человеческого капитала учеников и учителей // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 2–3. С. 78–85. DOI: 10.17759/bppe.2024210210
44. *Семенов И.Н., Павлов И.И.* Проблемы рефлексивной акмеологии творческой личности в философско-педагогическом наследии К.Н. Вентцеля (к 160-летию со дня рождения) // Акмеология. 2017. № 4. С. 7–18.
45. *Смысл жизни: Антология* / Отв. ред.-сост. К.Н. Гаврюшин. М.: Прогресс: Культура, 1994.

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL SYSTEM OF REFLEXIVE AND SEMANTIC PEDAGOGY OF PERSONALITY EDUCATION IN RUSSIAN HUMAN STUDIES (IN CONNECTION WITH THE 145TH ANNIVERSARY OF M. M. RUBINSTEIN)

I. N. Semenov

*Moscow City University of Psychology and Education (GAOU VO MGPU);
129226, Moscow, 2nd Selskhozaystvenny pr., 4, bldg. 1, Russia.*

*Doctor of Psychological Sciences, Professor, Laureate of the President of the Russian Federation Prize
in the field of education, Professor at the Moscow City University of Psychology and Education.*

E-mail: i_samenov@mail.ru

Received 28.04.2024

Abstract. Based on a brief analysis of humanitarian discussions in European philosophy and the human studies of the Silver Age of Russian culture in the early twentieth century, the paper examines issues related to personality development in education and the ideological legacy of M.M. Rubinstein, an outstanding Russian

philosopher, psychologist, and teacher of the first third of the 20th century. The socio-cultural, historical and scientific prerequisites of his philosophical and pedagogical work are summarized. For the first time, the logic of the development of his ideas and his development of the original anthropo-axeological concept of the “meaning of life” as an existential and psychological basis for the formation of free creativity in the processes of education and creation of values and cultural products is explicated. The importance of M.M. Rubinstein’s achievements for the psychological and pedagogical support of the development of a creative personality in the process of modernization of education is shown.

Keywords: personality, development, meaning of life, creativity, reflection, consciousness, values, culture, education, pedagogy, psychology, philosophy.

REFERENCES

1. Bayanova L.F. Dialekticheskaya psikhologiya M.M. Rubinshtejna. Psikhologicheskii zhurnal. 2009. № 6. P. 103–109. (In Russian)
2. Bodalev A.A., Chudnovskij V.E., Semenov I.N. Smysl zhizni i akme: 10 let poiska: Materialy VIII–X simpoziumov. Eds. A.A. Bodalev, A.A. Derkach. Moscow: RAGS, 2005. (In Russian)
3. Bukharova A.A., Semenov I.N. Obzor koncepcij refleksii i obrazovaniya Maksa Shelera s pozicij refleksivnoj psikhologii. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2015. № 4–5. P. 18–63. (In Russian)
4. Ivanov D.V. Essencial’naya pedagogika i psikhologiya M.M. Rubinshtejna: istoki, problemy, etapy formirovaniya. Predisl. O.A. Lapinoy. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2000. (In Russian)
5. Issledovatel’skij metod: Sbornik. Ed. M.M. Rubinshtejn. Moscow: Mir, 1926. (In Russian)
6. Kamenev S.A. Po tu storonu marksizma (Klassovaya poziciya Kameneva i mirovozzrenie prof. M.M. Rubinshtejna). Izvestiya Severo-Kavkazskogo un-ta. 1928. № 3 (16). (In Russian)
7. Metody raboty v shkolakh krest’yanskoj molodezhi i fabzavucha. Ed. M.M. Rubinshtejn. Moscow: Mir, 1925. (In Russian)
8. Nikol’skaya A.A. Nekotorye aspekty nauchnogo tvorchestva M.M. Rubinshtejna. Voprosy psikhologii. 1978. № 5. P. 137–145. (In Russian)
9. Pervyj rektor Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya Moiseya Matveevicha Rubinshtejna. Sost. V.K. Peshkova. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2010. (In Russian)
10. Proektno-issledovatel’skij podkhod v refleksivnoj psikhologii innovacionnogo obrazovaniya: Mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya. Eds. I.N. Semenov, T.G. Boldina. Noginsk: Analitika Rodis, 2011. (In Russian)
11. Psikhologiya smysla zhizni: Shkola V.E. Chudnovskogo. Ed. T.A. Popova. Moscow: Smysl, 2021. (In Russian)
12. Repeckij Yu.A., Semenov I.N., Sidorova A.Yu. Refleksiya smysla zhizni i lichnostnogo samoopredeleniya v kontekste refleksivno-innovacionnogo treninga. Mir psikhologii. 2001. № 2. P. 177–186. (In Russian)
13. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul’ture: Per. so 2-go nem. izd. Ed. S.O. Gessen. Saint Petersburg: Obrazovanie, 1911; To zhe: Moscow: Respublika, 1998. (In Russian)
14. Rubinshtejn M.M. Vospitanie chitatel’skikh interesov u shkol’nikov. Moscow: Uchpedgiz, 1950. (In Russian)
15. Rubinshtejn M.M. Demokratizaciya shkoly i ee smysl. Delo. 1918. 8 fevralya. (In Russian)
16. Rubinshtejn M.M. Ideya lichnosti kak osnova mirovozzreniya. Moscow: tip. S.A. Kinelovskogo, 1909. (In Russian)
17. Rubinshtejn M.M. K voprosu o metodologii i gnoseologii Dekarta [1909]. Rubinshtejn M.M. O smysle zhizni. Trudy po filosofii cennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu. V 2 t. T. 2. Moscow: Territoriya budushchego, 2004; To zhe: 2-e izd., 2008. P. 149–174.
18. Rubinshtejn M.M. Metodika trenirovki shofera na trenazhere. Moscow: Gostransizdat: 1-ya tipografiya Transzhildorizdata, 1935. (In Russian)
19. Rubinshtejn M.M. Na podstupakh k stakhanovskomu dvizheniyu vo vtuzakh. Kak ya rabotayu. (Studenty otlichniki o svoem metode raboty). Moscow: 1 gaz. tip. Mosoblpoligraf, 1936. (In Russian)
20. Rubinshtejn M.M. O smysle zhizni. Istoriko-kriticheskie ocherki. Chast’ 1. Izdanie avtora, 1927; O smysle zhizni. Filosofiya cheloveka. Chast’ 2. Izdanie avtora, 1927. (In Russian)
21. Rubinshtejn M.M. Osnovy trudovoj shkoly. Chita: Tip. DVSPS, 1921; 2-e izd. 1922. (In Russian)
22. Rubinshtejn M.M. Ocherk pedagogicheskoy psikhologii v svyazi s obshchej pedagogikoj. 1-e izd. Moscow, 1913. 3-e izd., peresmotr. i dop. Moscow: Zadruga, 1920. 4-e izd. 1927. (In Russian)
23. Rubinshtejn M.M. Platon — uchitel’. Irkutsk, 1920. (In Russian)
24. Rubinshtejn M.M. Polovoe vospitanie s tochki zreniya interesov kul’tury. Moscow–Leningrad: Moskovskoe akcionernoe obshchestvo, 1926. (In Russian)
25. Rubinshtejn M.M. Problema “Ya”, kak iskhodnyj punkt filosofii: Sb. trudov professorov i prepodavatelej Irkutskogo un-ta. Irkutsk, 1923. Vyp. 5; To zhe. Na perelome:

- Filosofskie diskussii 20-h gg.: Filosofiya i mirovozzrenie. Ed. P.V. Alekseev. Moscow: Politizdat, 1990. (In Russian)
26. *Rubinshtejn M.M.* Sovremennoe obrazovanie i nravstvennost'. Moscow: Tipolitogr. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1917. (Otd. ott. iz zhurn. "Vestnik vospitaniya". 1917. № 1). (In Russian)
 27. *Rubinshtejn M.M.* Socializm i individualizm: Kriticheski-filosofskij ocherk. Moscow: Pechatnyj trud, 1909. (In Russian)
 28. *Rubinshtejn M.M.* Social'no-pravovye predstavleniya i samoupravlenie u detej. Moscow: Pravo i zhizn', 1925. (In Russian)
 29. *Rubinshtejn M.M.* Teoriya obrazovaniya. Ocherki. Rukopis'. 1929. Arkhiv Instituta psikhologii RAN. (In Russian)
 30. *Rubinshtejn M.M.* Filosofiya istorii v romane L.N. Tolstogo "Vojna i mir". Russkaya mysl', 1910. V. 32. Kn. VII. P. 78–103. (In Russian)
 31. *Rubinshtejn M.M.* Esteticheskoe vospitanie detej. Izd. 3-e, ispr. Moscow: T-vo "V.V. Dumnov, nasledn. br. Salaevykh", 1924. (In Russian)
 32. *Rubinshtejn M.M.* Yunost': Po dnevnikam i avtobiograficheskim zapisyam. Moscow: Vyssh. pedagog. kursy pri Mosk. vyssh. tekhn. uchilishche, 1928 (V pomoshch' prosveshchencu Profobra; Vyp. 1). (In Russian)
 33. *Semenov I.N.* Bekhterev Vladimir Mihajlovich. Blonskij Pavel Petrovich. Vygotskij Lev Semenovich. Bol'shaya sovetskaya ciklopediya. Moscow: SE, 1970–1972. (In Russian)
 34. *Semenov I.N.* Generaciya i socializaciya sub"ektov nauchno-tvorcheskoj deyatel'nosti posredstvom reflektivno-psihologicheskogo izucheniya razvitiya chelovecheskogo kapitala. Izvestiya RAO. 2021. № 4. P. 155–170. (In Russian)
 35. *Semenov I.N.* Refleksivnaya psihologiya innovacionnogo obrazovaniya: Monografiya. Moscow: Nasledie MMK, 2013. (In Russian)
 36. *Semenov I.N.* Refleksivno-kul'turologicheskij obzor vliyaniya nauchnogo tvorchestva G.G. Shpeta na razvitie chelovekoznaniya. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory. № 4A. P. 188–208. (In Russian)
 37. *Semenov I.N.* Rubinshtejnov, okazyvaetsya, bylo dvoe. Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2009. № 3. P. 63–89. (In Russian)
 38. *Semenov I.N.* Filosofsko-antropologicheskaya problematika reflektivnoj psikhologii smysla v rossijskom chelovekoznanii. Mir psikhologii. 2017. № 2 (90). P. 280–297. (In Russian)
 39. *Semenov I.N.* Filosofsko-metodologicheskie aspekty zarozhdeniya eksperimental'noj psikhologii myshleniya i refleksii (k 160-letnemu yubileyu O. Kyul'pe i 125-letiyu ego Vyurburgskoj shkoly). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 4. P. 59–68. (In Russian)
 40. *Semenov I.N.* Ekzistencial'no-kul'tural'naya refleksiya vo vzaimodejstvii khudozhestvennogo i nauchnogo tvorchestva v Serebryanom veke. Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanij k social'nym i kul'turnym fenomenam. Ed. D.V. Ushakov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 606–624. (In Russian)
 41. *Semenov I.N.* Ekzistencial'no-lichnostnaya fenomenologiya reflektivnogo razvitiya processov samosti "Ya" kak sub"ekta kul'turosozidayushchego nauchnogo tvorchestva (K 100-letiyu shkoly S.L. Rubinshtejna). Izvestiya RAO. 2022. № 4. P. 5–22. (In Russian)
 42. *Semenov I.N., Kalashnikov I.G.* Istoriya kognitivnoj i metakognitivnoj psikhologii v reflektivnoj psihologii razvitiya tvorchestva: Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow, 2024. (In Russian)
 43. *Semenov I.N., Kalashnikov I.G.* Refleksivno-smyslovaya pedagogicheskaya psihologiya razvitiya kognitivnyh i metakognitivnyh aspektov chelovecheskogo kapitala uchениkov i uchitelej. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2024. V. 21. № 2–3. P. 78–85. DOI: 10.17759/bppe.2024210210 (In Russian)
 44. *Semenov I.N., Pavlov I.I.* Problemy reflektivnoj akmeologii tvorcheskoi lichnosti v filosofsko-pedagogicheskom nasledii K.N. Ventcelya (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya). Akmeologiya. 2017. № 4. P. 7–18. (In Russian)
 45. *Smysl zhizni: Antologiya.* Ed. K.N. Gavryushin. Moscow: Progress: Kul'tura, 1994. (In Russian)

УДК 159.9

ПРИМЕНЕНИЕ ОПРОСНИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЛУХА (SHQ) ДЛЯ КОММУНИКАНТОВ ДВУХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП¹

© 2024 г. И. Г. Андреева*, Е. А. Клишова**, А. М. Луничкин***

ФГБУН Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН;
194223, г. Санкт-Петербург, пр. Тореца, д. 44, Россия.

* Доктор биологических наук, главный научный сотрудник лаборатории
сравнительной физиологии сенсорных систем.

E-mail: ig-andreeva@mail.ru

** Аспирант лаборатории сравнительной физиологии сенсорных систем.

E-mail: klishova@gmail.com

*** Кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории сравнительной
физиологии сенсорных систем.

E-mail: bolverkdc@mail.ru

Поступила 03.07.2024

Аннотация. Бинауральный слух, в основе которого лежит обработка тонкой временной структуры сигнала, ухудшается с возрастом, что может иметь последствия для коммуникации и социализации. Опросник пространственного слуха SHQ широко применяется в мировой практике, однако не использовался ранее для выявления возрастных изменений в восприятии коммуникативных ситуаций. Данное исследование направлено на выяснение валидности опросника и его чувствительности к возрасту респондента. В опросе участвовало 113 респондентов с нормальным слухом, разделенных на две группы: 1) молодого, 2) среднего и пожилого возраста. Факторный анализ выявил пять факторов, влияющих на восприятие коммуникативных ситуаций. Анализ подшкал опросника SHQ не выявил значимых различий в исследованных группах респондентов. Получены нормативные данные опросника SHQ для коммуникантов в широком возрастном диапазоне — от 18 до 75 лет.

Ключевые слова: коммуникация, слуховое восприятие, возраст, опросник SHQ, факторный анализ.

DOI: 10.31857/S0205959224060091

ВВЕДЕНИЕ

Речевая коммуникация предполагает удовлетворительное слуховое восприятие у коммуникантов и реализацию основных функций слуха: сторожевую функцию для выявления нового коммуниканта; локализацию целевого источника звука; собственно коммуникативную, которая включает идентификацию субъекта и анализ речевого высказывания. Описание характеристик слухового восприятия — тонального, временного, речевого и пространственного слуха является многопараметрической задачей. Эта задача может быть решена в экспериментальных условиях, но предполагает применение различных инструментальных методов. Вместе с тем условия отдельных экспериментов не позволяют учесть множество разнообразных

ситуаций коммуникации, возникающих в повседневных условиях и затрудняющих общение. Оценить сложности коммуникации с учетом различных аспектов слухового восприятия, упомянутых выше, позволяют различные опросники [7]. Эти опросники имеют подшкалы, выявляющие определенные функциональные категории восприятия — речь дикторов разного пола, речь в шуме, локализацию коммуниканта, локализацию источника шума. В качестве контрольных вопросов выступают вопросы, касающиеся слухового восприятия в условиях тишины. Таким образом, актуальность применения опросников для характеристики коммуникантов разных групп, включая различия в возрасте, оказывается очевидной.

Перцептивная обработка информации ограничивается нервными центрами и проводящими путями между улиткой и первичной слуховой корой. Когнитивная обработка относится к обработке

¹ Данная публикация поддержана средствами Российского научного фонда, проект № 24-25-00346.

информации на уровне коры головного мозга, характеризуется процессами памяти, скорости анализа звука и языковыми особенностями. Вместе с периферической обработкой когнитивные функции обеспечивают коммуниканту слуховое внимание, извлечение целевой информации, ее использование для определения значения, принятия решения и последующего реагирования [2]. Навыки, имеющие отношение к коммуникации, включают в себя различение и распознавание закономерностей, интеграцию и распознавание временной информации, дихотическую обработку конкурирующих или одновременных стимулов, а также локализацию или латерализацию звука. В данном исследовании проверяли гипотезу о том, что при норме слуха коммуникация в сложных условиях будет по-разному оцениваться выборками разного возрастного состава.

Предметом настоящего исследования являются возрастные особенности в слуховой обработке, которые имеют последствия для коммуникации. Бинауральный слух обеспечивает локализацию источника звука, выделение целевого сигнала, пространственное освобождение от энергетической и информационной маскировки, тем самым улучшая разборчивость речи. Поэтому для выяснения возрастных особенностей слухового восприятия нами был выбран опросник SHQ, который в последние годы имеет широкое применение в мировой практике [6]. Объектом исследования явились изменения в оценках сложности различных коммуникативных ситуаций.

Применение опросника с выделением ряда подшкал предполагает выполнение статистических процедур, которые включают оценку надежности полученных данных, их согласованность и обоснование деления на подшкалы. Эти процедуры обеспечиваются оценкой валидности и надежности опросника при помощи корреляционного анализа, проведением факторного анализа с выделением главных факторов и разделением на подшкалы, которые характерны для исследуемых возрастных выборок. Наибольший интерес в исследовании слухового восприятия представляют возрастные периоды: молодой возраст и переход от среднего к пожилому возрасту. Эти возрастные группы позволяют сопоставить коммуникативную функцию контингента, который начинает трудовую деятельность (молодой возраст), с теми, кто находится на ее завершающем этапе, т.е. в предпенсионном или пенсионном возрасте. Заметим, что выборки были составлены из индивидов, слух которых находился в пределах возрастной нормы.

МЕТОДИКА

Применяли культурную и языковую адаптацию русскоязычной версии опросника SHQ, которая была проведена в соответствии с международными стандартами [3] и верифицирована как культурно и концептуально эквивалентная оригиналу [1]. Данный опросник состоит из 24 вопросов, которые касаются качества восприятия речевой информации разных респондентов (мужчин, женщин и детей) в тишине и на фоне бытового шума, определения местоположения целевых источников речи или источников шума технического происхождения (шум машины, самолета и т.д.).

Проведено обследование двух возрастных выборок: 74 молодых коммуниканта обоего пола в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст 18.8 ± 1.3 года, из них 11 мужчин), студенты 1–3 курсов вуза, направление обучения — психология; 39 коммуникантов старшего и пожилого возраста от 49 до 76 лет (61.0 ± 8.2 года, из них 15 мужчин) с высшим и средним профессиональным образованием различного профиля (рис. 1). Перед началом обследования все испытуемые подписывали информированное согласие об участии в эксперименте. Все процедуры, выполненные в настоящем исследовании с участием людей, соответствовали требованиям этического комитета Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова Российской академии наук (протокол № 02-02 от 1 февраля 2024 г.) и Хельсинкской декларации 1964 г. с ее последующими изменениями.

У всех участников обследования был проверен слух методом стандартной воздушной тональной аудиометрии. В исследование были включены только те коммуниканты, у которых состояние слуха соответствовало возрастной норме. Средние значения (M) порогов слуха и стандартные отклонения (SD) для левого и правого уха в обеих выборках молодого и старшего возраста представлены на рис. 2.

Оценка возрастной нормы слуха выполнялась по величине среднего значения потери слуха (величина порога ниже аудиометрического нуля, соответствующего среднестатистическому порогу слуха здорового испытуемого) для 4-х октавных частот речевого диапазона (500, 1000, 2000 и 4000 Гц) (рис. 3). При этом межполушарная разница не превышала 12 дБ, а по средним значениям она составила в обеих группах 3 дБ (рис. 4).

Симметричный слух с порогами слышимости на октавных частотах, соответствующими норме слуха, является существенным условием для

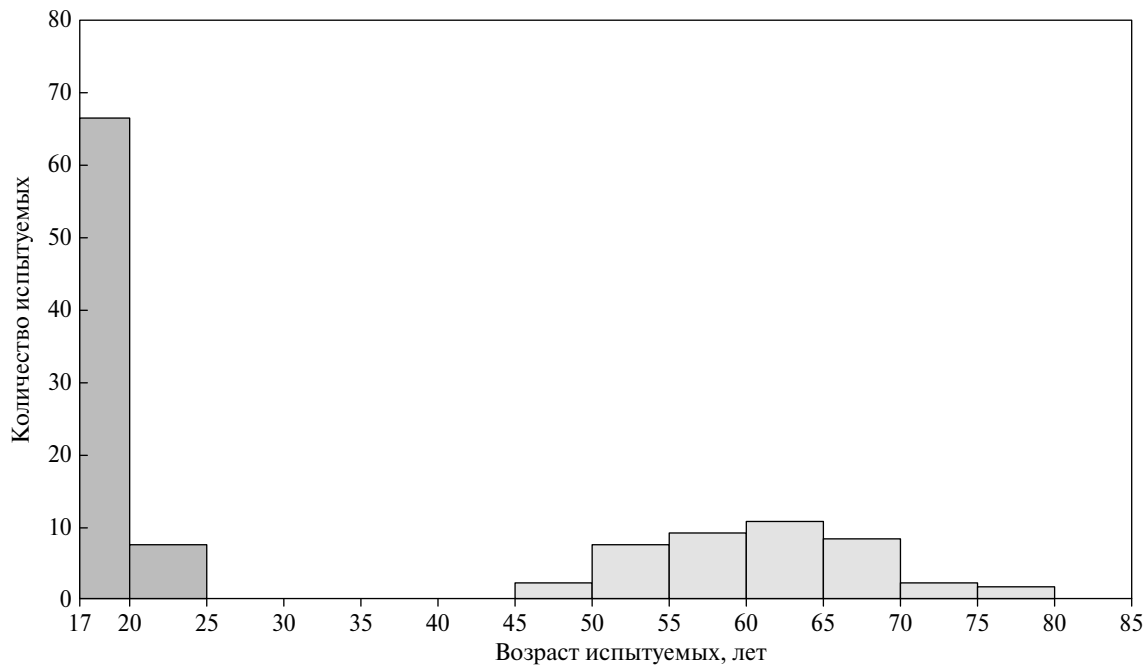

Рис. 1. Возрастной состав двух выборок

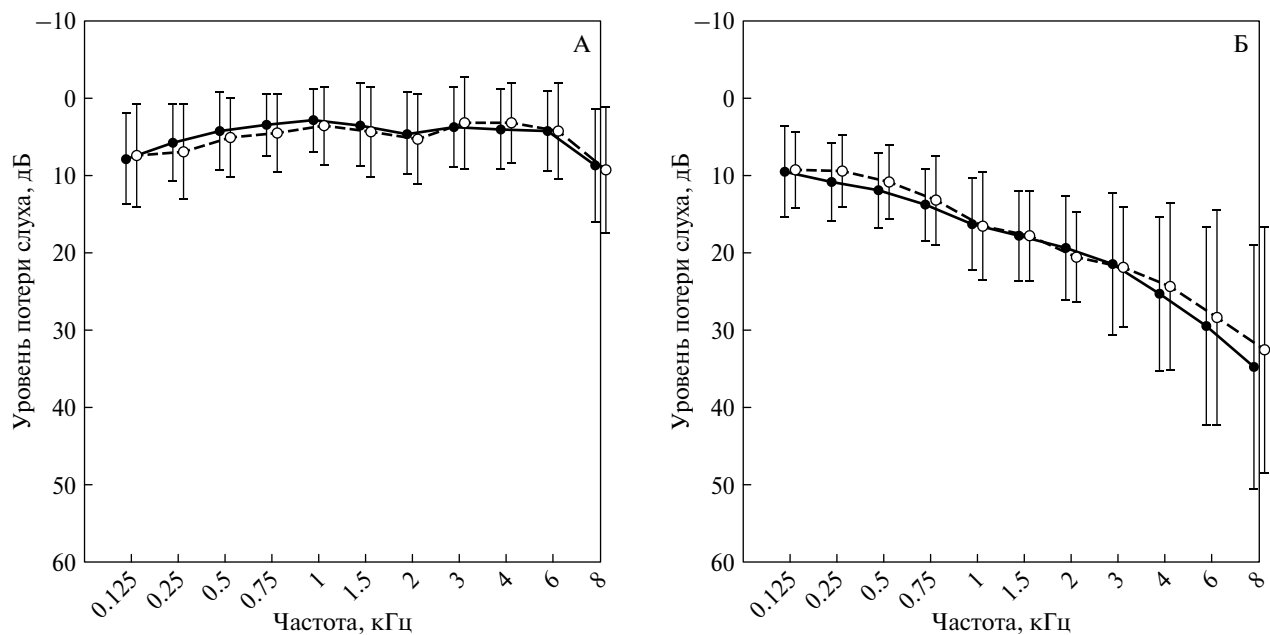

Рис. 2. Средние пороги тональной аудиометрии в двух возрастных группах для обоих ушей: А — группа молодого возраста, $n = 74$; Б — группа среднего и пожилого возраста, $n = 39$. Сплошная линия — левое ухо, пунктирная линия — правое ухо. Показано $M \pm SD$

результатов оценки восприятия речи и местоположения ее источников в повседневных условиях.

Статистическая значимость групповых различий проверяли с помощью U -критерия Манна—Уитни. Исследование взаимосвязей количественных признаков осуществляли с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Для оценки возможности применения факторного анализа использовали критерии Кайзера—

Майера—Олкина и Бартлетта. Факторы выявляли методом выделения главных компонент, вращение факторов выполняли методом варимакс с нормализацией Кайзера.

Анализ надежности опросника SHQ и выделенных факторов определяли с помощью коэффициента α Кронбаха. Статистический анализ проводили с применением программы IBM SPSS Statistics 22.0.0.0.

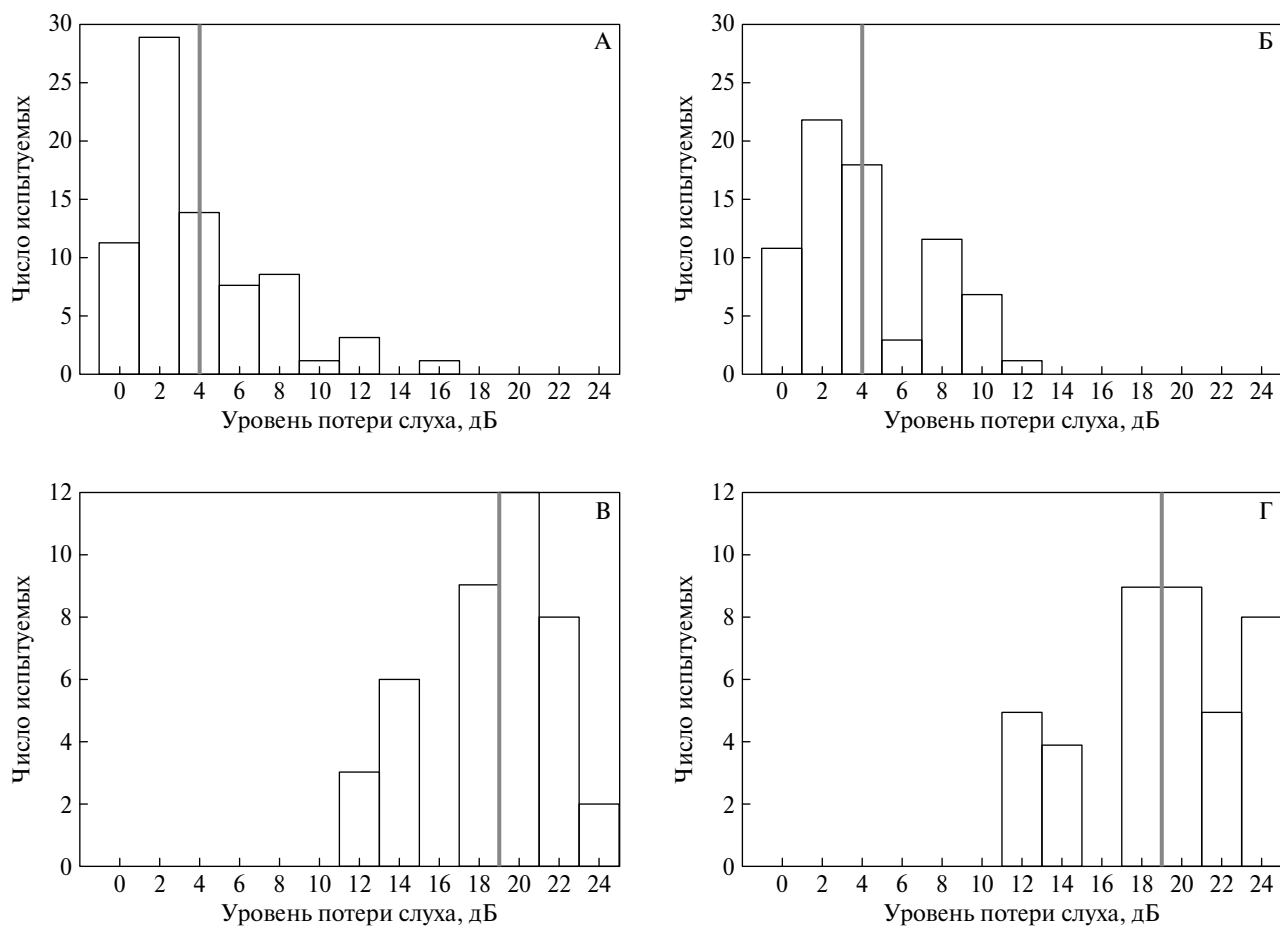

Рис. 3. Распределение средней потери слуха для 4-октавных частот речевого диапазона (500, 1000, 2000 и 4000 Гц) в двух группах испытуемых: А — левое ухо, группа молодого возраста; Б — правое ухо, группа молодого возраста; В — левое ухо, группа среднего и пожилого возраста; Г — правое ухо, группа среднего и пожилого возраста. Вертикальной линией показана средняя по группе потеря слуха

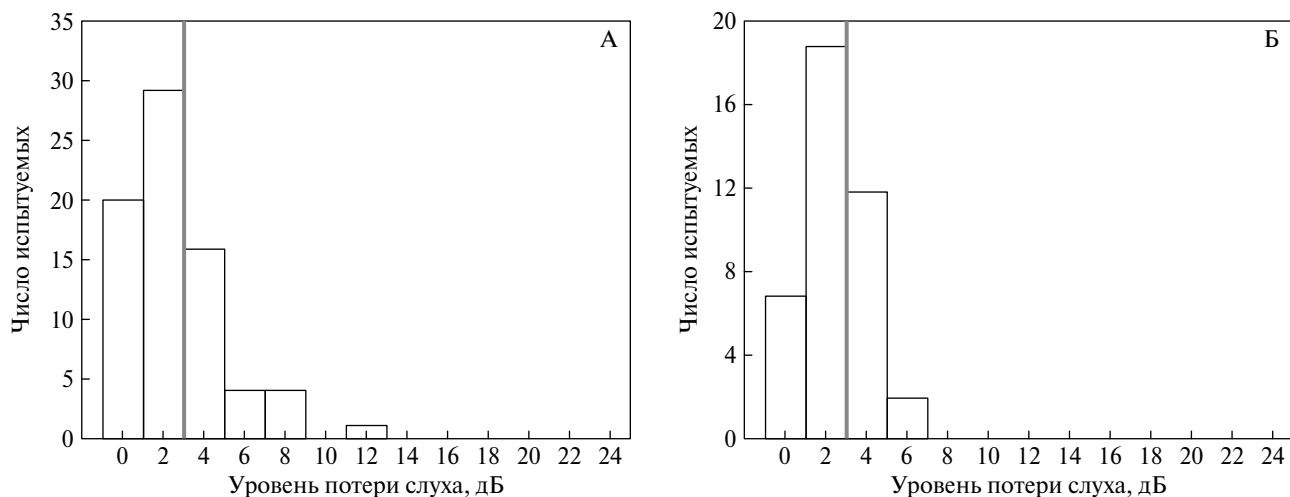

Рис. 4. Распределение междушумной разницы в порогах слышимости, усредненной по 4-октавным частотам речевого диапазона (500, 1000, 2000 и 4000 Гц) в двух группах испытуемых: А — группа молодого возраста; Б — группа среднего и пожилого возраста. Вертикальной линией показана средняя по группе разница

РЕЗУЛЬТАТЫ

Воспроизводимость опросника SHQ оценивалась путем вычисления коэффициентов α Кронбаха и общего коэффициента корреляции. Коэффициент α Кронбаха составил 0.937, что свидетельствует о внутренней согласованности опросника SHQ на русском языке. Корреляционный анализ Пирсона показал хорошую корреляцию значений, полученных для каждого из 24 вопросов и средних значений, полученных для всего опросника SHQ. Полученные значения варьировали от 0.38 до 0.77.

В обеих возрастных группах при ответах на вопросы опросника SHQ наиболее высокие балльные оценки были получены для вопросов № 1–4 при восприятии речи и музыки в тишине. Наиболее низкие баллы наблюдали при определении локализации быстро движущихся объектов — самолета и машины (№ 21–23) (табл. 1).

Сравнение слухового восприятия речевых и неречевых звуков в двух возрастных группах с применением U -критерия Манна—Уитни выявило достоверные различия в ответах на вопросы № 2, 4, 11, 14, 17, 18, 19 и 24 опросника SHQ. Следовательно,

было обнаружено ухудшение восприятия речи и локализации источников речевых и неречевых звуков в старшей группе по сравнению с младшей группой, которое касалось ответов на одну треть вопросов опросника. Вопросы, которые свидетельствовали об ухудшении восприятия в старшей группе, преимущественно касались женской речи (№ 2, 14, 18), а также локализации при положении источников сзади (№ 17–19). Вместе с тем неожиданно выявили более высокие балльные оценки у старшей группы при восприятии детской речи: достоверно № 11 и в виде тенденции № 7.

Для того чтобы определить возможность применения факторного анализа для интерпретации данных опросника SHQ, полученных для группы нормы, применяли критерий адекватности выборки Кайзера—Майера—Олкина. Его величина, близкая к единице, указывает на то, что факторный анализ является подходящим тестом, а величина, близкая к нулю, — на то, что следует провести другую форму анализа. Величина критерия, полученная для теста SHQ, была равна 0.83. Также была проведена оценка критерия сферичности Бартлетта, который проверяет гипотезу о том, что наблюдаемая

Таблица 1. Средние результаты балльной оценки ответов опросника SHQ для двух групп испытуемых с нормальным слухом

Вопрос	Молодой возраст $M(SD, SE)$	Средний и пожилой возраст $M(SD, SE)$
1. Мужской голос в тишине	96.2 (8.8, 1.0)	97.2 (5.9, 0.9)
2. Женский голос в тишине	96.3 (9.1, 1.1)	94.6* (7.5, 1.2)
3. Детский голос в тишине	91.0 (13.9, 1.6)	94.7 (8.1, 1.3)
4. Музыка в тишине	98.0 (6.3, 0.7)	97.1* (4.2, 0.7)
5. Мужчина впереди, шум позади него	79.0 (17.2, 2.0)	78.5 (18.9, 3.0)
6. Женщина впереди, шум позади нее	79.0 (17.2, 2.0)	75.9 (18.0, 2.8)
7. Ребенок впереди, шум позади него	72.4 (16.5, 1.9)	76.7* (18.8, 3.0)
8. Музыка впереди, шум позади нее	74.5 (19.7, 2.3)	75.4 (18.8, 3.0)
9. Мужчина впереди, шум сбоку	75.3 (18.2, 2.1)	75.9 (17.0, 2.7)
10. Женщина впереди, шум сбоку	75.6 (18.6, 2.1)	72.8 (16.3, 2.6)
11. Ребенок впереди, шум сбоку	69.2 (19.9, 2.3)	75.7* (17.0, 2.7)
12. Музыка впереди, шум сбоку	73.3 (18.9, 2.2)	75.7 (20.7, 3.3)
13. Локализация мужского голоса	80.1 (19.2, 2.2)	80.2 (16.2, 2.6)
14. Локализация женского голоса	80.8 (17.9, 2.1)	77.2* (15.0, 2.4)
15. Локализация детского голоса	79.7 (18.7, 2.2)	77.3 (16.3, 2.6)
16. Локализация музыки	82.0 (15.2, 1.8)	79.8 (13.0, 2.0)
17. Локализация мужского голоса позади	86.1 (15.1, 1.7)	75.3** (16.2, 2.6)
18. Локализация женского голоса позади	85.7 (15.1, 1.7)	72.8** (16.1, 2.5)
19. Локализация детского голоса позади	83.0 (16.7, 1.9)	75.7* (16.0, 2.5)
20. Локализация музыки позади	83.5 (17.4, 2.0)	80.5 (13.6, 2.1)
21. Локализация самолета	64.3 (24.2, 2.8)	65.3 (20.7, 3.3)
22. Локализация автомобиля	68.1 (20.8, 2.4)	72.7 (18.9, 3.0)
23. Направление движения автомобиля	71.4 (22.8, 2.6)	68.5 (17.6, 2.8)
24. Расстояние до громкого звука	77.9 (18.3, 2.1)	66.1* (13.7, 2.2)

Примечание: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; SE — ошибка среднего. Установлено различие между значениями в двух группах: ** — $p < 0.01$, * — $p < 0.05$, “ — $p < 0.1$.

корреляционная матрица является единичной. Если гипотеза верна, факторная модель непригодна. Значимость меньше 0.05 указывает на то, что проведение факторного анализа приемлемо. В нашем исследовании значимость составила $p < 0.0001$. Значения критерия Кайзера—Майера—Олкина и критерия Бартлетта указывают на возможность использования факторного анализа.

Факторный анализ методом выделения главных компонент показал пять собственных значений, величина которых была выше 1.0. Собственные значения, процент дисперсии и суммарный процент дисперсии для пяти выделенных факторов представлены в табл. 2. В совокупности факторы позволяют объяснить 80.3% дисперсии. При этом вклад первого фактора сопоставим с суммарным вкладом остальных четырех факторов и составляет 43.2%.

Таблица 2. Собственные значения матрицы, процент дисперсии и суммарный процент дисперсии, представленные для пяти факторов ($N = 113$)

Фактор	Собственное значение матрицы	% дисперсии	Суммарный % дисперсии
1	10.4	43.2	43.2
2	2.8	11.8	55.0
3	2.8	11.5	66.6
4	2.1	8.6	75.2
5	1.2	5.2	80.3

Таблица 3. Матрица вращения для трех факторов

№ вопроса	Фактор				
	1	2	3	4	5
5	0.85	0.07	0.18	0.12	0.09
6	0.87	0.11	0.20	0.14	0.02
7	0.68	0.24	0.38	0.08	0.24
8	0.81	0.30	0.00	0.08	0.11
9	0.89	0.04	0.05	0.24	0.13
10	0.87	0.06	0.07	0.24	0.13
11	0.65	0.29	0.26	0.06	0.29
12	0.82	0.29	0.03	0.09	0.07
17	0.23	0.88	0.11	0.33	0.03
18	0.21	0.87	0.14	0.32	0.03
19	0.24	0.87	0.15	0.28	0.07
20	0.25	0.82	0.02	0.06	0.27
1	0.17	0.12	0.92	0.07	0.01
2	0.08	0.06	0.90	0.20	0.09
3	0.13	0.09	0.89	0.05	0.04
4	0.16	0.04	0.69	0.21	- 0.05
13	0.28	0.25	0.21	0.84	0.19
14	0.24	0.29	0.26	0.85	0.17
15	0.21	0.34	0.31	0.80	0.21
16	0.17	0.45	0.01	0.60	0.35
21	0.20	0.06	0.00	0.21	0.81
22	0.19	- 0.04	0.04	0.19	0.87
23	0.17	0.10	0.05	0.06	0.79
24	- 0.03	0.41	0.00	0.08	0.61

Для интерпретации полученных данных было осуществлено вращение факторов методом варимакс с нормализацией Кайзера (табл. 3). Фактор 1 был соотнесен с восемью вопросами опросника SHQ, которые касались восприятия речевых и неречевых звуков в шуме (№ 5–12). Фактор 2 определялся вопросами № 17–20, которые связаны с локализацией звукового источника, находящегося позади испытуемого. Восприятие в тишине речевых звуков и звуков музыки (диапазон частот, близкий к речевому) отнесено к фактору 3 (№ 1–4). Вопросы, в которых испытуемого просили оценить местоположение не видимого для него источника звукового сигнала (№ 13–16), были соотнесены с фактором 4. Фактор 5 оказался связан с локализацией быстро движущихся объектов — самолета и машины (№ 21–23). Ответы на группу вопросов,

Таблица 4. Средние результаты подшкал опросника SHQ для двух групп испытуемых с нормальным слухом

Подшкалы восприятия звуков разных категорий и в разных условиях	Тест молодые $M (SD, SE)$	Тест старший зрелый $M (SD, SE)$
1. Мужской голос	83.1 (11.6, 1.3)	81.4 (11.9, 1.9)
2. Женский голос	83.5 (11.6, 1.3)	78.6 (11.2, 1.8)
3. Детский голос	79.1 (13.4, 1.5)	80.0 (12.2, 1.9)
4. Музыка	82.3 (11.7, 1.3)	81.7 (11.3, 1.8)
5. Локализация источника звука	78.5 (13.5, 1.6)	74.3 (11.2, 1.8)
6. Речь и музыка в тишине	95.4 (8.6, 1.0)	95.9 (5.7, 0.9)
7. Целевой сигнал на фоне шума спереди	76.3 (15.1, 1.7)	76.6 (17.4, 2.7)
8. Целевой сигнал на фоне шума сбоку	73.3 (16.7, 1.9)	75.0 (16.4, 2.6)
9. Среднее по всем 24 вопросам	80.1 (11.1, 1.3)	78.4 (10.5, 1.7)

Примечание: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; SE — ошибка среднего.

входящих в фактор 5, вызывали наибольшую сложность. Таким образом, наиболее сложная слуховая задача, связанная с пониманием речи и восприятием музыки в шуме, связана с фактором 1, а наиболее легкие ситуации слухового восприятия в тишине — с фактором 3. Задачи локализации источников речевых и неречевых звуков в зависимости от их специфики описываются факторами 2, 4 и 5. Были определены значения коэффициента α Кронбаха для всех пяти факторов. Для фактора 1 он составил 0.948; для фактора 2 — 0.957; для фактора 3 — 0.882; для фактора 4 — 0.948; для фактора 5 — 0.832. Полученные значения свидетельствуют о высокой надежности для всех выделенных факторов.

В соответствии с содержанием вопросов и с учетом факторного анализа в работах по данному опроснику принято выделять восемь подшкал опросника SHQ и отдельно рассматривают средний балл по всем вопросам. Результаты такого анализа с названием подшкал представлены в табл. 4. Сравнение двух возрастных групп не выявило различий ни по одной из подшкал.

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты корреляционного анализа показали высокую внутреннюю согласованность русскоязычной версии SHQ: значения общей корреляции между пунктами составляли от 0.38 до 0.77, что было близко к результатам первоначальной версии SHQ [2; 7]. В этой работе коэффициенты корреляции были равны 0.41–0.88. Оценка надежности оказалась высокой: полученное значение α Кронбаха по нашим данным составило 0.94, что хорошо согласовывалось с оригинальным исследованием SHQ (0.98). Таким образом, наши данные подтвердили, что русскоязычная версия SHQ является надежным инструментом для оценки бинаурального

слуха и состояния способности коммуникантов к общению в сложной акустической среде.

В выполненных ранее работах [1; 6] не получили влияния возраста на результаты опроса. Возрастной аспект рассматривался как корреляция между возрастом и средним баллом по SHQ. В первой из упомянутых работ группа респондентов состояла из пользователей кохлеарных имплантов среднего возраста, во втором исследовании оценивали респондентов с нормой слуха, но возрастной диапазон охватывал средний и пожилой возраст. В нашем исследовании были сопоставлены группы респондентов молодого и старшего с пожилым возрастом, т.е. средний возраст групп различался почти в три раза. Причем старшая группа состояла из респондентов, для которых было характерно начальное ухудшение слуха. В подтверждение этому было выявлено достоверное снижение балльных оценок для 7 из 24 вопросов. При анализе ситуаций, по поводу которых возникли затруднения, было обнаружено, что эти затруднения обусловлены необходимостью использования высокочастотного слуха в данных коммуникативных ситуациях: высокий голос коммуникантов, локализация источника звука позади слушателя. Вместе с тем подшкалы, содержащие вопросы о коммуникативных ситуациях с определенными задачами категоризации звуков, их признаков, не выявили достоверных различий в балльных оценках, данных группами респондентов.

В табл. 5 представлены результаты опросника SHQ по подшкалам в пяти группах с нормой слуха на русском, английском и французском языках [1; 4; 5]. При сравнении данных таблицы оказалось, что результаты, полученные в нашем исследовании в обеих возрастных группах респондентов, сходны с данными английской и французской версий. Вместе с тем даже старшая группа, обследованная нами и имеющая возрастной диапазон, сходный

Таблица 5. Средние результаты подшкал опросника SHQ в группах с нормальным слухом в данной и трех работах, выполненных с версиями опросника на разных языках

Подшкалы восприятия звуков разных категорий и в разных условиях	Молодая группа, наши данные 74 чел., 11 м 17–24 л	Старшая группа, наши данные 39 чел., 15 м 49–76 л	Владиминова и др., 2023 17 чел., 9 м 42–65 л	Perreau et al., 2014 51 чел., 7 м 18–61 г	Moulin, Richard, 2016 98 чел., 29 м 18–23 л
1	83.3	81.4	68.2	89.5	87.5
2	83.3	78.6	66.8	89.4	87.1
3	79.0	80.0	66.3	87.0	85.9
4	81.4	81.7	64.9	87.7	84.3
5	77.8	74.3	71.1	84.2	79.2
6	95.5	95.5	80.2	98.3	98.6
7	76.3	76.6	62.2	84.9	84.1
8	73.1	75.0	60.4	85.8	81.5
9	79.7	78.4	68.2	86.6	83.6

с таковым в работе [5], продемонстрировала более высокие оценки, чем в упомянутой работе.

Опросник SHQ содержит восемь подшкал, отражающих восприятие разных характеристик сигнала, важных для бинаурального слуха, однако факторный анализ указывает на то, что совокупность ответов коммуникантов с нормой слуха может быть объяснена пятью факторами. При этом фактор 3, связанный с пониманием речи и музыки в тишине, совпадал с подшкалой SHQ. А на ответы подшкал, связанных с распознаванием целевого сигнала на фоне шума, звучащего спереди и сбоку от коммуниканта, оказывал влияние фактор 1, включающий вопросы № 5–12. Он позволял объяснить наиболее значительный процент дисперсии. Ответы, относящиеся к подшкале локализации источника звука, были связаны с факторами 2, 4 и 5. Таким образом, можно предположить, что выделенные факторы отражают более общий характер ответов коммуникантов. Это можно объяснить тем обстоятельством, что часть вопросов опросника SHQ включена в несколько подшкал. Значение критерия адекватности выборки Кайзера—Майера—Олкина, равное 0.83, полученное в нашей работе, указывает на то, что выделенные факторы позволяют объяснить корреляцию между парами переменных, т.е. о их надежности. В нормативных данных английской и французской версий опросника [4; 5] значения критерия Кайзера—Майера—Олкина составили 0.77 и 0.86 соответственно. В английской версии факторный анализ позволил выделить четыре фактора, объясняющих 81.1% дисперсии, для французской — пять факторов и 89%, тогда как в русском варианте мы получили объяснение 80.3% дисперсии на основании пяти факторов. Причем факторы, выделенные нами, полностью совпадали с факторами французской версии опросника. При этом порядок и количество

вопросов для первых трех факторов в нашей работе и работе французских коллег были одинаковы. В английском опроснике SHQ вопросы, отнесенные к выделенным нами факторам 2 и 4, были объединены в один фактор, который объяснял наибольший процент дисперсии. Таким образом, результаты применения нами русскоязычной версии опросника по результатам факторного анализа находятся в хорошем соответствии с результатами версий на европейских языках, полученных на контингенте коммуникантов с нормальным слухом. Нормативные данные близки по балльным оценкам как для суммарных результатов опросника, так и при рассмотрении отдельных подшкал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В группах молодого и старшего, включая пожилую, возраста показана высокая воспроизводимость и валидность русскоязычной версии опросника SHQ. Способности к коммуникации в сложных условиях были достаточно высоко оценены обеими возрастными группами. В ряде коммуникативных ситуаций — субъект вне поля зрения, на достаточном расстоянии от коммуниканта, респонденты старшего возраста испытывали достоверно большие затруднения, однако ни одна из подшкал не выявила достоверных различий в ответах респондентов разного возраста. Таким образом, мы получили сходные нормативные данные для двух возрастных групп, которые находятся в хорошем соответствии с результатами версий опросника на других языках. Опросник SHQ можно применять в качестве эффективного инструмента для оценки успешности коммуникации в повседневных условиях и способности пространственного слуха у коммуникантов в широком возрастном диапазоне — от молодого до пожилого возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирова Т.Ю., Мартынова А.Б., Барбашева С.С. Валидация и перспективы применения русскоязычной версии опросника пространственного слуха (SHQ) // Аспирантский вестник Поволжья. 2023. Т. 23. № 1. С. 15–20.
2. Davidson A., Souza P. Relationships Between Auditory Processing and Cognitive Abilities in Adults: A Systematic Review // Journ Speech Lang Hear R. 2024. V. 67. № 1. P. 296–345.
3. Maneesriwongul W., Dixon J.K. Instrument translation process: a methods review // Journ Adv Nurs. 2004. V. 48. № 2. P. 175–186.
4. Moulin A., Richard C. Validation of a French-language Version of the Spatial Hearing Questionnaire, Cluster Analysis and Comparison with the Speech, Spatial, and Qualities of Hearing Scale // Ear Hear. 2016. V. 37. № 4. P. 412–423.
5. Perreau A.E. et al. The Spatial Hearing Questionnaire: Data from individuals with normal hearing // Am Journ Audiol. 2014. V. 23. № 2. P. 173–181.
6. Tyler R.S., Perreau A.E., Ji H. Validation of the Spatial Hearing Questionnaire // Ear Hear. 2009. V. 30. № 4. P. 466–474.
7. Whitmer W.M. et al. Hearing Aid Validation // Hearing Aids, Springer Handbook of Auditory Research 56 / Eds. G.R. Popelka et al. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 291–321.

APPLICATION OF THE SPATIAL HEARING QUESTIONNAIRE (SHQ) FOR COMMUNICANTS IN TWO AGE GROUPS²

I. G. Andreeva*, E. A. Klishova**, A. M. Lunichkin***

*Sechenov Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry of the Russian Academy of Sciences;
194223, Saint Petersburg, Torez ave., 44, Russia.*

**ScD in Biology, Chief Researcher at Laboratory of Comparative Physiology of Sensory Systems.
E-mail: ig-andreeva@mail.ru*

***Graduate Student at Laboratory of Comparative Physiology of Sensory Systems.
E-mail: klishova@gmail.com*

****PhD in Biology, Researcher at Laboratory of Comparative Physiology of Sensory Systems.
E-mail: bolverkdc@mail.ru*

Received 03.07.2024

Abstract. Binaural hearing, which is based on the processing of fine temporal structure of a signal, declines with age, which may have consequences for communication and socialization. The Spatial Hearing Questionnaire (SHQ) is widely used in world practice, but previously has not been used to identify age-related changes in the perception of communicative situations. This study is aimed at determining the validity of the questionnaire and its sensitivity to the age of the respondent. The survey involved 113 respondents with normal hearing, divided into two groups 113: (1) young, (2) middle and old age. Factor analysis revealed five factors that influence the perception of communicative situations. Analysis of the subscales of the SHQ questionnaire did not reveal significant differences in the studied groups of respondents. Normative data from the SHQ questionnaire were obtained for communicators in a wide age range — from 18 to 75 years.

Keywords: communication, auditory perception, age, SHQ questionnaire, factor analysis.

REFERENCES

1. Vladimirova T.Yu., Martynova A.B., Barbasheva S.S. Validatsiya i perspektivy primeneniya russkoyazychnoj versii oprosnika prostranstvennogo sluha (SHQ). Aspirantskij vestnik Povolzh'ya. 2023. V. 23. № 1. P. 15–20.
2. Davidson A., Souza P. Relationships Between Auditory Processing and Cognitive Abilities in Adults: A Systematic Review. Journ Speech Lang Hear R. 2024. V. 67. № 1. P. 296–345.
3. Maneesriwongul W., Dixon K. Instrument translation process: a methods review. Journ Adv Nurs. 2004. V. 48. № 2. P. 175–186.
4. Moulin A., Richard C. Validation of a French-language Version of the Spatial Hearing Questionnaire, Cluster Analysis and Comparison with the Speech, Spatial, and

² This work was funded by a grant from the Russian Science Foundation (Project № 24-25-00346).

- Qualities of Hearing Scale. *Ear Hear.* 2016. V. 37. № 4. P. 412–423.
5. *Perreau A.E. et al.* The Spatial Hearing Questionnaire: Data from individuals with normal hearing. *Am Journ Audiol.* 2014. V. 23. № 2. P. 173–181.
6. *Tyler R.S., Perreau A.E., Ji H.* Validation of the Spatial Hearing Questionnaire. *Ear Hear.* 2009. V. 30. № 4. P. 466–474
7. *Whitmer W.M. et al.* Hearing Aid Validation. *Hearing Aids, Springer Handbook of Auditory Research 56.* Eds. G.R. Popelka et al. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 291–321.

УДК 159.9.072

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ “ШКАЛА ОТНОШЕНИЯ К ДОСУГУ” (LEISURE ATTITUDE SCALE (LAS)) ДЖ. Г. БРИД И М. Г. РАГЕБ¹

© 2024 г. М. В. Евтодий^{1,*}, А. Е. Воробьева^{2,**}

¹ФГБОУ ВО Государственный академический университет гуманитарных наук;
119049, Москва, Мароновский пер., д. 26, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Магистрант факультета психологии.

E-mail: mv.evtodiy@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории
социальной и экономической психологии.

E-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Поступила 06.09.2024

Аннотация. Статья посвящена адаптации иностранной методики Leisure Attitude Scale (LAS) на российской выборке. Апробация LAS проводилась в три этапа, поскольку каждый последующий этап вытекал из результатов предыдущего. Всего в исследовании приняли участие 270 респондентов от 18 до 30 лет. В итоге удалось достичь высокой надежности методики, а также соответствия факторной структуры эмпирических данных теоретической модели. Из 3 шкал LAS удалось проверить валидность только Аффективной и Поведенческой шкалы. Когнитивная шкала прошла проверку на валидность лишь частично. Методику LAS можно использовать в дальнейших исследованиях по психологии досуга.

Ключевые слова: психология досуга, досуг, досуговая деятельность, отношение к досугу, шкала отношения к досугу.

DOI: 10.31857/S0205959224060102

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение психологии досуга значимо с той точки зрения, что позволяет понять мотивы и установки людей при занятии досуговой деятельностью. Это позволяет больше узнать о человеке как личности. В частности, исследования отношения как установки человека к своему досугу могут раскрыть связь данной установки с социальной желательностью, личностными характеристиками. Исследования в области психологии досуга также могут помочь в развитии сферы досугово-развлекательной деятельности, в которой строятся и открываются новые центры. Также она важна в контексте социальной работы как инструмент ресоциализации и профилактики асоциальности.

Проблема изучения досуга актуальна в основном в зарубежной психологии. В России психология досуга мало изучена, и на данный момент существует относительно небольшое количество статей и исследований, посвященных рассматриваемой проблематике [4]. Поэтому не удивительно, что существующие на сегодняшний день методики для изучения досуга являются как правило иноязычными, большинство из которых описано на английском языке.

За рубежом начиная с последней четверти XX в. в сфере психологии досуга было разработано множество методик, которые другие авторы пытались усовершенствовать, сократить или на их основе создать новую методику.

Исследователи из Малазийского университета разработали Physical Activity and Leisure Motivation Scale (PALMS) [20] с целью изучения мотивов занятия физической активностью, которая относится

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2024-0018 “Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса” в Институте психологии РАН.

к категории досуга. Шкала состоит из 40 пунктов, относящихся к занятиям спортом и физической культурой. Данная методика предназначена для подростков и взрослых. Всего выделено 8 субшкал, такие как Мастерство, Удовольствие, Психологическое состояние, Физическое состояние, Внешний вид, Ожидания других, Принадлежность, Конкуренция/эго. Перечисленные субшкалы отражают мотивы занятия физической активностью. Каждая из субшкал состоит из 5 пунктов. Валидность шкалы проверяли с помощью методики *Recreational Exercise Motivation Measure (REMM)*, которая включает в себя 73 пункта и измеряет те же 8 мотивов, что и проверяемая шкала. Собственно, методика *PALMS* была получена из *REMM* в качестве более короткой, но эквивалентной версии. Вследствие апробации методика оказалась валидной, продемонстрировала приемлемую факторную структуру, внутреннюю согласованность и надежность при повторном тестировании.

Исследователи из Техасского университета разработали длинную и короткую версию *Leisure Diagnostic Battery (LDB)* [18], основной предпосылкой которой стала необходимость каким-то образом оценивать функционирование и эффективность досуга в рекреационной терапии. Изначально планировалось создать две версии: версия А для детей 9–14 лет с небольшим снижением интеллекта и версия В для умственно отсталых детей того же возраста. В последующих исследованиях версия В была признана неприменимой для целей оценки. Дальнейшие исследования расширили применимость *LDB* к другим возрастным группам и населению без инвалидности.

Изначально существовала только длинная форма версии А, включающая в себя 95 вопросов. В ней выделены две части: часть 1 включает пять шкал, измеряющих воспринимаемую человеком свободу в досуге (Шкала воспринимаемой компетентности в досуге, Шкала воспринимаемого контроля над досугом, Шкала глубины вовлеченности в досуг, Шкала потребностей в досуге и Шкала игривости), и часть 2 состоит из трех шкал (Шкала барьеров для участия в досуге, Шкала знаний о возможностях досуга и Шкала предпочтений в досуге). Однако пользователи методик отмечали невозможность выполнить всестороннюю оценку с помощью такой длинной методики. Тогда разработали короткую версию, состоящую из 25 вопросов и пригодную не только для подростков, но и для взрослых и пожилых.

Д.Г. Бирд и М.Г. Рагеб создали *Leisure Satisfaction Scale (LSS)* [14], которая была предназначена для измерения субъективной степени удовлетворенности

или неудовлетворенности личных потребностей с помощью досуга. Потребности заключены в 6 субшкал: Психологическая, Образовательная, Социальная, Релаксационная, Физиологическая и Эстетическая. Итоговая версия опросника состояла из 51 вопроса. Однако несмотря на то, что большинство респондентов заполняли оригинальный опросник за 20 мин, разработчики все же создали валидную и надежную сокращенную версию данного опросника, состоящего из 24 пунктов и имеющего по 4 вопроса на каждую субшкалу.

Д.Г. Бирд и М.Г. Рагеб разработали еще одну методику для изучения психологии досуга — *Leisure Attitude Scale* [21] (далее — *LAS*), которая была разработана для определения отношения к досугу. Отношение к досугу состоит из трех компонентов: Когнитивный, Аффективный и Поведенческий. Под Когнитивным компонентом подразумеваются общие знания и убеждения человека о досуге, его характеристиках, достоинствах и их отношении к качеству жизни. Аффективный компонент понимается как чувства человека к собственному досугу, степень симпатии или антипатии к досугу. В Поведенческий компонент включаются прошлые, настоящие и предполагаемые действия человека в отношении досуга. Соответственно описанным компонентам были созданы 3 субшкалы. Каждая субшкала состоит из 12 пунктов, а в опроснике в целом насчитывается 36 утверждений.

Апробация методики показала, что корреляции между Аффективной и Поведенческой шкалами была больше, чем между Когнитивной и Поведенческой. Данный результат авторы интерпретируют так, что поведенческие намерения могут быть вызваны больше тем, что человек чувствует в связи со своим досугом, чем тем, что ему в принципе известно о досуге. Субшкалы в целом имели слабые корреляции с социально-демографическими характеристиками. Данные по Когнитивной субшкале положительно коррелировали с возрастом, образованием и доходом, а все остальные субшкалы — Аффективная и Поведенческая — имели отрицательные корреляции с теми же характеристиками.

А. Тейшейра и Т. Фрейре сделали обзор на рассматриваемую методику и разработали ее короткую версию [23]. В их статье говорится, что пока ни одна методика для измерения отношения к досугу не показала лучшие психометрические характеристики, чем методика М.Г. Рагеб и Д.Г. Бирд. По их же данным, *LAS* была переведена на другие языки и показала хорошую валидность и надежность в разных странах, таких как Китай, Корея, Малайзия, Португалия, Тайвань и Иран.

А. Тейшейра и Т. Фрейре решили разработать короткую версию LAS. Однако до них сокращенную версию LAS разработал Цзиньян Дэн [17] с коллегами для своего кросскультурного исследования, он же участвовал в адаптации оригинальной методики и ее короткой версии на китайский язык. Этот опросник состоял из 24 пунктов, где каждая субшкала включала в себя 8 утверждений.

В итоге А. Тейшейра и Т. Фрейре разработали более короткую версию LAS по сравнению с версией Цзиньян Дэн. Leisure Attitude Scale-Short Version (LAS-SV) в ее итоговом варианте состоит из 18 утверждений, каждая субшкала состоит из 6 пунктов. По результатам исследования Когнитивная и Аффективная субшкалы показали самую высокую корреляцию. Корреляция между Аффективной и Поведенческой субшкалами была выше, чем между Когнитивной и Поведенческой субшкалами, что соответствует изначальным результатам полной версии методики.

ПРОГРАММА РУССКОЯЗЫЧНОЙ АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ LAS

Для русскоязычной адаптации была выбрана полная версия методики “Шкала отношения к досугу” (Leisure Attitude Scale, LAS), так как среди проанализированных нами методик для психологического изучения досуга она отличается следующими достоинствами: применима к любой форме досуговой активности, успешно используется в разных культурах, имеет наилучшие психометрические характеристики.

Адаптация методики проводилась в три этапа, где каждый следующий вытекает из результатов предыдущего.

На *первом этапе* респондентам предлагались следующие методики:

— “Диагностика переживаний в деятельности” (ДПД) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева [12] — опросник содержит всего 12 утверждений, из которых выделяются 4 субшкалы (Усилие, Удовольствие, Смысл и Пустота). Каждое утверждение описывает возможные переживания, которые сопровождают человека во время той деятельности, которая указана в инструкции. Поэтому в настоящем исследовании в инструкцию и в сами утверждения была добавлена досуговая деятельность;

— Шкала увлечений (16 пунктов) из “Теста личностных ценностей” (ТЛЦ) Л.В. Карпушиной и А.В. Капцова [7]. В настоящем исследовании было бы нецелесообразно использовать полную

версию ТЛЦ из 90 пунктов. Во-первых, слишком много шкал, которые оказались бы бессмысленными для исследования. Во-вторых, такое большое общее количество пунктов могло ослабить мотивацию респондентов продолжать участие в исследовании;

— “Шкала отношения к досугу” — сначала была переведена с английского на русский (русскоязычный перевод был подвергнут экспертизе кандидата филологических наук, преподавателя академического английского языка), затем использовался обратный перевод (американская версия английского языка) носителем языка (сотрудником бюро переводов Translated) для проверки различий оригинального и обратного перевода с целью сохранения смысла утверждений. Далее для проверки соответствия утверждений опросника культурным спецификам русского языка было проведено интервью методом think-aloud с 5 респондентами разного пола и возраста. В результате интервью были скорректированы формулировки утверждений 20, 23, 30–33, 35 (табл. 1).

Все пункты в опроснике являются прямыми и не были преобразованы в обратные по нескольким причинам. Во-первых, авторами оригинальной методики не подразумевалось наличие обратных пунктов, а мы в своей работе стремились адаптировать методику с максимальным сохранением ее первоначального вида. Во-вторых, о предвзятости ответов, требующей введения обратных пунктов, можно судить по наличию сильной асимметрии для пунктов опросника [1], но проверка (данные представлены в приложении 2 с пояснениями) адаптированной нами версии методики показала, что асимметрия по всем пунктам, кроме одного, находится в допустимых пределах. В-третьих, исследование Э. ван Сондерена (E. van Sonderen) с соавторами доказало неэффективность обратных пунктов [24]. Помимо этого, в психометрическом исследовании А.А. Золотаревой было показано, что ответы на обратные пункты не соответствовали ответам на прямые [6], что косвенно говорит о том, что обратные пункты могут исказить результаты проведенных опросов.

Варианты ответа были представлены в пятибалльной шкале Лайкерта, как было задумано в оригинальной методике, где минимальный балл — 1, а максимальный — 5. Полная версия методики приведена в приложении 1.

Первые две методики ДПД и ТЛЦ были использованы для проверки валидности Аффективной и Когнитивной шкал адаптируемого опросника соответственно. Для проверки валидности Поведенческой шкалы адаптируемой методики было

Таблица 1. Коррекция перевода вопросов по результатам когнитивного интервью

№ пункта	Оригинальный вариант	Перевод	Вариант по результатам когнитивных интервью, вошедший в опросник
20	My leisure activities are refreshing	Мои занятия на досуге оживляют и взбадривают меня	Мои занятия на досуге поднимают мой жизненный тонус
23	I like my leisure activities	Мне нравятся мои досуговые занятия	Мне нравится мое проведение досуга
30	Given a choice I would live in an environment or city which provides for leisure	Если бы я мог(ла) выбирать, я бы жил(а) в той среде или в том городе, где предусмотрены возможности для проведения досуга	Если бы я мог(ла) выбирать, я бы жил(а) в той среде или в том городе, где есть все возможности для занятия досугом
31	I do some leisure activities even when they have not been planned	Некоторыми видами досуга я занимаюсь даже в том случае, если они не запланированы	Некоторыми видами досуга я занимаюсь даже в том случае, если они не были мной запланированы
32	I would attend a seminar or a class to be able to do leisure activities better	Я бы записался(ась) на семинар или курс, чтобы улучшить свои знания и навыки в области моих досуговых занятий	Я бы записался(ась) на дополнительные занятия, чтобы улучшить свои знания и навыки в области моего досуга
33	I support the idea of increasing my free time to engage in leisure activities	Мне нравится идея увеличения своего свободного времени, чтобы тратить его на досуговые занятия	Мне нравится идея увеличения своего свободного времени для того, чтобы тратить его на досуговые занятия
35	I would spend time in education and preparation for leisure activities	Мне хотелось бы проводить свое время, приобретая новые знания и готовясь к моим досуговым занятиям	Мне хотелось бы больше времени уделять приобретению новых знаний к моим досуговым занятиям

принято решение использовать метод контрастных групп. Для этого был введен фильтрующий вопрос: “Как часто Вы уделяете время своему досугу?”. Варианты ответа были следующими:

- несколько раз в месяц;
- не более 2 раз в неделю;
- 3 раза в неделю и более;
- каждый день.

Первые 2 варианта ответа определяют категорию людей, которые редко занимаются своим досугом. Другие же 2 пункта определяют ту категорию людей, которые довольно часто занимаются досуговой деятельностью. Фильтрующий вопрос и варианты ответа составлены на основе опроса ВЦИОМ [2].

На этом этапе участие в исследовании приняли 179 человек, среди которых было 77 мужчин (43%) и 102 женщины (57%) в возрасте от 18 до 30 лет. Средний возраст выборки составил 21 год.

Поскольку апробацию методики планировалось проводить на молодежи, нижняя и верхняя возрастные границы выборки были определены на основе статьи Д.О. Труфанова [13], в которой приведена категоризация молодежи по ее действительному социальному статусу.

Опрос проводился на бесплатной платформе с помощью Google Формы. Ссылка на опрос распространялась в группах социальной сети ВКонтакте, специально созданных для поиска респондентов исследователями (например, “FreudZone: психологические исследования”). Никакое вознаграждение за прохождение опроса не предусматривалось, что исключает материальную выгоду для респондентов. Таким образом, можно считать, что мотивация участия в исследовании была альтруистической и/или развлекательной. Сначала респонденту предъявлялись вопросы социально-демографического характера, т.е. о поле, возрасте, образовании и уровне доходов. В этом же блоке был фильтрующий вопрос о частоте досуговой деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА
АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ LAS

Статистическая обработка проводилась с использованием Statistica 8.

Когнитивная, Аффективная и Поведенческая шкалы прошли проверку на нормальность распределения по критерию Колмогорова—Смирнова, соответственно, для дальнейшей проверки методики “Шкала отношения к досугу” на конвергентную валидность применялись параметрические методы.

В данном случае использовался коэффициент корреляции Пирсона для Когнитивной и Аффективной шкал, которые проверялись со шкалами методик ТЛЦ и ДПД соответственно. Результаты приведены в табл. 2 и 3.

По результатам корреляционного анализа обнаружена слабая статистически значимая связь Когнитивной шкалы с субшкалой Духовная удовлетворенность, что подтверждает данные зарубежных исследователей о том, что досуговая деятельность приносит человеку чувство удовлетворения [16; 22]. Однако этого недостаточно, чтобы говорить о том, что удалось проверить конвергентную валидность данной шкалы. Возможно, это связано с тем, что Когнитивная шкала методики “Шкала отношения к досугу” и Шкала увлечений ТЛЦ измеряют разные конструкты. Также Когнитивная шкала по своему определению и формулировкам утверждений может быть подвержена социальной желательности.

Аффективная шкала имеет среднюю положительную корреляционную связь с субшкалами Удовольствие и Смысл жизни ДПД, что объясняется понятием самой досуговой деятельности. Досуговые занятия по определению направлены на получение чувства удовольствия [15; 19], а также у человека всегда присутствует какая-либо мотивация, чтобы заниматься тем или иным видом досуга [16],

а значит, есть и смысл в данной деятельности. Это также объясняет и отрицательную корреляционную связь с субшкалой Пустота. Аффективная шкала имеет среднюю, но значимую положительную корреляционную связь с субшкалами Удовольствие и Смысл. Отсутствие корреляции с субшкалой Усилие объясняется тем, что люди в основном ассоциируют досуг с отдыхом и приписывают ему рекреационную функцию [8].

Поведенческий компонент проверялся сравнением контрастных групп с помощью *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок (табл. 4). Для этого с помощью фильтрующего вопроса вся выборка была разделена на две группы: люди, которые часто занимаются досугом (группа 2), и те, кто делают это редко (группа 1). Значимых различий между двумя контрастными группами не выявлено ($p > 0.05$). Таким образом, проверка валидности Поведенческой шкалы методом контрастных групп не позволяет сделать вывод о приемлемом уровне валидности шкалы.

Второй этап исследования был проведен с целью, во-первых, дополнительной проверки Когнитивной шкалы с помощью других методик, а во-вторых, увеличения объема выборки для проверки Поведенческой шкалы. Были выбраны следующие методики:

Таблица 2. Корреляция Когнитивной шкалы со шкалами валидизирующей методики ТЛЦ

	Шкалы “Теста личностных ценностей” по субшкале “Увлечения”							
	Саморазвитие	Духовная удовлетворенность	Креативность	Взаимоотношения	Престиж	Достижения	Материальное благополучие	Сохранение индивидуальности
Когнитивный компонент отношения к досугу	0.07	0.17*	0.02	0.06	–0.11	0.09	–0.13	0.14

Примечание: * — статистически значимый коэффициент.

Таблица 3. Корреляция Аффективной шкалы со шкалами валидизирующей методики ДПД

	Субшкалы “Диагностика переживаний в деятельности”			
	Удовольствие	Смысл	Усилие	Пустота
Аффективный компонент отношения к досугу	0.55*	0.5*	0.11	–0.59*

Примечание: * — статистически значимый коэффициент.

Таблица 4. Проверка валидности Поведенческой шкалы

	Среднее значение баллов группы 1	Среднее значение баллов группы 2	Значение <i>t</i> -критерия Стьюдента	Значимость	Количество людей в группе 1	Количество людей в группе 2
Поведенческий компонент отношения к досугу	41.12	42.67	1.53	0.12	62	117

— “Шкала ценности времени как экономического ресурса” (6 пунктов) Ж. Узюнье в адаптации Т.А. Нестика [11] — предназначена для диагностики, насколько человек склонен рассматривать свое время как экономический ресурс. В настоящем исследовании методика использовалась для проверки валидности Когнитивной шкалы, так как ценность времени присутствует в утверждениях, относящихся к данной шкале;

— “Опросник изучения отношения к труду и другим способам материального обеспечения” А.Б. Купрейченко [9] также использовался в качестве валидизирующей методики для Когнитивной шкалы. В утверждениях, относящихся к проверяемой шкале, выделялись также ценность работы, что и послужило мотивом использовать методику, ориентированную на данную ценность;

— Ценности различных аспектов трудовой деятельности В.С. Магуна [10] были использованы для дополнительной проверки ценности труда. В данном случае респондентам предъявлялись 11 аспектов трудовой деятельности и предлагалось выбрать любое количество самых значимых для них;

— “Оксфордский опросник счастья” М. Аргайла в адаптации А.М. Голубева и Е.А. Дорошева [3] был выбран для дополнительной проверки конвергентной валидности Когнитивной шкалы, так как в утверждениях, относящихся к данной шкале, прослеживалась ценность счастья. Опросник счастья не имеет деления на шкалы, учитывается только общая сумма баллов по прямым и непрямым вопросам;

— “Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности” С.С. Бубновой была выбрана в качестве альтернативы ТЛЦ после длительного анализа русскоязычных методик диагностики ценностной структуры личности для валидации Когнитивной шкалы методики отношения к досугу. Это вынужденное решение обусловлено отсутствием релевантных аналогов когнитивной шкалы методики отношения к досугу на русском языке. Психометрические свойства методики С.С. Бубновой неизвестны, однако ее содержание позволяет предполагать, что конструкты, измеряемые основной и валидизирующей методиками, являются коррелятами. Методика направлена на изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности. Опросник включает в себя 66 утверждений, которые объединяются в 11 субшкал, соответствующих ценностям: Приятное времяпрепровождение, отдых (I), Высокое материальное благосостояние (II), Поиск

и наслаждение прекрасным (III), Помощь и милосердие к другим людям (IV), Любовь (V), Познание нового в мире, природе, человеке (VI), Высокий социальный статус и управление людьми (VII), Признание и уважение людей и влияние на окружающих (VIII), Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе (IX), Общение (X), Здоровье (XI);

— “Шкала социальной желательности” Кроуна—Марлоу в адаптации Ю. Ханина была применена из-за предположения, что утверждения в Когнитивной шкале имеют специфику социальной желательности.

Также в программе исследования сохранились “Диагностика переживаний в деятельности” (ДПД) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, “Шкала отношения к досугу”, фильтрующий вопрос о частоте занятием досугом для разбиения выборки на две группы и проверки валидности Поведенческой шкалы методом контрастных групп.

Во втором этапе приняли участие 46 человек, среди которых 28 женщин (60%) и 18 мужчин (40%) от 18 до 30 лет. Средний возраст выборки — 22 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ LAS

Поскольку выборка по численности оказалась относительно небольшой, было принято решение сразу использовать непараметрические методы без проверки шкал на нормальность. В данном случае использовались коэффициент корреляции Спирмена для проверки валидности Аффективной и Когнитивной шкал, а для проверки валидности Поведенческой шкалы был применен критерий Манна—Уитни.

Проверка валидности Аффективной шкалы показала схожие результаты с результатами первого этапа (табл. 6), что говорит об устойчивой валидности шкалы, а также об удачно подобранной валидизирующей методике.

Однако все еще наблюдаются проблемы с проверкой валидности Когнитивной шкалы. Не было выявлено никаких значимых корреляций проверяемой шкалы со шкалами опросника на ценности С.С. Бубновой (см. табл. 6).

Также не было обнаружено значимых взаимосвязей Когнитивной шкалы с общим показателем счастья и с ценностью времени (табл. 7). В то же время проверяемая шкала имеет статистически значимую среднюю корреляционную связь с отношением к труду по методике А.Б. Купрейченко.

Таблица 5. Корреляция Аффективной шкалы со шкалами валидизирующей методики ДПД

	Субшкалы “Диагностика переживаний в деятельности”			
	Удовольствие	Смысл	Усилие	Пустота
Аффективный компонент отношения к досугу	0.48*	0.53*	0.11	–0.39*

Примечание: * — статистически значимый коэффициент.

Таблица 6. Корреляция Когнитивной шкалы со шкалами валидизирующей методики ТЛЦ

	Шкалы “Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности”										
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Когнитивный компонент отношения к досугу	0.13	–0.22	0.11	–0.03	0.13	–0.07	–0.19	0.01	0.08	0.006	–0.13

Таблица 7. Корреляция Когнитивной шкалы со счастьем, ценностью времени и труда

	Общий показатель счастья	Ценность времени	Отношение к труду (А.Б. Купрейченко)	Индекс I	Индекс II
Когнитивный компонент отношения к досугу	0.08	–0.06	0.31*	–0.01	0.14

Примечание: * — статистически значимый коэффициент.

Трудовые индексы I и II по методу В.С. Магуна не дали значимых корреляций.

Проверка Когнитивной шкалы на социальную желательность показала, что респонденты не были склонны на момент прохождения опросников отвечать в угоду общепринятым социальным мнениям.

С помощью *t*-критерия Стюдента на совокупной выборке 1-го и 2-го этапа адаптации ($N = 225$) было проведено сравнение двух групп, разделенных по частоте занятия досугом. Выявлены значимые различия между двумя группами, результаты приведены в табл. 8.

Таким образом, результаты второго этапа исследования показали, что Аффективная шкала сохранила те же значимые корреляции, которые подтверждают ее валидность. Выявились различия между контрастными группами по Поведенческой шкале, что опять же говорит о ее валидности. Возможно, Когнитивная шкала и шкалы “Диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности” С.С. Бубновой так же измеряют разные конструкты, как это было с ТЛЦ.

Третий этап исследования был полностью посвящен проверке валидности Когнитивной шкалы. В этот раз стояла одна задача: найти подходящую

валидизирующую методику. Проблемы с выполнением поставленной задачи появились вследствие либо схожести ценностных методик с ТЛЦ, либо со слишком большой отдаленностью, на наш взгляд, измеряемых конструктов, либо с недоступностью бланков и измерительных материалов для их применения.

Было решено использовать методику М. Рокича только с терминальными ценностями, где ценность “развлечения” была заменена на “досуг”, который для респондентов определен как деятельность в свободное время, доставляющая удовольствие, начиная от хобби и заканчивая просмотром видео на YouTube.

Замена ценностей была произведена с целью посмотреть, будут ли высокие показатели по Когнитивной шкале коррелировать с более высоким рангом “досуга” как ценности. Вариант с просто добавлением “досуга” в общий список ценностей не рассматривался, так как респонденты могли бы не видеть разницы между понятиями “развлечение” и “досуг”.

В третьем этапе исследования приняли участие 45 человек, среди которых 27 женщин (60%) и 18 мужчин (40%) от 18 до 30 лет. Средний возраст составил 21 год.

Таблица 8. Проверка валидности Поведенческой шкалы

	Среднее группы 1	Среднее группы 2	Значение <i>t</i> -критерия Стюдента	Степень свободы	Значимость	Количество людей в группе 1	Количество людей в группе 2
Поведенческий компонент отношения к досугу	40.72	42.97	–2.56	223	0.01	86	139

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ LAS

Для проверки валидности был выбран коэффициент корреляции Спирмена по той же причине, что и на втором этапе, а именно относительно небольшое количество респондентов в выборке.

Корреляция между Когнитивной шкалой и “досугом” оказалась статистически незначимой (табл. 9). При этом интересно, что с Когнитивной шкалой отрицательно, но значимо коррелируют такие ценности, как “активная деятельная жизнь” (-0.33 при $p < 0.05$) и “счастливая семейная жизнь” (-0.32 при $p < 0.05$). Это можно объяснить предположением, что респонденты не ассоциируют данные ценности с ценностью и общим их пониманием досуговой деятельности. С остальными ценностями не выявлены статистически значимые корреляции.

На массиве данных ($N = 270$) всех трех этапов адаптации методики “Шкала отношения к досугу” был проведен конфирматорный факторный анализ с корреляцией остаточных дисперсий внутри шкал для проверки соответствия теоретической структуры шкал с эмпирическими данными.

Значение индекса $RMSEA = 0.03$, а значение критерия $GFI = 0.88$ для трехфакторной модели, что говорит о хорошем соответствии теоретической модели с эмпирическими данными.

Далее с помощью критерия α Кронбаха была проверена надежность всех трех шкал. Показатели α Кронбаха для каждой шкалы говорят о высокой надежности и неслучайности полученных данных. Так, Когнитивная шкала показала надежность 0.8, Аффективная — 0.85, а Поведенческая — 0.75. Корреляции пунктов со шкалой от 0.33 до 0.64 в Когнитивной шкале, от 0.33 до 0.69 — в Аффективной шкале и от 0.3 до 0.47 — в Поведенческой шкале.

Для проверки тест-ретестовой надежности были использованы данные 38 респондентов,

Таблица 9. Проверка валидности Когнитивной шкалы

	Активная деятельная жизнь	Досуг	Счастливая семейная жизнь
Когнитивный компонент отношения к досугу	-0.33^*	0.2	-0.32^*

Примечание: * — статистически значимый коэффициент.

Таблица 10. Тест-ретестовые корреляции

Шкала	Корреляции шкалы с ретестом
Когнитивная	0.74
Аффективная	0.72
Поведенческая	0.70

которые согласились пройти методику повторно. Респонденты были идентифицированы с помощью оставленной ими электронной почты в анкете. По результатам проверки тест-ретестовой надежности были получены высокие значимые корреляционные связи, которые показаны в табл. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании была совершена попытка адаптировать методику Leisure Attitude Scale (LAS) и создать русскоязычную версию “Шкалы отношения к досугу”, проведя апробацию данной методики.

Методику Leisure Attitude Scale (LAS) удалось адаптировать для русскоязычной выборки с сохранением структуры шкал и общего объема. Шкалы являются надежными. Показана валидность Аффективной и Поведенческой шкал. Валидность Когнитивной шкалы не удалось полностью проверить методом корреляции шкалы со шкалой из-за ее специфики и отсутствия на данный момент каких-либо русскоязычных методических аналогов. Последнее объясняется малой изученностью досуговой деятельности в России.

Тем не менее при более детальном изучении Когнитивной шкалы в отдельной работе [5] было показано, что она коррелирует с отдельными пунктами различных шкал ценностных ориентаций. Такой результат, в свою очередь, демонстрирует многогранность Когнитивного компонента, поскольку он включает в себя разные ценности, например ценность здоровья, времени, труда и т.п.

Вследствие всего вышесказанного можно сделать вывод, что методику “Шкала отношения к досугу” можно использовать на русскоязычной выборке от 18 до 30 лет. Итоговая версия приведена в приложении 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтерякова Е.Ю., Иноземцев Д.В., Ким Т.Д. Разработка опросников “Инновационный потенциал профессионала” и “Инновационный потенциал организации” // Психология. Психофизиология. 2013. Т. 6. № 4. С. 31–37.
2. ВЦИОМ: Новости. Делу — время, а хобби? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-khobbi?fbclid=IwAR2W84fy-RP37QZ3h2QMynI_91LUvMet2LgdcMPSbOzCMtmQ0FOKIO9oia0 (дата обращения: 02.07.2022).
3. Голубев А.М., Дорошева Е.А. Апробация “Оксфордского опросника счастья” на российской выборке // Психологический журнал. 2017. № 3 (38). С. 108–118. DOI: 10.7868/S0205959217030096
4. Евтодий М.В. Личностные факторы досуговых предпочтений // Психология — наука будущего: Материалы IX Международной конференции молодых ученых “Психология — наука будущего”. Москва, 18–19 ноября 2021 г. / Под ред. Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 124–127.
5. Евтодий М.В. Многогранность когнитивного компонента отношения к досугу // Психология — наука будущего: Материалы X Международной конференции молодых ученых “Психология — наука будущего”. Москва, 16–17 ноября 2023 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 165–169.
6. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга // Вестник Омского университета. Серия “Психология”. 2020. № 2. С. 52–57.
7. Капцов А.В., Карпушина Л.В. Тест личностных ценностей: Руководство по применению. 3-е изд. Самара: ИПК “Содружество”, 2010. 40 с.
8. Кравцова О.А. Рекреационный досуг как предмет научного анализа // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 3 (35). С. 36–38.
9. Купрейченко А.Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Институт психологии РАН, 2014. 462 с.
10. Магун В.С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3 (37). С. 1–13.
11. Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 479 с.
12. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30–51. DOI: 10.17759/pse.2019240505
13. Труфанов Д.О. Ценностные ориентации различных возрастных категорий молодежи в практике современных единоборств URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/1724> (дата обращения: 02.07.2022).
14. Beard J.G., Ragheb M.G. Measuring Leisure Satisfaction // Journal of Leisure Research. 1980. № 12 (1). P. 20–33.
15. Chang P.J., Wray L., Lin Y. Social relationships, leisure activity, and health in older adults // Health Psychology. 2014. № 33 (6). P. 516–523. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000051>
16. Chiu L.K., Kayat K. Psychological determinants of leisure time physical activity participation among public university students in Malaysia // Asian Journal of Teaching & Learning in Higher Education. 2010. V. 2. P. 33–45.
17. Deng J., Walker G.J., Swinnerton G. Leisure attitudes: A comparison between Chinese in Canada and Anglo-Canadians // Leisure/Loisir. 2005. № 29 (2). P. 239–273.
18. Ellis G.D., Witt P.A. The leisure diagnostic battery: Past, present, and future // Therapeutic Recreation Journal. 1986. № 20 (4). P. 31–47.
19. Esendemir S. Understanding and Evaluating of Leisure Activities: The Cases of Istanbul and Denton // International Journal of Development Research. 2015. № 5 (12). P. 6398–6400. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-14-909>
20. Molanorouzi K., Khoo S., Morris T. Validating the Physical Activity and Leisure Motivation Scale (PALMS) // BMC Public Health. 2014. № 14 (909). P. 12.
21. Ragheb M.G., Beard J.G. Measuring Leisure Attitude // Journal of Leisure Research. 1982. № 14 (2). P. 155–167.
22. Ragheb M.G., Tate R.L. A behavioural model of leisure participation, based on leisure attitude, motivation and satisfaction // Leisure Studies. 1993. № 12. P. 61–70.
23. Teixeira A., Freire T. The Leisure Attitude Scale: psychometrics properties of a short version for adolescents and young adults // Leisure/Loisir. 2013. № 37 (1). P. 57–67. DOI: 10.1080/14927713.2013.776748
24. van Sonderen E., Sanderma R., Coyne J.C. Ineffectiveness of Reverse Wording of Questionnaire Items: Let’s Learn from Cows in the Rain // PLoS One. 2013. № 8 (7). e68967. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0068967> (дата обращения: 07.11.2024).

RUSSIAN-LANGUAGE ADAPTATION OF THE LEISURE ATTITUDE SCALE (LAS) BY J. G. BREAD AND M. G. RAGEB

M. V. Evtodiy^{1,*}, A. E. Vorobieva^{2,**}

¹*State Academic University for Humanities;
19049, Moscow, Maronovsky lane, 26.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

**Master's Student at the Faculty of Psychology.*

E-mail: mv.evtodiy@gmail.com

***PhD, Docent, Senior Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology.*

E-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Received 06.09.2024

Abstract. The article is devoted to the development of a foreign questionnaire of the Leisure Attitude Scale (LAS) in the Russian elections. The LAS was tested in three stages, since each subsequent stage followed from the results. As a result, it was possible to achieve high reliability of the questionnaire, as well as compliance of the factor structure of the empirical data with the theoretical model. Of the 3 LAS scales, it was possible to test the validity of only the Affective and Behavioral scales. The cognitive scale was only partially tested for validity. The LAS questionnaire can be used in research on the psychology of leisure.

Keywords: psychology of leisure, leisure, leisure activity, leisure attitude, leisure attitude scale.

REFERENCES

1. *Bajterjakova E.Ju. Inozemcev D.V., Kim T.D. Razrabotka oprosnikov "Innovacionnyj potencial professionala" i "Innovacionnyj potencial organizacii". Psihologija. Psihofiziologija. 2013. V. 6. № 4. P. 31–37. (In Russian)*
2. *VCIOM: Novosti. Delu — vremja, a hobbi? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-khobbi?fbclid=IwAR2W84fy-RP37QZ3h2QMyNI_91LUvMet2LgdcmPSbOzCMtmQ0FOKIO9oiao (date of access: 02.07.2022). (In Russian)*
3. *Golubev A.M., Dorosheva E.A. Aprobacija "Oksfordskogo oprosnika schast'ja" na rossijskoj vyborke. Psichologicheskii zhurnal. 2017. № 3 (38). P. 108–118. DOI: 10.7868/S0205959217030096 (In Russian)*
4. *Evtodiy M.V. Lichnostnye faktory dosugovyh predpochtenij. Psichologija — nauka budushhego: Materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh "Psichologija — nauka budushhego". Moscow, 18–19 nojabrja 2021 g. Eds. E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova. Moskva: Institut psihologii RAN, 2021. P. 124–127. (In Russian)*
5. *Evtodiy M.V. Mnogogrannost' kognitivnogo komponenta otnoshenija k dosugu. Psichologija — nauka budushhego: Materialy X Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh "Psichologija — nauka budushhego". Moscow, 16–17 nojabrja 2023 g. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 165–169. (In Russian)*
6. *Zolotareva A.A. Validnost' i nadezhnost' russkojazychnoj versii shkaly samoocenki M. Rozenberga. Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Psichologija". 2020. № 2. P. 52–57. (In Russian)*
7. *Kapcov A.V., Karpushina L.V. Test lichnostnyh cennostej: Rukovodstvo po primeneniju. 3-e izd. Samara: IPK "Sodruzhestvo", 2010. 40 p. (In Russian)*
8. *Kravcova O.A. Rekreacionnyj dosug kak predmet nauchnogo analiza. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2013. № 3 (35). P. 36–38. (In Russian)*
9. *Kuprejchenko A.B. Nravstvennaja determinacija jekonomicheskogo samoopredelenija. Moscow: Institut psihologii RAN, 2014. 462 p. (In Russian)*
10. *Magun V.S. Kak menjajutsja rossijskie trudovye cennosti. Otechestvennye zapiski. 2007. № 3 (37). P. 1–13. (In Russian)*
11. *Nestik T.A. Social'no-psichologicheskaja determinacija gruppovogo otnoshenija k vremeni. Dis. ... dokt. psihol. nauk. Moscow, 2015. 479 p. (In Russian)*
12. *Osin E.N., Leont'ev D.A. Diagnostika perezhivaniy v professional'noj dejatel'nosti: validizacija metodiki. Organizacionnaja psichologija. 2017. V. 7. № 2. P. 30–51. DOI: 10.17759/pse.2019240505 (In Russian)*
13. *Trufanov D.O. Cennostnye orientacii razlichnyh vozrastnyh kategorij molodezhi v praktike sovremennyh edinoborstv URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/1724> (date of access: 02.07.2022). (In Russian)*
14. *Beard J.G., Ragheb M.G. Measuring Leisure Satisfaction. Journal of Leisure Research. 1980. № 12 (1). P. 20–33.*

15. *Chang P.J., Wray L., Lin Y.* Social relationships, leisure activity, and health in older adults. *Health Psychology*. 2014. № 33 (6). P. 516–523. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000051>
16. *Chiu L.K., Kayat K.* Psychological determinants of leisure time physical activity participation among public university students in Malaysia. *Asian Journal of Teaching & Learning in Higher Education*. 2010. V. 2. P. 33–45.
17. *Deng J., Walker G.J., Swinnerton G.* Leisure attitudes: A comparison between Chinese in Canada and Anglo-Canadians. *Leisure/Loisir*. 2005. № 29 (2). P. 239–273.
18. *Ellis G.D., Witt P.A.* The leisure diagnostic battery: Past, present, and future. *Therapeutic Recreation Journal*. 1986. № 20 (4). P. 31–47.
19. *Esendemir S.* Understanding and Evaluating of Leisure Activities: The Cases of Istanbul and Denton. *International Journal of Development Research*. 2015. № 5 (12). P. 6398–6400. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-14-909>
20. *Molanorouzi K., Khoo S., Morris T.* Validating the Physical Activity and Leisure Motivation Scale (PALMS). *BMC Public Health*. 2014. № 14 (909). P. 12.
21. *Ragheb M.G., Beard J.G.* Measuring Leisure Attitude. *Journal of Leisure Research*. 1982. № 14 (2). P. 155–167.
22. *Ragheb M.G., Tate R.L.* A behavioural model of leisure participation, based on leisure attitude, motivation and satisfaction. *Leisure Studies*. 1993. № 12. P. 61–70.
23. *Teixeira A., Freire T.* The Leisure Attitude Scale: psychometrics properties of a short version for adolescents and young adults. *Leisure/Loisir*. 2013. № 37 (1). P. 57–67. DOI: [10.1080/14927713.2013.776748](https://doi.org/10.1080/14927713.2013.776748)
24. *van Sonderen E., Sanderman R., Coyne J.C.* Ineffectiveness of Reverse Wording of Questionnaire Items: Let's Learn from Cows in the Rain // *PLoS One*. 2013. № 8 (7). e68967. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0068967> (date of access: 07.11.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Итоговая русскоязычная версия методики “Шкала отношения к досугу” (Дж.Г. Брид и М.Г. Рагб в адаптации М.В. Евтодий и А.Е. Воробьевой)

Инструкция: Ознакомьтесь с приведенными ниже утверждениями и укажите, насколько Вы согласны с ними, исходя из Вашего личного опыта. Под досугом имеется в виду то, чем Вы

занимаетесь в свое свободное время, но понятие досуга *не* включает в себя сон, прием пищи, работу (в том числе по дому), выполнение домашних заданий, гигиену.

№	Утверждения	Полностью не согласен(на)	Не согласен(на)	Затрудняюсь ответить	Согласен(на)	Полностью согласен(на)
1	Проведение досуга — это разумное использование времени					
2	Досуг полезен отдельным людям и обществу в целом					
3	Люди часто заводят дружеские отношения при проведении досуга					
4	Досуговые занятия способствуют укреплению здоровья					
5	Занятия на досуге делают человека счастливее					
6	Занятия на досуге повышают работоспособность					
7	Занятия на досуге помогают восстановить силы					
8	Занятия досугом помогают самосовершенствоваться					
9	Занятия на досуге помогают людям расслабиться					
10	Любям нужны досуговые занятия					
11	Проведение досуга — это хорошая возможность для знакомства					

№	Утверждения	Полностью не согласен(на)	Не согласен(на)	Затрудняюсь ответить	Согласен(на)	Полностью согласен(на)
12	Проведение досуга важно для человека					
13	Когда я провожу свой досуг, время летит незаметно					
14	Мои досуговые занятия приносят мне удовольствие					
15	Я ценю свои досуговые занятия					
16	Занятия на досуге позволяют мне быть самим(ой) собой					
17	Мои занятия на досуге дарят мне яркие впечатления					
18	Я чувствую, что досуг полезен для меня лично					
19	Мне нравится возможность действовать или двигаться в своем ритме, когда я занят досугом					
20	Мои занятия на досуге поднимают мой жизненный тонус					
21	Я считаю нормальным часто уделять время занятиям на досуге					
22	Для меня время, уделенное досугу, не является потраченным впустую					
23	Мне нравится мое проведение досуга					
24	Мои занятия на досуге поглощают все мое внимание					
25	Я часто занимаюсь досугом					
26	Если бы у меня был выбор, я бы увеличил(а) количество времени, которое я трачу на проведение досуга					
27	Я покупаю различные вещи, оборудование для своего досуга, насколько позволяет мой доход					
28	Я бы нашел(а) для себя новые виды досуга, если бы мог(ла) выделить время и деньги на это					
29	Я трачу много времени и усилий, чтобы совершенствоваться в своих досуговых занятиях					
30	Если бы я мог(ла) выбирать, я бы жил(а) в той среде или в том городе, где есть все возможности для занятия досугом					
31	Некоторыми видами досуга я занимаюсь даже в том случае, если они не были мной запланированы					

№	Утверждения	Полностью не согласен(на)	Не согласен(на)	Затрудняюсь ответить	Согласен(на)	Полностью согласен(на)
32	Я бы записался(ась) на дополнительные занятия, чтобы улучшить свои знания и навыки в области моего досуга					
33	Мне нравится идея увеличения своего свободного времени для того, чтобы тратить его на досуговые занятия					
34	Я нахожу время на свой досуг даже тогда, когда я очень занят(а)					
35	Мне хотелось бы больше времени уделять приобретению новых знаний к моим досуговым занятиям					
36	Я ставлю свой досуг на первое место среди других занятий					

Ключ: Когнитивная шкала: 1–12 пункты; Аффективная шкала: 13–24 пункты; Поведенческая шкала: 25–36 пункты. Все пункты прямые.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Асимметрия пунктов методики “Шкала отношения к досугу”*

Пункты	Асимметрия	Пункты	Асимметрия
1	–1.08	19	–0.56
2	–1.20	20	–0.72
3	–0.89	21	–0.84
4	–0.23	22	–0.96
5	–0.66	23	–0.96
6	–0.48	24	–0.38
7	–0.89	25	–0.50
8	–0.77	26	–0.31
9	–0.92	27	–0.89
10	–1.18	28	–0.78
11	–0.81	29	–0.01
12	–0.76	30	–0.73
13	–0.92	31	–0.60
14	–0.84	32	–0.67
15	–0.95	33	–0.52
16	–0.93	34	0.06
17	–0.57	35	–0.72
18	–0.98	36	0.38

Примечание: * — для асимметрии значения в диапазоне ± 1 считаются превосходными, а в интервале ± 2 — допустимыми.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ КОЛЛЕКТИВА КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А. И. ДОНЦОВА

© 2024 г. В. А. Баранова^{1,*}, Т. П. Емельянова^{2,**}

¹МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии;
125009 г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии.
E-mail: bva06@mail.ru

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
лаборатории социальной и экономической психологии.
E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Поступила 29.09.2024

Аннотация. Статья посвящена описанию жизненного пути и научного творчества известного отечественного психолога Александра Ивановича Донцова. Выделены этапы и направления его научной деятельности. Особое внимание уделено всестороннему изучению малой группы, коллектива, совместной деятельности, феномена групповой сплоченности в трудах А.И. Донцова. Отмечены его многолетняя преподавательская деятельность на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в звании профессора, плодотворная работа по организации учебного процесса и научных исследований на факультете в качестве декана и заведующего кафедрой социальной психологии. Отмечается талант А.И. Донцова как организатора науки, подчеркивается его вклад в строительство здания современной отечественной социальной психологии.

Ключевые слова: психология малой группы, психология коллектива, психология мифа, кафедра социальной психологии МГУ, совместная деятельность, групповая сплоченность.

DOI: 10.31857/S0205959224060124

15 октября 2024 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Александра Ивановича Донцова (15.10.1949–08.03.2023) — известного отечественного социального психолога. Всю свою жизнь он посвятил работе на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, пройдя путь от аспиранта до заслуженного профессора, декана и заведующего кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ.

В 1972 г. Александр Иванович закончил факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и поступил в аспирантуру, где его научным руководителем была основательница кафедры социальной психологии профессор Г.М. Андреева. Под ее научным руководством он работал над своей кандидатской диссертацией “Теоретические принципы и опыт экспериментального исследования групповой сплоченности”, которую защитил в 1975 г. В период с 1975 по 1989 г. А.И. Донцов работал ассистентом, затем преподавателем, старшим преподавателем,

получил звание доцента кафедры социальной психологии. В 1988 г. А.И. Донцов защитил докторскую диссертацию “Психологические основы интеграции коллектива” и в 1989 г. получил ученое звание профессора. Факультет и кафедра были важной частью его жизни, он знал историю кафедры, все важные даты в ее истории, этапы развития, был профессионалом в научно-педагогической работе [28].

Александр Иванович также вел большую организационно-управленческую работу — с 1989 по 2006 г. он был заведующим кафедрой социальной психологии, а с 2000 по 2006 г. — деканом факультета психологии МГУ. За годы руководства факультетом психологии усилиями А.И. Донцова была усовершенствована организационная структура факультета — открыты новые кафедры, такие как кафедра методологии психологии, кафедра психогенетики, кафедра экстремальной психологии и психологической помощи, был организован

Черноморский филиал факультета психологии МГУ в Севастополе.

Учебно-педагогическая работа всегда была в центре внимания Александра Ивановича — он разработал и в течение многих лет преподавал курсы “Методологические проблемы современной социальной психологии”, “Социальная психология”, “Психология малых групп”, “Психология коллектива”, “Психология межличностного конфликта”, “Психология массового сознания”, “Психология мифа” и др. Важным направлением педагогической работы А.И. Донцова была подготовка научных кадров в области социальной психологии — под его руководством защищены 20 кандидатских диссертаций, а при его научном консультировании — 5 докторских диссертаций.

Александр Иванович также много и плодотворно работал со студентами, руководил курсовыми и дипломными работами. Для студентов и аспирантов общение с Александром Ивановичем было настоящей научной школой, с диалогами и дискуссиями о человеке, психике, психологии, в процессе которых “рождались” идеи дипломных и диссертационных исследований. Глубокая междисциплинарная эрудиция, остроумие, примеры из жизни делали сложные проблемы понятными, а то, что казалось простым, рассыпалось на многие новые вопросы, задавало новый уровень осмысления психологического феномена.

Строгость к себе, терминологическая четкость текстов, аргументированность высказываний были примером научной целеустремленности и профессионального подхода к психологическому исследованию для студентов и молодых сотрудников. Александра Ивановича как преподавателя отличали особая подача материала, глубокая эрудиция и талант ведения научной дискуссии. Его лекции и спецкурсы невозможно повторить — в них он обращался к тому, что его самого глубоко интересовало, над чем он размышлял, и поэтому заражал своей увлеченностью темой и учеников, и коллег. Не только научный, но и особый человеческий талант Александра Ивановича делал его для коллег настоящим другом, отзывчивым, всегда готовым помочь. Каждый мог обратиться к нему за советом, и он для всех находил нужные слова, оказывал реальную помощь.

А.И. Донцов — яркий представитель отечественной психологии, по приглашению зарубежных коллег он выступал в ведущих европейских университетах Франции, Испании, Германии, Венгрии, превосходно ориентируясь в направлениях, школах и персоналиях зарубежной социальной психологии.

Александр Иванович являлся членом Европейской ассоциации социальной психологии.

Заслуги перед отечественной наукой были по достоинству оценены научной общественностью. В 1995 г. А.И. Донцов был избран действительным членом Российской академии образования, с 2001 по 2007 г. избирался президентом Российского психологического общества, в 2002 г. ему было присвоено звание “Заслуженный профессор МГУ”.

Долгие годы Александр Иванович выступал как авторитетный организатор науки, эксперт: с 2007 по 2017 г. А.И. Донцов являлся заместителем председателя диссертационного совета Д 501.001.95 на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, с 2012 по 2017 г. — членом диссертационного совета Д 501.001.47 на факультете политологии в МГУ им. М.В. Ломоносова. С 2016 г. А.И. Донцов — председатель диссертационного совета МГУ на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 2014 г. А.И. Донцов был академиком-секретарем отделения психологии и возрастной физиологии Российской академии образования. Он много и плодотворно работал в экспертном совете по педагогике и психологии ВАК РФ, а с 2016 г. выполнял обязанности председателя экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии.

Александр Иванович Донцов находил время для редакционно-издательской работы — он являлся членом редколлегий журналов: “Вопросы психологии” (с 1997 г.), “Развитие личности” (с 2000 г.), “Социальная психология и общество” (с 2010 г.), “Российский психологический журнал” (с 2014 г.), “Вестник Московского университета. Серия 14. Психология” (с 2017 г.), “Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки” (с 2020 г.) и др.

А.И. Донцов является автором и соавтором 248 научных трудов по социальной психологии. Его научные интересы охватывали многие ключевые области социально-психологического знания: малая группа и коллектив, групповая сплоченность, межличностные отношения, массовое сознание, социальная психология личности, социальные представления, коллективная память, психологическая безопасность, психология мифа и др.

Александр Иванович Донцов разработал оригинальную концепцию интеграции малой функциональной группы, предложил новые подходы к анализу межличностного конфликта, изучению закономерностей массового сознания и социального влияния меньшинства. А.И. Донцов является создателем научно-экспериментальной концепции

мотивационно-ценностного единства коллектива. Исследование проблематики функционально-деятельностного и мотивационно-ценностного единства коллектива продолжалось всю научную жизнь Александра Ивановича. Результаты этих исследований были опубликованы в трех его классических трудах по психологии коллектива: “Проблемы групповой сплоченности” (1979 г.), “Психологическое единство коллектива” (1982 г.), “Психология коллектива. Методологические проблемы исследования” (1984 г.) [5–7], которые стали широко известны. В 2019 г. совместно с Д.А. Донцовым он написал книгу “Родословная советского коллектива”. В этом труде предложен новый уровень осмысления коллектива и коллективизма, коллективных ценностей и традиций, выявлены источники культурно-исторических предпосылок возникновения коллектива, его жизнестойкости, уточнены место и время рождения феномена “коллектив”, показан его путь в общественно-исторической перспективе, в разных науках, проанализирована историческая динамика понятия “коллектив”, обосновано понятие “коллективизм” как неизбежная замена прежнего понятия в новых исторических условиях [16].

Александр Иванович в своих книгах и статьях проводил детальный анализ представлений о природе социальной группы, социально-психологических трактовках понятия группы, что позволило ему выделить отличительные признаки социальной группы: устойчивость существования, преобладание интегративных тенденций, отчетливость групповых границ, возникновение чувства “Мы”, сходство норм и моделей поведения и др. Задавая главный вопрос о том, «чего должна быть лишена социальная группа, чтобы, утратив названные свойства, превратиться в номинальную совокупность людей, не обладающую какой бы то ни было “коллективной психологией”», автор отвечает, что “условная группа лиц, обычно выделяемая в статистике, от реальной группы отличается отсутствием взаимосвязи и взаимозависимости участников в образе жизни, определяющем возможность и способ удовлетворения значимых потребностей, интересов и целей” [10, с. 184].

В его дальнейших исследованиях более детально были изучены социально-перцептивные факторы интеграции коллектива. Полученные данные о том, что активный характер и опосредующая функция социо-перцептивных факторов задают развитие групповых процессов, позволили реализовать новый подход к изучению сплоченности и интеграции группы. Наряду с общепринятыми традиционными показателями интеграции, в исследованиях

использовались индивидуальные характеристики восприятия себя как члена группы, принадлежности к группе, своего психологического самочувствия в группе, что сделало возможным интерпретацию психологической природы интегративных процессов не только через определенные свойства групповой активности, но и через особенности социоперцептивной феноменологии [2; 9].

Внимание Александра Ивановича привлекало изучение механизмов внутригруппового влияния и роли социального контекста, который рассматривался им в качестве основного фактора взаимодействия меньшинства и большинства [29].

Важнейшими исследовательскими задачами изучения психологии группы А.И. Донцов считал анализ совместной деятельности, психологическое содержание процесса группового развития, процесс принятия группой общей цели, ее развитие в ходе совместной деятельности, соотношение целей, задаваемых группе, собственно групповых и целей отдельных ее членов [17]. Александр Иванович обобщил большой объем накопленного разными авторами теоретического и эмпирического материала, что позволило ему описать типы субъектов совместной деятельности, проанализировать ее структуру и процессуальные характеристики, выделить особенности совместной деятельности, специфические характеристики коллективного субъекта деятельности, сформулировать критерии ее результативности.

Проблематика группы и коллектива в научном творчестве А.И. Донцова тесно связана с исследованием разнообразных психологических феноменов и процессов. Особое внимание было уделено процессам межличностного общения и совместной деятельности, основные принципы исследования которых были обозначены в 1981 г. в соавторстве с Г.М. Андреевой [1].

Александр Иванович, ставя вопросы о том, «какие межличностные отношения и взаимодействия свойственны истинному коллективу» и «какова “идеальная модель” группы, именуемой коллективом», обосновывает фундаментальную роль процессов общения в становлении и развитии коллектива двумя причинами. Во-первых, тем, что общение присутствует как необходимое условие совместной деятельности членов группы, и, во-вторых, тем, что именно процессы общения выступают предпосылкой и способом существования коллектива в качестве целостного психологического образования [8]. Он писал: “Роль процессов общения в становлении психологической общности членов группы не исчерпывается и не завершается формированием организационного и функционального единства...

По мере движения группы к коллективу преобразуется вся система межличностных взаимосвязей, включая их ценностно-содержательные и эмоционально-аффективные аспекты” [Там же, с. 27].

А.И. Донцов в своих работах отмечал, что по мере развертывания совместной деятельности, от первых дней существования группы до периода ее относительной стабилизации, межличностное восприятие претерпевает глубокие содержательные изменения: критерии оценки другого человека становятся более точными, гибкими, адекватными. Он утверждал, что формирование единства принципов видения другого человека, сближение критериев оценки играют важную роль в психологической интеграции коллектива. В его работах были описаны взаимосвязь типов и форм межличностного восприятия с особенностями развития группы и различия в характере восприятия своей группы и самовосприятия у членов групп различной степени интеграции [2; 26].

Александр Иванович считал, что динамика содержательных и структурных компонентов межличностного восприятия в группе обусловлена развитием системы внутригрупповой активности и не может быть понята вне ее анализа. Он указывал на то, что ведущей детерминантой развития межличностного восприятия в группе [1; 2; 26] является содержание и форма организации совместной деятельности, раскрывающаяся во взаимодействии собственно предметных и межличностных сторон внутригрупповой активности. Взятая во всей полноте своих характеристик, социально обусловленная совместная предметная деятельность рассматривалась им как главный фактор, опосредствующий систему перцептивных процессов в группе. При этом изменение содержательных характеристик межличностного восприятия (иерархия оценочных критериев, степень взаимосвязи когнитивного и эмоционального компонента), по его мнению, было обусловлено самим фактом включения индивида в совместную деятельность, какой бы ни была форма ее организации, а динамика формальных характеристик восприятия (полноты, адекватности, совпадения мнений и т.п.) обусловлена формой организации совместной деятельности, структурой кооперативного взаимодействия индивидов [26].

А.И. Донцов указывал на то, что важной характеристикой коллектива является не отсутствие конфликтов, а способы их преодоления. Поднятые им вопросы о формах проявления и разрешения противоречий, определяющих развитие системы общения зрелого коллектива, их типологии, специфике проявления в коллективах разного типа,

особенностях “компенсаторных механизмов”, препятствующих деструктивному развитию, остаются актуальными и в настоящее время [18].

Интерес к проблемам функционально-деятельностного и мотивационно-ценностного единства коллектива, социально-психологическим феноменам развития группы сохранялся у Александра Ивановича на протяжении всего творческого пути [13].

Широта научного мышления А.И. Донцова, глубина психологического анализа проявились в его пристальном внимании к экзистенциальным проблемам личности, пока малодоступным для исследования. Речь идет о трудах последнего десятилетия жизни ученого “Феномен зависти: *Homo invidens*” (2014 г.) и “Судьба: психология мифа” (2022 г.). Эссеистская манера подачи материала, привлечение исторических, литературных, священных текстов делают эти книги уникальным творческим продуктом, далеко выходящим за рамки привычных научных психологических трудов. Автор, опираясь на тексты классиков, историков, святых отцов, Библии, рассуждает о противоречиях человеческой природы, ищет источники мучительных переживаний человека о собственном несовершенстве, терзаний по поводу превосходства других. А.И. Донцов пытался ответить на вопрос о том, “почему чувство зависти неизбежно сопровождает человечество в веках” [11].

Книга Александра Ивановича “Судьба: психология мифа” дописывалась им в период тяжелой болезни, унесшей вскоре его жизнь. И в этой работе автора волновали глубинные экзистенциальные переживания человека по поводу предопределенности жизненного пути, веры в судьбу. Обращение к священным книгам, идеям древних философов дало автору возможность в разных контекстах показать противоречивость и непостижимость идеи судьбы [12].

Тяготение Александра Ивановича к мистическому знанию, к проникновению в архетипические глубины сознания только на первый взгляд может показаться неожиданным для маститого современного ученого-методолога. На самом деле стремление к широкому охвату мировой культуры, к поиску истоков “человеческого” в истории цивилизации проявилось еще в 1995 г. при создании авторского учебного курса “Психология мифа” для студентов-старшекурсников факультета психологии. Александр Иванович видел свою задачу в том, чтобы реконструировать основные механизмы человеческой психики и феномены социальной психологии через призму их представленности в культурной памяти народов мира. Он каждый год

привносил нечто новое в занятия: это могло быть коллективное чтение эпосов, мифов, научных трудов культурологов. Студенты под его руководством анализировали специально выбранные социально-психологические феномены через их бытование в мифах. На занятиях, как говорил сам Александр Иванович, он пытался показать студентам, что академическое видение психологических феноменов, их структуры и научного содержания — это очень важно, но гораздо важнее уметь смотреть на эти феномены через культурный контекст и их представленность в мифологическом мышлении, так как за привычными научными понятиями стоит большая история их переосмысления в человеческой цивилизации.

В поле исследований А.И. Донцова всегда присутствовал активный интерес к социальной психологии как области практической профессиональной деятельности [20]. Вместе с коллегами он опубликовал за период с 2010 по 2020 г. несколько монографий, учебных пособий и статей по этой тематике. Более десяти лет Александр Иванович изучал вопросы психологической безопасности личности в обществе [23; 24], проблемы доверия и субъективного благополучия [22; 25], социализацию и развитие личности [15], социальные эмоции и переживания [21].

В одной статье трудно показать все области научных интересов Александра Ивановича Донцова. В 1984 г. после стажировки в Доме наук о человеке (Париж, Франция) он принял от Г.М. Андреевой научное руководство кандидатской диссертацией одной из авторов настоящей статьи по теме “Концепция социальных представлений в современной французской социальной психологии”. По итогам работы над диссертацией была опубликована совместная монография, которая открыла дорогу многочисленным исследованиям социальных представлений в России [19].

Его интерес к феноменам обыденного сознания воплотился в ряде исследований больших социальных групп, коллективных воспоминаний, коллективного самосознания. В его трудах разных периодов рассматривались вопросы культурной травмы, связи идентичности с явлением геноцида, проявление индивидуализма и коллективизма у россиян и взаимосвязи данных феноменов с особенностями их коллективной памяти, выявлялись социально-психологические тенденции развития современной российской культуры [3; 4; 14; 27; 30].

Авторитет А.И. Донцова в научном сообществе очень высок. Педагогическая, научная и организационная деятельность Александра Ивановича Донцова по строительству здания современной

отечественной социальной психологии была отмечена многочисленными почетными званиями и государственными наградами. Помимо почетного звания “Заслуженный профессор Московского университета” (2002), он имеет следующие награды: отраслевая награда Минобразования РФ “Медаль К.Д. Ушинского” (2003), государственная награда “Медаль ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени” (2005), отраслевая награда РАО “Медаль имени Л.С. Выготского Российской академии образования” (2014), общенациональная премия Общероссийской общественной организации “Российское профессорское собрание” — “Профессор года” в номинации “Заслуженный профессор” (2019), ведомственная награда Министерства просвещения Российской Федерации “Медаль Л.С. Выготского” (2019) и др.

Коллеги, друзья, ученики Александра Ивановича Донцова всегда будут чтить его как пример человеческой мудрости, мужества и жизнестойкости в сложных ситуациях. Александр Иванович был щедрым на общение, дарил всем радость участия в памятных событиях: презентациях его книг, юбилеях — на его дни рождения собирались десятки человек. Общение с Александром Ивановичем доставляло огромную человеческую и интеллектуальную радость всем его студентам, ученикам и коллегам. В памяти знавших его людей он навсегда останется авторитетным ученым, доброжелательным и жизнелюбивым человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М., Донцов А.И. Принципы исследования межличностного восприятия в условиях совместной групповой деятельности // Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 68–85.
2. Баранова В.А., Донцов А.И. Социально-перцептивные факторы интеграции малой группы и самовосприятие индивидов в ней // Мир психологии. 1999. № 3 (19). С. 24–30.
3. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 29–46.
4. Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В. Психология больших социальных групп: новые судьбы, новые подходы // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 132–148.
5. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

6. Донцов А.И. Психологическое единство коллектива. М.: Знание, 1982.
7. Донцов А.И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
8. Донцов А.И. Общение как фактор развития коллектива // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 20–30.
9. Донцов А.И. Личность в группе: проблема сплоченности // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 96–115.
10. Донцов А.И. О понятии “группа” в социальной психологии // Социальная психология: Хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 180–186.
11. Донцов А.И. Феномен зависти. Homo invidens? М.: Эксмо, 2014.
12. Донцов А.И. Судьба: психология мифа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022.
13. Донцов Д.А. Когда уходят корифеи... Ученый муж: доброй памяти Александра Ивановича Донцова // Человеческий капитал. 2023. № 11 (179). Ч. 1. С. 11–17.
14. Донцов А.И., Гончарова В.А. Холокост как феномен социальной памяти // Журн. Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2005. № 1–2. С. 55–61.
15. Донцов А.И., Донцов Д.А. Научно-методологические основания понимания контекста социализации и социально-психологического развития личности // Школьные технологии. 2018. № 4. С. 10–17.
16. Донцов А.И., Донцов Д.А. Родословная советского коллектива. М.: АСТ, 2019.
17. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 61–71.
18. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Жуков Ю.М. Группы-коллектив-команда. Модели группового развития // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 96–115.
19. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
20. Донцов А.И., Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Практическая социальная психология как область профессиональной деятельности // Введение в практическую социальную психологию: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1999. С. 7–21.
21. Донцов А.И., Журавлев А.В., Кутковой Н.А. Коммуникация как фактор экспрессии и восприятия удивления в ситуации нарушения ожиданий // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 137–145.
22. Донцов А.И., Зеленов И.А. О связи категоризации социального окружения (“своих”, “чуждых”, “иных”) с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. Development of personality. 2010. № 1. С. 134–151.
23. Донцов А.И., Зинченко Ю.П. Концепция глобализации и феномен психологической безопасности // Живая психология. 2014. № 3 (3). С. 4–9.
24. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б. Социальная стабильность: от психологии до политики. М.: Эксмо, 2011.
25. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Рикель А.М. Объективное и субъективное благополучие: два подхода к исследуемой проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 3–14.
26. Донцов А.И., Саркисян Ш.В. Совместная деятельность как фактор межличностного восприятия в группе // Вопросы психологии. 1980. № 4. С. 38–49.
27. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнического самосознания россиян // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 23–34.
28. Донцов А.И., Тихомандрицкая О.А. К 50-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 3–7.
29. Донцов А.И., Токарева М.Ю. Социальный контекст как фактор взаимодействия меньшинства и большинства // Вопросы психологии. 1998. № 33. С. 116–123.
30. Стефаненко Т.Г., Донцов А.И., Родионова Д.М. Индивидуализм и коллективизм как параметры коллективной памяти российского народа // Вестник Тверского государственного университета. Серия Педагогика и психология. 2017. № 4. С. 43–52.

PSYCHOLOGY OF THE COLLECTIVE AS THE SCIENTIFIC HERITAGE OF A. I. DONTSOV

V. A. Baranova^{1,*}, T. P. Emelyanova^{2,}**

¹*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology;
125009 Moscow, Mokhovaya Str., 11, bldg. 9, Russia.*

^{*}*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology.
E-mail: bva06@mail.ru*

²*Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya Str., 13, bldg. 1, Russia.*

^{**}*Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: t_emelyanova@inbox.ru*

Received 29.09.2024

Abstract. The article is devoted to the life and scientific work of the famous Russian scientist-psychologist — Alexander Ivanovich Dontsov. The stages and directions of his scientific activity are traced. Particular attention is paid to the comprehensive study of a small group, a team, joint activities, the phenomenon of group cohesion in the works of A.I. Dontsov. His long-term teaching activity as a professor of the Department of Social Psychology of the Faculty of Psychology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, fruitful work on the organization of the educational process and scientific research at the faculty as a dean and head of the Department of Social Psychology are noted. The talent of A.I. Dontsov as an organizer of science is noted, his contribution to the construction of the building of modern Russian social psychology is emphasized.

Keywords: A.I. Dontsov, psychology of small groups and collectives, psychology of myth, Department of Social Psychology of Moscow State University, organizational activities.

REFERENCES

1. *Andreeva G.M., Doncov A.I.* Principy issledovaniya mezhlichnostnogo vospriyatiya v usloviyah sovmestnoj gruppovoj deyatel'nosti. Mezhluchnostnoe vospriyatie v gruppe. Eds. G.M. Andreeva, A.I. Doncov. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. P. 68–85. (In Russian)
2. *Baranova V.A., Doncov A.I.* Social'no-perceptivnye faktory integracii maloj gruppy i samovospriyatie individov v nej. *Mir psihologii*. 1999. № 3 (19). P. 24–30. (In Russian)
3. *Baranova V.A., Doncov A.I.* Kollektivnye vospominaniya i kul'turnaya travma raznyh pokolencheskih grupp. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*. 2019. V. 10. № 2. P. 29–46. (In Russian)
4. *Bogomolova N.N., Doncov A.I., Folomeeva T.V.* Psihologiya bol'shih social'nyh grupp: novye sud'by, novye podhody. *Social'naya psihologiya v sovremennom mire*. Eds. G.M. Andreeva, A.I. Doncov. Moscow: Aspekt Press, 2002. S. 132–148. (In Russian)
5. *Doncov A.I.* Problemy gruppovoj splochyonnosti. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. (In Russian)
6. *Doncov A.I.* Psihologicheskoe edinstvo kollektiva. Moscow: Znanie, 1982. (In Russian)
7. *Doncov A.I.* Psihologiya kollektiva. Metodologicheskie problemy issledovaniya. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. (In Russian)
8. *Doncov A.I.* Obshchenie kak faktor razvitiya kollektiva. Obshchenie i optimizaciya sovmestnoj deyatel'nosti. Eds. G.M. Andreeva, Ya. Yanoushek. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. P. 20–30. (In Russian)
9. *Doncov A.I.* Lichnost' v gruppe: problema splochyonnosti. *Social'naya psihologiya v sovremennom mire*. Eds. G.M. Andreeva, A.I. Doncov. Moscow: Aspekt Press, 2002. P. 96–115. (In Russian)
10. *Doncov A.I.* O ponyatii "gruppa" v social'noj psihologii. *Social'naya psihologiya: Hrestomatiya*. Comp. E.P. Belinskaya, O.A. Tihomandrickaya. Moscow: Aspekt Press, 2012. P. 180–186. (In Russian)
11. *Doncov A.I.* Fenomen zavisti. Homo invidens? Moscow: Eksmo, 2014. (In Russian)
12. *Doncov A.I.* Sud'ba: psihologiya mifa. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2022. (In Russian)
13. *Doncov D.A.* Kogda uhodyat korifei... Uchenyj muzh: dobro pamyati Aleksandra Ivanovicha Doncova. *Chelovecheskij kapital*. 2023. № 11 (179). Part 1. P. 11–17. (In Russian)
14. *Doncov A.I., Goncharova V.A.* Holokost kak fenomen social'noj pamyati. *Zhurn. Vek tolerantnosti. Nauchno-publicisticheskij vestnik*. 2005. № 1–2. P. 55–61. (In Russian)
15. *Doncov A.I., Doncov D.A.* Nauchno-metodologicheskie osnovaniya ponimaniya konteksta socializacii

- i social'no-psihologicheskogo razvitiya lichnosti. Shkol'nye tekhnologii. 2018. № 4. P. 10–17. (In Russian)
16. *Doncov A.I., Doncov D.A.* Rodoslovnaya sovetskogo kollektiva. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2019. (In Russian)
 17. *Doncov A.I., Dubovskaya E.M., Ulanovskaya I.M.* Razrabotka kriteriev analiza sovmestnoj deyatel'nosti. Voprosy psikhologii. 1998. № 2. P. 61–71. (In Russian)
 18. *Doncov A.I., Dubovskaya E.M., Zhukov Yu.M.* Gruppakollektiv-komanda. Modeli gruppovogo razvitiya. Social'naya psikhologiya v sovremennom mire. Eds. G.M. Andreeva, A.I. Doncov. Moscow: Aspekt Press, 2002. P. 96–115. (In Russian)
 19. *Doncov A.I., Emel'yanova T.P.* Konceptsiya social'nyh predstavlenij v sovremennoj francuzskoj psikhologii. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. (In Russian)
 20. *Doncov A.I., Zhukov Yu.M., Petrovskaya L.A.* Prakticheskaya social'naya psikhologiya kak oblast' professional'noj deyatel'nosti. Vvedenie v prakticheskuyu social'nuyu psikhologiyu. Uchebnoe posobie dlya vysshih uchebnyh zavedenij. Eds. Yu.M. Zhukov, L.A. Petrovskaya, O.V. Solov'yova. Moscow: Smysl, 1999. P. 7–21. (In Russian)
 21. *Doncov A.I., Zhuravlyov A.V., Kutkovej N.A.* Kommunikaciya kak faktor ekspressii i vospriyatiya udivleniya v situacii narusheniya ozhidaniy. Voprosy psikhologii. 2015. № 5. P. 137–145. (In Russian)
 22. *Doncov A.I., Zelenev I.A.* O svyazi kategorizacii social'nogo okruzeniya ("svoih", "chuzhdyh", "inyh") s optimizmom/pessimizmom u rossiyan. Razvitie lichnosti. Development of personality. 2010. № 1. P. 134–151. (In Russian)
 23. *Doncov A.I., Zinchenko Yu.P.* Konceptsiya globalizacii i fenomen psihologicheskoy bezopasnosti. Zhivaya psikhologiya. 2014. № 3 (3). P. 4–9. (In Russian)
 24. *Doncov A.I., Pereyagina E.B.* Social'naya stabil'nost': ot psikhologii do politiki. Moscow: Eksmo, 2011. (In Russian)
 25. *Doncov A.I., Pereyagina E.B., Rikel' A.M.* Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe blagopoluchie: dva podhoda k issleduemoj probleme. Voprosy psikhologii. 2016. № 5. P. 3–14. (In Russian)
 26. *Doncov A.I., Sarkisyan Sh.V.* Sovmestnaya deyatel'nost' kak faktor mezhlichnostnogo vospriyatiya v gruppe. Voprosy psikhologii. 1980. № 4. P. 38–49. (In Russian)
 27. *Doncov A.I., Stefanenko T.G., Utalieva Zh.T.* Yazyk kak faktor etnicheskogo samosoznaniya rossiyan. Sociologicheskie issledovaniya. 1996. № 12. P. 23–34. (In Russian)
 28. *Doncov A.I., Tihomandrickaya O.A.* K 50-letiyu kafedry social'noj psikhologii fakul'teta psikhologii MGU imeni M.V. Lomonosova. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2022. № 3. P. 3–7. (In Russian)
 29. *Doncov A.I., Tokareva M.Yu.* Social'nyj kontekst kak faktor vzaimodejstviya men'shinstva i bol'shinstva. Voprosy psikhologii. 1998. № 33. P. 116–123. (In Russian)
 30. *Stefanenko T.G., Doncov A.I., Rodionova D.M.* Individualizm i kollektivizm kak parametry kollektivnoj pamyati rossijskogo naroda. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika i psikhologiya. 2017. № 4. P. 43–52. (In Russian)

УДК 159.9:061.2/3

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ”

© 2024 г. А. Н. Занковский

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

E-mail: zankovskij@ipran.ru

Поступила 27.11.2024

Аннотация. 17–18 октября 2024 г. в Институте психологии РАН состоялась IV Международная научно-практическая конференция “Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии”, собравшая более 120 участников из России и зарубежных стран. Конференция была приурочена к 50-летию лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН. Программа конференции включала пленарную сессию, секционные заседания и круглый стол, где рассматривались теоретические, методологические и прикладные аспекты психологии труда, организационной психологии, инженерной психологии, эргономики и жизнеспособности профессионала. Особенностью форума стало расширение тематики: были добавлены секции “История психологии труда” и “Военная психология”. Среди обсуждаемых вопросов были вызовы, стоящие перед науками о труде в условиях глобальных изменений: переход к многополярности мира, смена технологического уклада, международная напряженность, специальная военная операция, экономические санкции и последствия пандемии. Доклады охватывали широкий спектр тем, включая применение искусственного интеллекта, историко-психологический анализ, проблемы мотивации, профессионального выгорания, жизнеспособности профессионала, взаимодействия человека и техники, а также инновационные подходы в управлении организациями. Конференция стала важным научным событием, обозначившим основные тенденции в развитии психологической науки, актуальные вызовы и перспективы, а также подтвердившим высокий уровень интереса к психологии труда, организационной и инженерной психологии.

Ключевые слова: научные исследования, психология труда, организационная психология, инженерная психология, эргономика, история психологии труда, военная психология, искусственный интеллект, жизнеспособность профессионала, профессиональное выгорание, мотивация, взаимодействие человека и техники, управление организацией.

DOI: 10.31857/S0205959224060135

17–18 октября 2024 г. в Москве в Институте психологии РАН состоялась IV Международная научно-практическая конференция “Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии”. В первый раз подобная конференция была проведена девять лет назад, и с тех пор каждые три года российские и зарубежные ученые в области психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии собираются, для того чтобы обсудить актуальные научные проблемы, представить свои новые исследования и подвести итоги очередного трехлетия.

В этом году проведение конференции совпало с празднованием полувекового юбилея лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН, которая является инициатором и организатором этого научного форума. За 50 лет лабораторией проделана огромная научно-теоретическая и прикладная работа, и регулярное проведение подобных конференций также является несомненным вкладом лаборатории в развитие своих научных направлений.

На открытии конференции с приветственным словом выступил председатель оргкомитета,

директор Института психологии РАН, академик РАН, д-р психол. наук, профессор *Д.В. Ушаков*, который пожелал участникам успешного проведения мероприятия, подчеркнув важность и перспективность психологических исследований с использованием достижений в области искусственного интеллекта и других новейших технологий. С вступительным словом к участникам обратился академик РАН, д-р психол. наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН *А.Л. Журавлев*. В своем выступлении он отметил исключительную важность сохранения и тщательного изучения истории психологии труда и смежных прикладных областей. Исторический анализ, по его мнению, позволяет не только вернуть сегодняшней науке часто несправедливо забытые или недооцененные работы прежних лет, но и более обоснованно определить направления и перспективы будущих исследований.

В конференции приняли участие более 120 ведущих психологов из России и зарубежных стран, представлявших различные университеты, научные центры, госучреждения и частные компании. Были представлены многие города и субъекты Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Ярославль, Нижний Новгород, Екатеринбург, Хабаровск, Краснодар, Томск, Казань, Архангельск, Тверь, Саратов, Красноярск, Елабуга, Йошкар-Ола, Иркутск, Брянск и др. В рамках конференции были проведены пленарная сессия и секционные заседания. Важной особенностью конференции 2024 г. стало расширение тематики: к традиционным направлениям “психология труда”, “инженерная психология и эргономика”, “организационная психология” и “жизнеспособность профессионала” добавились два новых — “история психологии труда” и “военная психология”. Вопросы истории психологии труда поднимались и на прошлых конференциях, но сегодня историческая проблематика приобрела особую актуальность, связанную с глобальным переосмыслением истории и традиций во всех сферах жизнедеятельности. Применительно к науке можно обоснованно утверждать, что ни одно научное направление не может плодотворно развиваться, забыв свои истоки, свою историю, не обращаясь постоянно к достижениям, созданным предшествующими поколениями ученых. В связи с этим включение полноценной исторической секции в программу конференции представляется своевременным и актуальным. Особое значение и авторитет новой секции придал тот факт, что в ее организации и проведении активное участие принял научный руководитель Института психологии РАН академик *А.Л. Журавлев*.

Учитывая сегодняшнюю социально-политическую обстановку в мире и проведение специальной военной операции, необходимость включения секции “*Военная психология*” в программу IV Международной научно-практической конференции более чем очевидна. Проведенная секция позволила переосмыслить и обогатить методологический базис военной психологии научными принципами психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Организатором секции выступила психологическая служба Вооруженных сил Российской Федерации. Участниками секции стали представители ведущих научно-исследовательских организаций, в том числе Федерального центра мозга и нейротехнологий ФМБА России, Института медико-биологических проблем Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а также ведомственных научных и образовательных организаций. Возглавила работу новой секции д-р психол. наук, член-корр. РАО *В.В. Барабанищкова* — руководитель департамента психологической работы Министерства обороны Российской Федерации.

На *пленарной сессии* были представлены доклады, посвященные вопросам методологии, теории, истории психологии и психологической практики. В докладе *А.Н. Занковского* (Москва), посвященном 50-летию юбилею лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, были выделены этапы становления и развития основных направлений исследований, проанализированы традиции и основные достижения научного коллектива, а также определены перспективы дальнейших исследований. Выступление *А.В. Карпова* (Ярославль) было посвящено анализу системогенетических закономерностей чрезвычайно востребованной сегодня информационной деятельности, представлены результаты исследования особенностей формирования основных видов профессиональных компетенций в деятельности программистов. В своем докладе “Проблемы интеллектуального техносимбиоза в мире эволюционирующего искусственного интеллекта” *С.Ф. Сергеев* (Санкт-Петербург) представил свой взгляд на проблемы и возможности использования искусственного интеллекта в психологических исследованиях. *А.В. Махнач* (Москва) подвел итоги развития в Институте психологии РАН относительно нового направления психологических исследований — жизнеспособности человека, которое за последние 20 лет стало общепризнанным не только в нашей стране, но и за рубежом. В докладе *В.В. Барабанищковой* (Москва) были обсуждены научные вызовы и запросы практики в работе психологической службы ВС РФ. Влияние

на групповую эффективность неформального лидерства и включенности в неформальную подгруппу было рассмотрено в докладе *А.В. Сидоренкова* (Ростов-на-Дону). Результаты международного проекта по исследованию субъективного благополучия и психологической жизнеспособности женщин-учителей России и Италии в условиях переработок были представлены группой ученых, которую возглавляли *Л.Н. Захарова* (Нижний Новгород) и *Э. Исидори* (Рим). В докладе *Л.Н. Аксеновской* был проведен многосторонний и подробный анализ влияния войны на развитие и трансформацию организационной психологии.

В работе секции **“История психологии труда”** (руководители — академик РАН, профессор *А.Л. Журавлев*, профессор *О.Г. Носкова*) можно выделить несколько направлений: 1) вопросы истории теории и методологии отечественной психологии труда; 2) гуманистическое направление, связанное с исследованиями духовно-нравственной сферы человека, его жизненной философии и экзистенциального опыта; 3) исследования неблагоприятных функциональных состояний и профессионального выгорания человека. Представленные доклады были посвящены широкому спектру вопросов, стоящих перед историками психологии. Здесь были рассмотрены ключевые вопросы истории теории и методологии отечественной психологии труда, представлены многомерные портреты как отдельных персоналий (например, *А.И. Нафтульева*), так и целых научных движений (например, психотехническое движение в г. Саратове в 1920-х годах); продемонстрированы возможности применения историко-психологического авторского коммуникативно-интегративного подхода.

Ряд докладов был адресован историческому рассмотрению отдельных проблем психологии труда: вопросов изучения успешности труда; проблем индивидуального стиля в деятельности руководителя и специалистов разного профиля; отечественного опыта исследования труда учителя; организации движения “Борьба за время” представителями Лиги “Время-НОТ”, которое можно рассматривать как предысторию современного тайм-менеджмента; психотехнических аспектов создания и использования учебного кино в 1920–1930-е годы.

Участники секции отметили, что задача истории психологии труда — не растерять накопленный нашими предшественниками опыт, способствующий совершенствованию производства, росту производительности труда и обороноспособности страны. В целом, по мнению участников секции, ее работа была очень успешной. Особо следует отметить, что

среди докладчиков, помимо кандидатов и докторов наук, успешно выступили и молодые психологи. Участники выразили надежду, что секция “История психологии труда” станет постоянной в последующих конференциях.

Работа секции **“Психологии труда”** (руководители — д-р психол. наук, профессор *А.А. Грачев*, д-р психол. наук *В.А. Толочек*) была сфокусирована на теоретических и методических аспектах исследований. В отличие от исследований прошлых лет, когда зачастую приоритетными для психологов выступали критерии экономической эффективности, сегодня четко просматривалась гуманистическая ориентация исследователей. Так, в представленных исследованиях изучалась взаимосвязь мотивационных и волевых характеристик у кандидатов на службу в ОВД; профессиональное выгорание в контексте баланса организационной и личной жизни у специалистов в сфере ИТ-сферы; эффективность профессиональной деятельности вахтовых работников промышленных предприятий в связи с ценной этой деятельности для работника и способом решения основных профессиональных задач; прекарная занятость, которая негативно влияет на здоровье и психологическое благополучие человека; нравственность профессионала в структуре его личности. Особо можно отметить концептуальный доклад *В.А. Толочка*, который обосновал проблему трансформации общих принципов психологии применительно к современной психологии труда, а также обсудил специфику организации полевых исследований в современных условиях.

Секция **“Организационная психология”** (руководители — д-р психол. наук *А.Н. Занковский*, д-р психол. наук *А.А. Алдашева*) стала одной из самых значимых на конференции: было представлено 18 докладов. На секции было отмечено, что в последнее время границы предмета исследования организационной психологии значительно расширились, тесно переплетаясь с проблематикой психологии труда, социальной и этнической психологией, а также с психологией личности и развития. Пандемия, новые технологии, кризис глобализации и специальная военная операция привели к глубинной трансформации в социально-экономической среде и духовно-нравственной сфере, способствуя возврату к традиционным ценностям, росту уважительного отношения к труду и формированию новых смыслов профессиональной деятельности. Эти изменения ставят перед организационными психологами труда новые задачи и проблемы, и доклады секции показали, что исследователи держат руку на пульсе современных тенденций. Доклады отличались актуальностью,

научной новизной и разнообразием: от управленческого интеллекта до надежности эргатических систем. В организационной психологии сегодня значительное внимание уделяется теме взаимодействия личности и организации, а также исследованиям организационной культуры, способной обеспечить высокую ответственность и приверженность сотрудников. Многие доклады были связаны с одной из самых актуальных организационных проблем — проблемой мотивации. Были исследованы взаимосвязи трудовой мотивации с удовлетворенностью работой сотрудников с разным уровнем приверженности организации; изучены мотивационные факторы в детерминации адаптации к помогающей деятельности; обоснована важность мотивационно-компетентного подхода с применением методологии трансформационного коучинга для психологического сопровождения развития профессионала; проведен анализ специфических взаимосвязей компонентов мотивационной детерминации у специалистов ИТ-сферы; изучена роль оценки трудовой мотивации в системе управления человеческими ресурсами организации, оценены возможности дизайна организационных процессов, соответствующих мотивам и возможностям работников. Большой интерес вызвал подход, предлагающий исследовать дистанционную трудовую деятельность в парадигме интересубъектной психологии, т.е. рассматривая организацию как интересубъектный психологический конструкт. Горячую дискуссию вызвал доклад, посвященный кризису современной модели лидерства и путям его преодоления.

Также были затронуты проблемы управления современными организациями, роли консультантов по управлению, новые подходы к развитию управленческих навыков, детерминанты карьерных представлений сотрудников, вопросы психологической безопасности профессиональной деятельности, личностные детерминанты деятельности в нестандартных условиях и перспективы взаимодействия ресурсов организационной и экономической этнопсихологии для решения современных социально-экономических проблем. В целом работа секции подтвердила возрастающую актуальность организационно-психологической тематики и необходимость пристального внимания к решению психологических проблем.

На секции **“Жизнеспособность профессионала”** (руководители — д-р психол. наук *А.В. Махнач* и д-р психол. наук *С.В. Котовская*) был рассмотрен широкий круг проблем, связанных со способностью человека не только преодолевать сложные жизненные ситуации, но и раскрывать в себе

потенциал развития и самосовершенствования. Так, обсуждались особенности поступательного развития жизнеспособности людей пожилого возраста от дефицитарной к ресурсной модели, включая такие характеристики, как адаптация, гибкость, сохранение аутентичности, совладание, самореализация, построение дальнейшего жизненного пути, формирование целей и смыслов. Предложена компонентно-уровневая модель жизнеспособности человека и показано, что в процессе онтогенеза изменяется вклад трех уровней индивидуальной жизнеспособности (субъектного, личностного, индивидного), постепенно переходя от ведущей роли индивидного уровня у молодых людей к ведущей роли субъектного уровня в старшей группе. Представлены результаты исследования студентов и определены значимые факторы, способствующие их субъективному и психологическому благополучию и жизнеспособности, а также исследования психологической жизнеспособности в сфере образования на уровнях образовательной среды, образовательной организации и субъектов образования. Кроме того, обсуждались результаты лонгитюдного исследования, показавшие отсутствие однозначных зависимостей между удовлетворенностью жизнью и показателями личностного потенциала. Была продемонстрирована тенденция к изменению роли и значения социальной деятельности для человека, а именно: повышение роли социальных связей и организации положительного микросоциума. Дискуссию вызвали причины подобных изменений и их временные параметры, в частности влияние периода пандемии COVID-19, а также последствия ослабления значимости карьерного роста и профессиональных достижений для удовлетворенности человека своей жизнью. Привлек внимание доклад о роли супервизии в повышении профессиональной жизнеспособности. Представленные в докладе данные позволили соотнести супервизию с трехуровневой, двухфакторной, многокомпонентной структурой профессиональной жизнеспособности и поставить вопрос о специфике определения ее места в рамках трудовой деятельности профессионала. Работа секции позволила подробно обсудить проблемы и перспективы изучения жизнеспособности профессионала, ее индивидуальные, социальные, экономические и организационные аспекты.

Секция **“Инженерная психология и эргономика”** (руководители — д-р психол. наук *А.А. Обознов* и д-р психол. наук *Ю.Я. Голиков*) была посвящена тематике, которая в последние годы становится чрезвычайно актуальной. Интенсивное внедрение во все сферы жизни общества искусственного интеллекта и информационно-коммуникативных

технологий порождает новые формы отношений и интеграции человека с техникой и природой, которые отличаются от классических форм непосредственного манипулирования органами управления машин и физического воздействия на объекты управления. В новой искусственной среде человек становится катализатором ее усложнения, а среда становится частью его самого. Формируется новое единство человека и техники, которое кардинально меняет сложившиеся представления о способах и методах инженерной психологии и эргономики. Помимо методологических вопросов, доклады были посвящены различным научно-прикладным проблемам: эргономическим уязвимостям взаимодействия человека с техникой, возможностям применения технологий виртуальной реальности в инженерной психологии и эргономике; технократическим и психологическим ориентирам развития общественного транспорта в городах-мегаполисах и инженерно-психологическим аспектам взаимодействия летчиков с электронными информационными средами кабин вертолетов. Также были обсуждены новейшие достижения в сфере интеллектуальных технологий в эргономике и когнитивных науках.

Завершил конференцию круглый стол *“Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология: прошлое, настоящее и будущее”*, на котором обсуждались наиболее интересные вопросы и проблемы, затронутые на секционных заседаниях. Руководители секций и участники отметили актуальность представленной на конференции проблематики для исследований современной психологической науки, что было наглядно отражено в прозвучавших докладах и дискуссиях. Конференция позволила ознакомиться с широкой панорамой исследований психологов труда, организационных и инженерных психологов, а также исследователей жизнеспособности, выполненных

в последние три года. Подробно рассмотрены теоретические и методологические вопросы, проведен анализ наиболее актуальных проблем, а также основных тенденций развития указанных направлений психологических исследований. Особо следует отметить направление, которое в предыдущие годы было интегрировано в устоявшиеся, традиционные направления, но сегодня заявило о себе в полный голос. Имеется в виду история развития указанных направлений, история, которая усиливает концептуальность исследовательских подходов, позволяя увидеть процесс психологического познания субъекта труда в развитии. Обсуждены вызовы, которые возникли перед науками о труде в новых условиях, оказывающих огромное влияние на мир профессионального труда. К ним относятся переход к многополярности мира, смена технологического уклада мировой экономики, рост международной напряженности, специальная военная операция, экономические санкции против Российской Федерации, последствия пандемии и многое другое. Сегодня существует множество противоречивых прогнозов о том, какие последствия тектонические изменения будут иметь для субъекта труда, что ожидает организационный мир, как технологические достижения повлияют на дальнейшую судьбу человечества. В своих докладах участники конференции наглядно показали, что эти изменения не только несут с собой угрозы и вызовы, но и открывают для психологов новые возможности и области применения своих знаний и идей. Участники высказали надежду на востребованность и интенсификацию дальнейших исследований в психологии труда, эргономике, инженерной и организационной психологии. С полным основанием можно сказать, что проведенная конференция стала важным научным событием трех последних лет, дающим полное представление о состоянии упомянутых прикладных дисциплин и намечающим линии их будущего развития.

IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LABOR PSYCHOLOGY AND ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGY”

A. N. Zankovsky

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
ScD (Psychology), Head of the Laboratory of Occupational Psychology, Ergonomics,
Engineering and Organizational Psychology.
E-mail: zankovskijan@ipran.ru.*

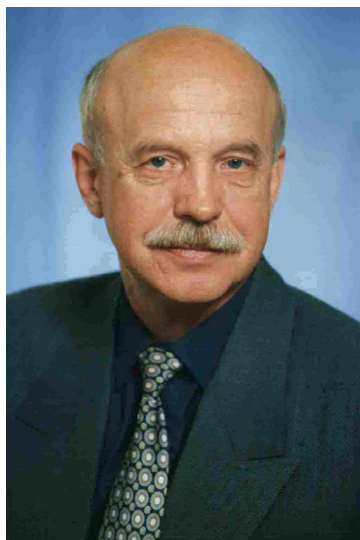
Received 27.11.2024

Abstract. On October 17–18, 2024, the IV International Scientific and Practical Conference “Current state and prospects of development of Labor Psychology and Organizational Psychology” was held at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, which brought together more than 120 participants from Russia and foreign countries. The conference was timed to coincide with the 50th anniversary of the Laboratory of Occupational Psychology, Ergonomics, Engineering and Organizational Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The conference program included a plenary session, breakout sessions and a round table where theoretical, methodological and applied aspects of labor psychology, organizational psychology, engineering psychology, ergonomics and professional viability were considered. A special feature of the forum was the expansion of the topic: the sections “History of labor psychology” and “Military psychology” were added. Among the issues discussed were the challenges facing the sciences of labor in the context of global changes: the transition to a multipolar world, a change in technological paradigm, international tensions, a special military operation, economic sanctions and the consequences of the pandemics. The reports covered a wide range of topics, including the use of artificial intelligence, historical and psychological analysis, problems of motivation, professional burnout, professional viability, human-technical interaction, as well as innovative approaches in the management of organizations. The conference became an important scientific event that outlined the main trends in the development of psychological science, current challenges and prospects, as well as confirmed the high level of interest in labor psychology, organizational and engineering psychology.

Keywords: scientific research, labor psychology, organizational psychology, engineering psychology, ergonomics, history of labor psychology, military psychology, artificial intelligence, professional viability, professional burnout, motivation, human-technology interaction, organization management.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ ПАНФЕРОВУ — 85 ЛЕТ

Владимир Николаевич Панферов — российский ученый психолог, специалист в области общей психологии, социальной психологии, психологии труда, психологии общения и социальной перцепции. Доктор психологических наук (1983), профессор (1984), заслуженный работник высшей школы (2000), почетный профессор РГПУ им. А.И. Герцена (2011), лауреат премии “Золотая психея” в номинации “Патриарх российской психологии” (2014). Академик двух общественных академий: Международной академии акмеологических наук и Балтийской педагогической академии. Основатель научного направления “Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей”. В разное время возглавлял различные психологические кафедры РГПУ им. А.И. Герцена. Им подготовлено 7 докторов наук и 18 кандидатов наук, он автор 200 научных работ.

Владимир Николаевич Панферов родился 26 августа 1939 г. в Ленинграде. Его самые ранние детские воспоминания — война и блокада, эвакуация. Переживания военных лет глубоко запечатлелись в памяти ученого, и по сей день его не покидает исследовательский вопрос психологического ресурса жизнестойкости жителей блокадного города. Отрочество и ранняя юность Владимира Николаевича связаны с Москвой. Его занятия в театральном кружке с некоторой долей вероятности впоследствии подтолкнули его к изучению социальной перцепции и проявлению психологии человека во внешнем облике и экспрессии.

В 1950-е годы Владимир Николаевич возвратился в Ленинград и поступил учиться на психологическое отделение философского факультета ЛГУ. В 1965 г. Владимир Николаевич получил распределение в лабораторию социальной психологии НИИКСИ, где участвовал в исследованиях в области психологии труда. К этому периоду деятельности В.Н. Панферова относится создание нескольких оригинальных социально-психологических методик, получивших широкое распространение в прикладной деятельности психологов на предприятиях.

В 1969 г. В.Н. Панферов защитил кандидатскую диссертацию “Восприятие и интерпретация внешности людей”. Изучение социальной перцепции остается в сфере его научных интересов на протяжении полувека, и сегодня регулярно появляются его работы, посвященные этой тематике и обогащенные результатами эмпирических исследований последних лет. Восприятие человека человеком и его интерпретация, по мнению Владимира Николаевича, является одним из интегративных способов познания психологии человека, как воспринимаемого, так и воспринимающего.

В 1970–1980-е годы В.Н. Панферов преподавал на психологическом факультете ЛГУ, в Высшей профсоюзной школе культуры. В 1983 г. состоялась защита его докторской диссертации “Общение как предмет социально-психологических исследований”. Эта работа — важная веха в развитии

социальной психологии, поскольку наука приобрела новый взгляд на феномен общения и социально-психологическую проработку этой категории вне контекста теории деятельности, в русле психологии отношений. Феноменологическая многогранность человеческих отношений, обусловленная ролевым разнообразием каждого человека, была систематизирована Владимиром Николаевичем в ряде гносеологических моделей, делающих ее возможной для изучения.

С 1987 г. Владимир Николаевич работает в РГПУ им. А.И. Герцена, куда его пригласили возглавить кафедру психологии. Именно здесь в полной мере проявился его организаторский и управленческий талант. Владимир Николаевич вел активную деятельность, связанную с организацией профессиональной подготовки практических психологов сначала для системы образования, а затем и для других секторов экономики. В 1997 г. при непосредственном участии В.Н. Панферова в РГПУ им. А.И. Герцена был основан психолого-педагогический факультет, реализующий подготовку по нескольким психологическим направлениям. В структуре психолого-педагогического факультета он возглавил кафедру психологии человека и руководил ею в течение 13 лет до 2011 г.

Благодаря кропотливой работе Владимира Николаевича в РГПУ им. А.И. Герцена открывались диссертационные советы, обеспечивающие подготовку научных кадров высшей квалификации в области психологии.

В 2011 г. В.Н. Панферов становится почетным профессором РГПУ им. А.И. Герцена.

Сегодня Владимир Николаевич ориентируется не только на задачи продвижения психологической науки, решение ее ключевых гносеологических проблем, но и на ее внедрение в психологическую и педагогическую практику. В.Н. Панферов видит одним из решений назревших социальных проблем детей и подростков как будущих членов нашего общества психологизацию образовательной среды, формирование у всех ее субъектов психологической компетентности. Именно в развитии человеческого познания, гуманизации образовательной системы, считает Владимир Николаевич, заключается важное прикладное и практическое значение психологической науки.

Коллеги, друзья, ученики искренне и с признательностью за участие в их профессиональном становлении поздравляют Владимира Николаевича с юбилеем, желают ему здоровья, долголетия и продолжения научного творчества.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЛАДИМИРУ ДМИТРИЕВИЧУ ШАДРИКОВУ — 85 ЛЕТ

В ноябре 2024 г. исполнилось 85 лет выдающемуся отечественному психологу, организатору науки и образования, педагогу, академику Российской академии образования Владимиру Дмитриевичу Шадрикову.

Научные труды Владимира Дмитриевича внесли значительный вклад в развитие отечественной психологии и образования. В.Д. Шадриков занимал ключевые посты в системе образования СССР и России: от заместителя министра просвещения до академика Российской академии образования. Начав карьеру учителем, он прошел путь до ректора педагогического университета, что позволило ему глубоко понимать потребности системы образования.

Под руководством Владимира Дмитриевича и при его непосредственном участии реализованы многочисленные проекты в области среднего общего образования, в том числе:

- введение в школьную программу предмета “Информатика” (совместно с академиками Е.П. Велиховым, А.П. Ершовым, Б.Н. Наумовым, руководителем управления информатики Министерства просвещения СССР А.Ю. Уваровым), подготовка содержания курса, учебно-методических комплектов и материально-технической базы для успешной реализации преподавания данного предмета;

- разработка концепций и учебных планов для профессионально-технических училищ и средней

школы (совместно с М.Р. Леонтьевой, В.В. Фирсовым, О.Б. Логиновой), ориентированных на культурно-исторические особенности и индивидуальные потребности учащихся;

- введение новых типов образовательных учреждений (гимназии, лицеи, кадетские училища) и разработка для них соответствующих положений;

- проведение эксперимента по развитию индивидуального обучения на основе классов с переменным составом и учебных программ, позволяющих ученикам выбирать уровень предметов согласно их интересам;

- участие в разработке Федерального закона “Об образовании” (1992);

- разработка проекта создания психологической службы в системе образования (совместно с А.Г. Асмоловым).

В области высшего образования В.Д. Шадриков также успешно реализовал ряд значимых проектов, среди которых можно выделить следующие:

- реформирование системы гуманитарного образования с введением цикла из девяти предметов: философии, экономики, отечественной истории, правоведения, психологии, русского языка и культуры речи, культурологии, социологии, политологии; разработка минимума содержания образования по гуманитарным и социальным дисциплинам (под ред. В.С. Степина и В.Д. Шадрикова);

— участие в разработке Федерального закона “О высшем и послевузовском образовании” (1996), в соответствии с которым в России создана система лицензирования, аттестации и аккредитации учебных заведений;

— работа по международному признанию документов об образовании, обосновавшая переход на двухуровневую систему высшего образования с присвоением академической степени бакалавра и магистра.

Проекты В.Д. Шадрикова по модернизации системы высшего и среднего профессионального образования проводились с учетом анализа международного опыта построения образовательных систем высшего (профессионального) образования, основных тенденций в оценке качества образования, а также с учетом развития отечественного рынка труда и его требований к квалификации выпускников высшей школы.

Многогранные научные интересы Владимира Дмитриевича охватывают различные направления педагогической психологии, методологии психологической науки, теорию деятельности и психологию способностей. В 1977 г. В.Д. Шадриков защитил диссертацию на соискание степени доктора психологических наук на тему “Системный подход в психологии производственного обучения”, в которой сформулированы положения концепции системогенеза профессиональной деятельности. Занимаясь научной работой, он экспериментально обосновал данную концепцию, которая позволила существенно повысить решение проблем производственного обучения, профориентации, профотбора и расстановки рабочих кадров. Концепция получила широкое признание: в ее русле защищено более 20 кандидатских и 10 докторских диссертаций, регулярно проводятся общероссийские и международные конференции. Основное содержание концепции изложено в монографиях: “Проблемы системогенеза профессиональной деятельности” (М.: Наука, 1982), “Психология деятельности и способностей человека” (М.: Логос, 1996), “Психология деятельности человека” (М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013).

В рамках исследований по педагогике В.Д. Шадриков предложил методики совершенствования педагогического образования и оценки квалификации учителей, изучал развитие младших школьников в различных образовательных системах, разработал концепцию психолого-педагогической готовности ребенка к школе. Результаты этих работ опубликованы в ряде монографий, среди которых “Профессионализация предметной подготовки учителя математики в педагогическом вузе”

(в соавторстве, Ярославль, 2000), “Психолого-педагогическая готовность ребенка к школе” (в соавторстве с Н.В. Нижегородцевой. М.: Владос, 2003), “Развитие младших школьников в различных образовательных системах” (М.: Логос, 2011), “Профессионализм современного педагога” (М.: Логос, 2012), “Мониторинг качества высшего профессионального образования” (М.: Логос, 2012), “Неокогнитивная психология” (М.: Университетская книга, 2017).

Впоследствии Владимир Дмитриевич сформулировал и обосновал теорию ментального развития человека, предложил метод развития способностей, позволяющий за счет перестройки образовательного процесса существенно повысить интеллект учащихся. При широком внедрении этого метода речь может идти о повышении интеллектуального потенциала нации. Результаты опубликованы в ряде монографий: “Мнемические способности: развитие и диагностика” (М.: Педагогика, 1990), “Ментальное развитие человека” (М.: Аспект-Пресс, 2007), “От индивида к индивидуальности” (М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009), “Способности и одаренность человека” (М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019). Под его руководством были проведены исследования по раскрытию структуры мысли человека, показаны отношения мысли и образа, мысли и представления, мысли и слова, исследована эволюция мысли от первобытного человека к современному. Результаты изложены в монографиях: “Мысль и познание” (М.: Логос, 2014) и “Эволюция мысли. Как человек научился мыслить” (М.: Университетская книга, 2016).

В.Д. Шадриков — автор более 350 научных работ, в том числе 35 монографий. Под его руководством подготовлен и издан учебник по психологии для бакалавров “Общая психология” (М.: Юрайт, 2015). Он почетный профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Белгородского технологического университета им. В.Г. Шухова, Московского педагогического государственного университета, Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

Награжден орденами Почета (2002), “За Заслуги перед Отечеством IV степени” (2012), Св. благоверного князя Даниила Московского (1997), медалями им. Н.К. Крупской (1989), им. К.Д. Ушинского (1989), им. А.С. Макаренки (1990), золотой медалью “За достижения в науке” РАО (2007).

Удостоен звания “Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации”. Лауреат премий Президента (1999) и Правительства Российской Федерации (2005), премии им. С.Л. Рубинштейна Президиума РАН (1996), знака “Почетный работник науки и техники Российской Федерации” (2007).

Редакция “Психологического журнала” рада поздравить с юбилеем Владимира Дмитриевича Шадрикова! Мы желаем ему продолжения плодотворной научной и преподавательской работы, крепкого здоровья и воплощения в жизнь всех его ярких передовых идей, во многом опередивших свое время.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В “ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ” В 2024 Г. ТОМ 45

- Алдашева А.А. См. Семенова Ф.О. № 5.
- Александров Ю.И. См. Созинов А.А. № 5.
- Ангелова О.Ю. См. Кашапов М.М. № 1.
- Андреева И.Г., Клишова Е.А., Луничкин А.М. Применение опросника пространственного слуха (SHQ) для коммуникантов двух возрастных групп. № 6, 95–104.
- Анохина К.В. См. Шестова М.А. № 3.
- Апанович В.В., Юдаков К.С., Егорова П.И. Разработка принципа анализа динамики психофизического показателя d' с применением метода “скользящего окна”. № 5, 65–76.
- Артемцева Н.Г., Самойленко Е.С. Субъектно-ориентированное сравнение у разных категорий пользователей социальных сетей. № 1, 78–87.
- Артемьева О.А. Российская психологическая периодика 1901–1950 гг.: возможности историко-психологического анализа. № 2, 115–125.
- Балева М.В. См. Корниенко Д.С. № 3.
- Бахчина А.В. См. Созинов А.А. № 5.
- Белопольский В.И., Костригин А.А. Андрей Владимирович Брушлинский: опыт наукометрического анализа научного творчества. № 5, 101–112.
- Белопольский В.И., Костригин А.А. Л.И. Анцыферова: наукометрический анализ научного творчества (к 100-летию со дня рождения). № 6, 5–17.
- Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Понимание текстов новых форматов. Часть 1. Методология и результаты эмпирических исследований в российской академической традиции. № 4, 16–28.
- Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Понимание текстов новых форматов. Часть 2. Теоретические модели, их реализация и развитие в зарубежной когнитивной науке. № 5, 34–44.
- Бочавер К.А. См. Нартова-Бочавер С.К. № 5.
- Бызова В.М., Виноградова Я.Е., Ловягина А.Е. Психологические предикторы потенциала самоизменений студентов с разной удовлетворенностью жизнью. № 2, 51–64.
- Валько Д.В. См. Иванова А.А. № 2.
- Варшал А.В. Семейные факторы проблем поведения у детей и их генетические аспекты: обзор эмпирических исследований. № 4, 60–70.
- Васильченко У.И. См. Шестова М.А. № 3.
- Виноградова Я.Е. См. Бызова В.М. № 2.
- Власова А.С., Левшина М.А., Шипилова Э.С., Косолапова Д.В. Субъективные оценки при решении “инсайтных” задач. № 1, 46–52.
- Волдинер Е.А. См. Шестова М.А. № 3.
- Воробьева А.Е. См. Евтодий М.В. № 6.
- Воронин А.Н., Рафикова А.С., Смирнов И.В., Станкевич М.А. Различия в структуре научного дискурса при индивидуальном и коллаборативном авторстве публикаций. № 3, 118–132.
- Гандина Е.О. См. Яковенко И.А. № 6.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А. Настойчивость и ее диагностика: разработка опросника учебной настойчивости. № 5, 113–126.
- Гришина Н.В., Костромина С.Н. Проблема целостности личности в работах Л.И. Анцыферовой: процессуальный подход. № 5, 5–12.
- Грошев И.В., Давыдова Ю.А. Человек и фобии частей его тела: половые/гендерные аспекты. № 3, 76–89.
- Давыдова Ю.А. См. Грошев И.В. № 3.
- Девятерикова А.А. См. Дятлова О.В. № 4.
- Демин Н.А. См. Шагина Е.Д. № 6.
- Дорохов В.Б. См. Яковенко И.А. № 6.
- Дробышева Т.В. Психологические эффекты ранней социализации в семье с наемным работником (няней). № 6, 54–62.
- Дымова Е.Н. См. Харламенкова Н.Е. № 2.
- Дятлова О.В., Кривоногов Р.И., Комаровская А.И., Кунашенко М.И., Девятерикова А.А. Прогнозирование индивидуального опыта научения в терминах этапности решения арифметических задач. № 4, 50–59.
- Евтодий М.В., Воробьева А.Е. Русскоязычная адаптация методики “Шкала отношения к досугу” (Leisure Attitude Scale (LAS)) Дж.Г. Брид и М.Г. Pageб. № 6, 105–117.
- Егорова П.И. См. Апанович В.В. № 5.
- Ениколопов С.Н. См. Колыванова Э.В. № 1.
- Ерибемян А.А. См. Сидоренков А.В. № 2.
- Журавлев А.Л. См. Китова Д.А. № 2.
- Журавлев А.Л. См. Олейник Ю.Н. № 3.
- Журавлев А.Л. См. Олейник Ю.Н. № 4.
- Журавлев А.Л. См. Олейник Ю.Н. № 6.
- Журавлев А.Л. См. Стоюхина Н.Ю. № 5.
- Журавлев А.Л., Костригин А.А. Проблемы психологии доверия и недоверия в трудах А.Б. Купрейченко. № 2, 104–114.
- Журавлев А.Л., Сергеев С.Ф. Вклад Т.П. Зинченко в развитие когнитивной и прикладной психологии (к 85-летию со дня рождения). № 5, 95–100.
- Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии: ответ участникам дискуссии. № 1, 107–113.

- Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.** Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии. № 4, 113–127.
- Журавлев А.Л., Трофимов Е.А., Костригин А.А.** Основные направления инженерно-психологических исследований А.И. Галактионова (к 100-летию со дня рождения). № 3, 108–117.
- Забелина Е.В.** См. Иванова А.А. № 2.
- Забелина М.Р.** См. Шестова М.А. № 3.
- Зайцев С.В.** К вопросу о типологизации индивидуальных особенностей учения школьников. № 3, 54–63.
- Зеленкова Т.В.** О соотношении психического и биологического в проблеме моделирования сознания. № 2, 5–14.
- Знаков В.В.** Скрытый порядок в мире человека и рассуждениях Л.И. Анцыферовой о психике. № 5, 13–22.
- Иванова А.А., Забелина Е.В., Валько Д.В., Николаева Е.В.** Русскоязычная адаптация краткой шкалы привязанности к месту. № 2, 91–103.
- Игнатов Д.С.** См. Сидоренков А.В. № 2.
- Карпова Н.Л., Попова Т.А.** Проблемы преодоления жизненного стресса у учащихся с позиции концепции смысла жизни В.Э. Чудновского. № 5, 77–84.
- Кашапов М.М., Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Прохорова М.В.** Уровень выраженности горизонтальной абнотивности как детерминанта командной работы профессионалов. № 1, 5–18.
- Каширский Д.В.** См. Сабельникова Н.В. № 4.
- Китова Д.А.** См. Семенова Ф.О. № 5.
- Китова Д.А., Журавлев А.Л.** Образование как функциональный ресурс развития государства: анализ социально-экономических представлений россиян. № 2, 15–27.
- Клименко А.В.** См. Перцов С.С. № 1.
- Клишова Е.А.** См. Андреева И.Г. № 6.
- Колыванова Э.В., Ениколопов С.Н.** Психометрический анализ русскоязычной версии опросника “The Vengeance Scale”: опросник мстительности и прощения. № 1, 88–97.
- Комаровская А.И.** См. Дятлова О.В. № 4.
- Кондратьев И.Е.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Корнеев А.А.** См. Нартова-Бочавер С. К. № 5.
- Корниенко Д.С., Балева М.В., Ячменёва Н.П.** Утилитарная этика: вклад черт темной тетрады и отчуждения моральной ответственности. № 3, 64–75.
- Косолапова Д.В.** См. Власова А.С. № 1.
- Костригин А.А.** См. Белопольский В.И. № 5.
- Костригин А.А.** См. Белопольский В.И. № 6.
- Костригин А.А.** См. Журавлев А.Л. № 2.
- Костригин А.А.** См. Журавлев А.Л. № 3.
- Костромина С.Н.** См. Гришина Н.В. № 5.
- Кривоногов Р.И.** См. Дятлова О.В. № 4.
- Кудинов С.С.** См. Созинов А.А. № 5.
- Кунашенко М.И.** См. Дятлова О.В. № 4.
- Левшина М.А.** См. Власова А.С. № 1.
- Ловягина А.Е.** См. Бызова В.М. № 2.
- Лукина С.Е.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Луничкин А.М.** См. Андреева И.Г. № 6.
- Мазилов В.А.** См. Шадриков В.Д. № 4.
- Макаревская Ю.Э.** См. Рябикина З.И. № 6.
- Малых С.Б.** См. Тихомирова Т.Н. № 2.
- Матвейчева С.А.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Медынцев А.А.** Роль “эффекта истории” в формировании ожидаемого результата в процессе решения задач. № 3, 26–40.
- Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Бочавер К.А.** Субъектная концепция аутентичной личности: обоснование и эмпирическая верификация. № 5, 23–33.
- Нефедова А.В.** См. Сабельникова Н.В. № 4.
- Нехаева Ю.В.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Никитина Д.А.** См. Харламенкова Н.Е. № 2.
- Николаева Е.В.** См. Иванова А.А. № 2.
- Носкова О.Г.** Сергей Васильевич Кравков — психолог и психофизиолог: вехи научной биографии (к 130-летию со дня рождения). № 1, 98–106.
- Обухова Ю.В.** См. Сидоренков А.В. № 2.
- Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.** Методологические основания изучения персоналий в истории психологии на основе их публикационной активности. № 6, 44–53.
- Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.** Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 1. Состояние и трудности изучения. № 3, 5–14.
- Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.** Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 2. Проблемы, подходы и перспективы исследования. № 4, 5–15.
- Перцов С.С., Клименко А.В.** Особенности физиологического обеспечения целенаправленного поведения людей с различными индивидуально-типологическими характеристиками. № 1, 65–77.
- Петренко Н.Е.** См. Яковенко И.А. № 6.
- Подольская Т.О.** См. Кашапов М.М. № 1.
- Попова Т.А.** См. Карпова Н.Л. № 5.
- Прохоров А.О., Чернов А.В.** Развитие ментальной регуляции психических состояний студентов в процессе обучения. № 3, 41–53.
- Прохорова М.В.** См. Кашапов М.М. № 1.
- Сидоренков А.В., Игнатов Д.С., Обухова Ю.В., Ерибекина А.А.** Разработка опросника функций неформаль-

- ных подгрупп по отношению к производственной группе. № 2, 80–90.
- Рафикова А.С.** См. Воронин А.Н. № 3
- Ребеко Т.А.** Отношение к ногтям в качестве репрезентации границы телесного Я. № 1, 53–64.
- Рубин Ю.Б., Шадриков В.Д.** Личностные качества, профессионально важные для занятия предпринимательством. № 2, 65–79.
- Рунец О.В.** См. Семенова Ф.О. № 5.
- Рябикина З.И., Макаревская Ю.Э.** Методологические конструкты в подходе Л.И. Анцыферовой к личности и их реализация в исследовании идентичности. № 6, 18–32.
- Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Нефедова А.В.** Русскоязычная версия опросника “Опыт близких отношений — структуры отношений” Р. Фрейли, М. Хеффернан, А. Викари и К. Брамбо (ECR-RS-Ru). № 4, 97–112.
- Самойленко Е.С.** См. Артемцева Н.Г. № 1.
- Семенов И.Н.** Научоведческая рефлексия логики развития российской социальной психологии (к 100-летию юбилею Г.М. Андреевой). № 4, 81–90.
- Семенов И.Н.** Философско-психологическая система рефлексивно-смысловой педагогики воспитания личности в российском человекознании (в связи со 145-летним юбилеем М.М. Рубинштейна). № 6, 85–94.
- Семенова Ф.О., Китова Д.А., Алдашева А.А., Рунец О.В.** Обыденные представления о профессионализме как интегральном социально-психологическом феномене. № 5, 45–53.
- Сергеев С.Ф.** Историческая преемственность и научная этика в психологическом наследии Г.В. Суходольского (к 90-летию со дня рождения). № 4, 91–96.
- Сергеев С.Ф.** См. Журавлев А.Л. № 5.
- Сергиенко Е.А.** См. Журавлев А.Л. № 1.
- Сергиенко Е.А.** См. Журавлев А.Л. № 4.
- Сергиенко Е.А.** Современность идей Л.И. Анцыферовой (к 100-летию со дня рождения). № 6, 33–43.
- Сергиенко Е.А.** Уроки советской психологии. № 3, 133–142.
- Слепко Ю.Н.** См. Шадриков В.Д. № 4.
- Смирнов И.В.** См. Воронин А.Н. № 3.
- Созинов А.А., Бахчина А.В., Кудинов С.С., Александров Ю.И.** Перенос навыка, сердечный ритм и индивидуальные различия при научении достижению поощрения или избеганию потери. № 5, 54–64.
- Соловьева Е.В.** См. Холодная М.А. № 1.
- Станкевич М.А.** См. Воронин А.Н. № 3.
- Стояхина Н.Ю., Журавлев А.Л.** К 70-летию совещания по вопросам психологии 1953 г.: Первое послесталинское. № 5, 85–94.
- Сычев О.А.** См. Гордеева Т.О. № 5.
- Тихомирова Т.Н., Малых С.Б.** Когортные различия в выполнении теста интеллекта: эффекты начального школьного обучения и сложности заданий. № 2, 28–38.
- Толочек В.А.** Динамика актуализации интрасубъектных ресурсов и успешность субъекта. № 6, 63–72.
- Трофимов Е.А.** См. Журавлев А.Л. № 3.
- Харитоновна Е.В.** К вопросу о понятии “историческое время” в психологии. № 4, 71–80.
- Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е., Дымова Е.Н.** Переживание стресса оставленности и беспомощности в подростковом возрасте. № 2, 39–50.
- Холодная М.А., Соловьева Е.В.** Конструктивные и деструктивные аспекты эмпатии как следствие ее многомерной природы. № 1, 32–45.
- Цзюй Ю.** Исследование национального самосознания в китайской этнопсихологии. № 4, 39–49.
- Черемушкин Е.А.** См. Яковенко И.А. № 6.
- Чернов А.В.** См. Прохоров А.О. № 3.
- Шадриков В.Д.** См. Рубин Ю.Б. № 2.
- Шадриков В.Д., Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.** Способности в современной зарубежной психологии. № 4, 29–38.
- Шамионов Р.М.** Эмоциональное отношение и мотивы неприязни как предикторы дискриминационных установок. № 3, 15–25.
- Шаталова Н.Е.** См. Харламенкова Н.Е. № 2.
- Шахов М.В.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Шестова М.А., Забелина М.Р., Васильченко У.И., Анохина К.В., Волдинер Е.А.** Апробация шкалы эстетических эмоций на российской выборке. № 3, 90–107.
- Шипилова Э.С.** См. Власова А.С. № 1.
- Шишкин А.А.** См. Шагина Е.Д. № 6.
- Щербакова О.В.** Дефициты смыслового чтения у молодых взрослых: проявление несформированности понятийного мышления. № 1, 19–31.
- Щербакова О.В.** См. Блинова Е.Н. № 4.
- Щербакова О.В.** См. Блинова Е.Н. № 5.
- Юдаков К.С.** См. Апанович В.В. № 5.
- Яковенко И.А., Петренко Н.Е., Черемушкин Е.А., Гандина Е.О., Дорохов В.Б.** Межполушарные различия связей между ритмами ЭЭГ при полном и неполном пробуждении. № 6, 73–84.
- Ячменёва Н.П.** См. Корниенко Д.С. № 3.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Баранова В.А., Емельянова Т.П.** Психология коллектива как научное наследие А.И. Донцова. № 6, 118–125.
- Емельянова Т.П.** См. Баранова В.А. № 6.

Журавлев А.Л., Павлова Н.Д. Выразительность речи и голоса: к 95-летию со дня рождения В.П. Морозова. № 1, 114–123.

Павлова Н.Д. См. Журавлев А.Л. № 1.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Воробьева А.Е. Международная юбилейная научная конференция “Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований”. № 1, 129–133.

Занковский А.Н. IV Международная научно-практическая конференция “Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии”. № 6, 126–131.

Константинов В.В., Хашенко Н.Н. Седьмая Международная научно-практическая конференция “Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире”. № 2, 126–132.

Тарасов С.В. X юбилейная международная конференция молодых ученых “Психология — наука будущего”. № 1, 124–128.

Хашенко Н.Н. См. Константинов В.В. № 2.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Анатолию Николаевичу Занковскому — 70 лет! № 5, 133–134.

Антонине Николаевне Ждан — 90 лет! № 2, 133–134.

Владимир Александрович Мазилев. № 3, 145–147.

Владимиру Александровичу Барабаншикову — 75 лет. № 3, 143–144.

Владимиру Дмитриевичу Шадрикову — 85 лет. № 6, 134–136.

Владимиру Николаевичу Панферову — 85 лет. № 6, 132–133.

Елена Алексеевна Сергиенко. № 5, 127–128.

Ирина Григорьевна Скотникова. № 5, 129–130.

К юбилею Татьяны Анатольевны Жалагиной. № 2, 135–136.

Марина Александровна Холодная. № 5, 131–132.

Татьяне Васильевне Корниловой — 70 лет. № 4, 128–129.